

Дмитрий Сергеевич Никитин

"Друг Индии"

Аллан Октавиан Юм

(1829-1912)

Новосибирск

2015

УДК 94(410+540)
ББК 63.3(0)5
Н62

Никитин Д. С. «Друг Индии»: Аллан Октавиан
Н62 Юм (1829-1912). - Новосибирск, 2015. - 156 с.

ISBN 978-5-600-01189-2

Книга рассказывает о жизни и деятельности Аллана Октавиана Юма — чиновника Индийской гражданской службы, теософа и ученого-орнитолога, одного из основателей Индийского национального конгресса. Рассматривается роль и значение Юма в истории страны, его влияние на развитие национального движения, вклад в индийскую и мировую науку.

Книга предназначена как для специалистов по новой истории Индии, так и для широкого круга читателей.

Рецензенты:

Е. В. Антропов, кандидат исторических наук

А. А. Иванова, кандидат политических наук

ISBN 978-5-600-01189-2

© Никитин Д. С., 2015

Оглавление

Введение.....	3
Глава I.....	8
Глава II.....	16
Глава III.....	30
Глава IV.....	47
Глава V.....	60
Глава VI.....	67
Глава VII.....	82
Глава VIII.....	100
Глава IX.....	128
Заключение.....	143
Библиография.....	145

Введение

Девятнадцатый век для Индии стал временем больших потрясений, временем, когда страна окончательно потеряла независимость, превратившись в британскую колонию, потерпела поражение, пытаясь вернуть ее военным путем и обрела новую надежду в конституционных методах борьбы за свою свободу. Немногие смогли стать свидетелями всех этих событий, и тем более — принять в них активное участие и оставить свой след в многовековой истории Индостана. Одним из тех, кому довелось пройти вместе со страной значительную часть того непростого пути, каким стало для Индии девятнадцатое столетие, был и герой этой книги — Аллан Октавиан Юм (1829-1912 гг.).

Имя этого человека в нашей стране практически неизвестно и редко выходит за пределы словарных статей, однако значение его деятельности для Индии очень велико. Юм посвятил ей всю свою жизнь; традиционно главной его заслугой перед страной считается активное участие в создании Индийского национального конгресса (ИНК), за которое он даже был назван его «отцом», но сфера его интересов и занятий, приносивших большую пользу стране, была гораздо шире, нежели только участие в национальном движении. Более тридцати лет он отдал Индийской гражданской службе (ИГС), начав карьеру простым клерком и добившись высоких постов в колониальной администрации; научные исследования Юма заложили основы индийской орнитологии; наконец, он участвовал и в теософском движении, которое, несмотря на всю противоречивость, внесло значимый вклад в культурное возрождение субконтинента. Вместе с тем, в полной мере деятельность Аллана Октавиана Юма стала изучаться в научных кругах сравнительно недавно, а для многих исследований характерно освещение лишь отдельных ее аспектов, зачастую трактуемых однобоко в силу идеологических установок авторов, и потому, думается, рассказ о жизни

и трудах Юма будет интересен как специалистам по истории Индии, так и широкому кругу читателей. Следует учесть и тот факт, что большинство авторов, затрагивающих тему жизни и деятельности А. О. Юма, наиболее подробно рассматривают, прежде всего, его вовлеченность в индийское национальное движение, создание ИНК и работу в Конгрессе. В настоящем издании, таким образом, предпринята попытка в равной степени полно осветить все разнообразные сферы деятельности Юма в Индии.

В зарубежной литературе изучение наследия Аллана Октавиана Юма началось практически сразу после его смерти в 1912 году. Первые работы, посвященные ему, являются, скорее, воздаянием последних почестей наставнику и другу, нежели строго научным анализом его деятельности. Примером такого рода является небольшой очерк, вышедший в год смерти Юма в Мадрасе [1], ограничивающийся кратким описанием его службы в колониальной администрации и деятельности в ИНК.

Тем не менее, самая известная биография Юма, остающаяся востребованной в научных кругах и по сей день, также была написана его другом и соратником по Индийскому национальному конгрессу сэром Уильямом Уэддерберном. Эта работа была впервые выпущена в свет в 1913 году и выдержала несколько переизданий [2, 3, 4], самым значимым из которых является издание 2002 г., благодаря пространному научному комментарию канадского исследователя Эдварда Моултона [5, 6]. Несомненным достоинством книги Уэддерберна является попытка максимально подробно рассказать не только о работе Аллана Октавиана Юма в ИНК, но и представить читателю полную картину его разнообразных трудов на протяжении всей жизни. Однако, в силу ограниченного количества источников Уэддерберн многие важные события описывает очень кратко; кроме того, близкое знакомство автора с Юмом и те задачи, которые он ставил, создавая его биографию, невольно придают книге несколько «агиографический» характер. Существенным недостатком этого жизнеописания является также и то, что Уэддерберн практиче-

ски не рассматривает связи Юма с Индией после 1894 г., когда тот покинул страну, и его работу с Британским комитетом Индийского национального конгресса (БК ИНК). Вместе с тем, книга Уэддерберна оказала известное влияние на последующие работы, в частности, на монографию Бишамбера Дайяла Ядава, вышедшую в 1992 г. [7]

Завоевание Индией независимости в 1947 г. привело к существенному пересмотру роли А. О. Юма в создании Конгресса и национальном движении в целом. Так, получила широкое распространение точка зрения, согласно которой его участие в движении объясняется желанием сохранить британское правление в Индии с помощью уступок образованным слоям туземного населения. Юм, таким образом, признавался не создателем важнейшего центра национального движения, но империалистическим агентом. Подобная позиция была свойственна и советской историографии¹.

Серьезная заслуга в формировании современного взгляда на роль А. О. Юма в индийской истории принадлежит профессору из Шимлы Ш. Р. Мехротре и уже упоминавшемуся Э. Моултону. Мехротра, в основном, рассматривает деятельность Юма в контексте национально-освободительного движения [8, 9, 10], тогда как исследования Моултона охватывают более широкий спектр вопросов [11, 12, 13]. Благодаря усилиям Мехротры и Моултона увидел свет первый том «Избранных произведений» Юма, охватывающий период 1829-1867 гг. [14] К сожалению, по состоянию на сегодняшний день выпуск четырехтомника приостановлен, но все же первый том, содержащий документы времен начального этапа карьеры Юма в ИГС и великого индийского восстания 1857-1859 гг., является хорошим подспорьем для исследователя, поскольку в это время формируется отношение Юма к стране, его взгляды на задачи британского Раджа в Индии и на индийское самоуправление. Документы, собранные в «Избранных произведениях», являются очень важными для изучения жизни А. О. Юма, особенно если принять во внимание

1 Подробнее об этом направлении в историографии см. главу VII

тот факт, что сам он никогда не вел систематического архива.

Среди других источников необходимо отметить и поздние произведения Юма на тему сельскохозяйственных проблем страны [15], теософских исканий [16, 17] и политического развития Индии [18, 19, 20, 21], позволяющие существенно дополнить картину его мировоззрения, развития взглядов и убеждений. Отдельный блок произведений составляют работы Юма по орнитологии [22, 23, 24], вследствие чего его научным исследованиям посвящена отдельная глава.

Разносторонняя деятельность А. О. Юма нашла отражение во многочисленных воспоминаниях британских [25, 26, 27], индийских [28, 29] и даже российских современников [30]. Они не только добавляют немаловажные и интересные штрихи к портрету Юма-чиновника, Юма-ученого или политического активиста, но и демонстрируют общий фон времени, помогают раскрыть особенности влияния эпохи на человека и человека на эпоху. Схожую роль играют и материалы прессы Британской империи, чье идеологическое разнообразие дает дополнительную возможность наиболее полно сформировать представление об исторических реалиях Индии девятнадцатого столетия и месте и роли А. О. Юма в них.

Наиболее значительная часть материалов, использованных при создании книги, несомненно, связана с историей создания и первых лет Индийского национального конгресса. Документы по истории Конгресса и БК ИНК включают в себя официальные отчеты о сессиях ИНК [31, 32], переписку и записи публичных выступлений деятелей Конгресса [33, 34]. Отдельную категорию источников по истории ИНК составляют работы противников Конгресса [35, 36], которые позволяют понять, с какими препятствиями пришлось столкнуться А. О. Юму и деятелям национального движения в Индии.

Вся совокупность использованных при работе над книгой источников, безусловно, не ограничивается этим кратким перечнем, демонстрирующим лишь основные категории исторических документов, которые помогают автору не только

рассказать о яркой и неординарной жизни Юма, но и оценить, объяснить его участие и влияние на процессы, протекавшие в стране на протяжении XIX- начала XX вв.

В отечественной литературе встречаются разночтения фамилии Юма (Хьюм), однако в настоящем издании принят первый, фонетически более верный вариант. Вариант «Хьюм» оставлен без изменения в цитатах современников из произведений, вышедших на русском языке. Написание индийских имен и фамилий, за редким исключением, соответствует общепринятому. В некоторых фамилиях, во избежание путаницы, сохранено традиционное написание (например, *В. Ч. Бонерджи*, но *С. Банерджи*).

Автор выражает глубокую признательность М. Е. Коршуновой, Д. А. Антипову и И. О. Костылеву за поддержку и всестороннюю помощь в создании этой книги.

Глава I

Уильям Уэддерберн, друг и соратник Аллана Октавиана Юма, справедливо утверждал: «Чтобы понять личность Аллана Юма, необходимо иметь в виду его происхождение и среду, окружавшую его с ранних лет» [5, р. 8]. Действительно, семья и окружение оказали серьезное влияние на его дальнейшую судьбу, общественную и политическую деятельность, фактически определив направление жизненного пути будущего основателя Индийского национального конгресса.

Род Юмов берет свое начало на восточном берегу Шотландии, в окрестностях Монтроза, бывшего на протяжении столетий ареной бурных политических и военных баталий. В раннем средневековье город неоднократно подвергался нашествиям датчан. В XIII веке здесь бушевала гражданская война; согласно некоторым источникам, именно в Монтрозе Эдуард I Длинноногий лишил шотландского короля Иоанна Баллиоля знаков королевского отличия и статуса, а годом позже городскую крепость разрушил знаменитый Уильям Уоллес, уничтожив весь английский гарнизон, стоявший на ее защите. Монтроз был родиной выдающегося шотландского полководца XVII века Джеймса Грэма, 1-го маркиза Монтроза, который внес сначала значительный вклад в победу ковенантеров над войсками Карла I в Епископских войнах, а позже — в победу войск последнего над ковенантерами в битве при Инверлохе. Наконец, в 1716 году город стал последним в Британии пристанищем восставших якобитов во главе с Джеймсом Стюартом, претендентом на английский и шотландский престол; а тридцать лет спустя, во время Второго якобитского восстания (в котором, кстати, принимали активное участие и предки уже упомянутого У. Уэддерберна), у берегов Монтроза состоялось крупное морское сражение, принесшее успех его сыну, Красавчику принцу Чарли.

Стратегическое значение Монтроза объясняется тем, что на протяжении всей своей истории он был важным морским

портом, куда приходили суда со всех концов Британии, а позже — и со всего света, что даже нашло отражение в названиях городских улиц, как Индиа-стрит или Балтик-стрит. Город был центром контрабанды и морской торговли; существенную роль в жизни горожан играло рыболовство, особенно заготовка лосося. Поэтому нет ничего удивительного в том, что дед Аллана, Джеймс Юм, начал свою жизнь простым рыбаком и корабельным мастером, ставшим позже капитаном и владельцем каботажного торгового судна [6, р. xii]. О нем нам известно немного — он родился в 1735 году и был крещен 26 августа, а 22 января 1761 года взял в жены Мэри Аллан, в связи с чем состоялась служба в церкви прихода Крейг. Джеймс Юм умер в 1786 году, когда его сын Джозеф (1777-1855), которого он часто брал с собой в море [37, р. 2], был еще ребенком. Весь груз забот о семье лег на плечи рано овдовевшей Мэри, и стоит заметить, что с этой задачей она справилась блестяще, надолго сохранив добрую память о себе у потомков. Через много лет, уже после смерти Джозефа Юма, отца нашего героя, журнал «Lives of the Illustrious» напишет о ней следующие слова: «О капитане Юме мы не знаем ничего, но усилия и успех матери Джозефа Юма рассказывают ее историю и дают нам еще одно свидетельство истинности утверждений, что практически у всех великих людей были замечательные матери» [38, р. 79]. Она владела посудной лавкой в Монтрозе, благодаря которой смогла дать образование детям. Именно ее материнской заботе и влиянию Джозеф Юм впоследствии приписывал свой собственный успех и удачу в жизни [39, р. 83]. Злые языки, впрочем, рассказывали, что Джозеф получил школьное образование при весьма анекдотичных обстоятельствах. Якобы однажды Уильям Мол, в будущем 1-й барон Панмур, был разочарован качеством товаров в лавке Мэри и в пьяном угаре начал бить посуду. Мэри выдвинула свои претензии и получила возмещение убытков. Лорд Панмур после этого спросил: «Итак, моя хорошая, могу ли я сделать для вас что-либо еще?», на что Мэри ответила ему, что у нее есть сын, и она хотела бы, чтобы он получил более хорошее образование,

чем она могла ему дать [40, р. 105-106]. Была в ходу и совершенно невероятная версия, что Уильям Мол, бывший поклонником теории «животного магнетизма», или месмеризма, смог влиянием своей магнитной энергии заставить молодую вдову разбить посуду в своей собственной лавке [41, р. 47]. Многие, однако, с недоверием относились к таким анекдотам и утверждали, что только усердие и настойчивость позволили Мэри дать детям (и не только одному Джозефу) хорошее образование [38, р. 79].

Как бы то ни было, Джозеф поступил в школу в Монтрозе, где быстро привлек внимание своей активностью и живым умом [38, р. 79]. Здесь его близким другом стал Джеймс Милль — известный шотландский экономист. Милль был старше Юма на четыре года, но у них нашлись общие интересы. Оба были сильны и хорошо развиты физически; помимо серьезного отношения к школьным занятиям, их сближали совместные прогулки из Монтроза в Абердин, которые для двух мальчиков были постоянным приключением [37, р. 3]. В тринадцать лет Джозеф пошел в ученики к местному хирургу и начал заниматься составлением аптечных рецептов, а через три года продолжил свои занятия медициной в Эдинбургском университете. В 1796 году он получил медицинскую степень и поступил в Лондонский хирургический колледж [39, р. 83]; одновременно Джозеф занимался и врачебной практикой.

Следующий, 1797 год, во многом был для молодого хирурга переломным. Он получил сертификат Лондонского объединения хирургов [42, р. 14] и впервые отправился в Индию в качестве ассистента хирурга на судне Ост-Индской компании. Известно, что этому назначению способствовал член Парламента Дэвид Скотт [39, р. 83], поддерживавший тесные политические связи с Монтрозом. В течение 1788-1802 гг. он входил в число руководителей Ост-Индской компании, и многие члены его семьи также находились на руководящих постах в Бенгалии. Однако, было бы большим преувеличением утверждать, что своей карьерой Джозеф Юм обязан протекциям со стороны шотландской политиче-

ской элиты. Ниже мы увидим, что в Индии молодой хирург из Монтроза проявил недюжинные способности, позволившие ему быстро добиться расположения начальства.

Первое путешествие, впрочем, продлилось недолго; через полтора года Юм вернулся в Лондон, где продолжил занятия медициной — его наставником в это время был, в частности, выдающийся английский хирург сэр Эстли Купер [38, р. 79]. Но уже в 1799 году он вновь был зачислен хирургом на судно Ост-Индской компании для продолжения дальнейшей службы в Бенгальском президентстве. Вторая поездка Юма в Индию стала залогом его успешной карьеры. «Littell's Living Age» так описывал это плавание: «Только Индия дала простор его [Джозефа Юма] природной силе и энергии ума. Мы слышали, что во время его второго путешествия на одном из ветхих ковчегов Компании, доверху набитом пассажирами всех классов, состояний и профессий, он, после неожиданной смерти казначея, добровольно взял на себя его обязанности и выполнял их до окончания путешествия. Его усердие на этой должности и добрый нрав принесли ему множество друзей, и по прибытии судна в Калькутту капитан, офицеры и пассажиры публично засвидетельствовали, что он безвозмездно оказывал эти услуги. Таким образом, молодой хирург сошел на землю с уже готовой репутацией» [39, р. 83]. На берегу он также не тратил времени даром — осознав, какую пользу может принести знание местных языков (учитывая, что многие служащие Компании не владели ими вовсе), он немедленно принялся за их изучение, и, в дополнение к своим прямым обязанностям, стал вскоре переводчиком с персидского, генерал-комиссаром, казначеем и почтмейстером. Знание химии помогло ему отличиться и на военном поприще: во время войны с маратхами 1802-1803 гг. он вовремя обнаружил, что запасы пороха отсырели, но сумел восстановить все необходимые боеприпасы [39, р. 83]. Современники отмечали: «Нет ничего более удивительного, чем то количество тяжелой работы, которое выполнял в различных ведомствах молодой чиновник; и она позволила ему не только заслужить огромный почет и уважение, но и вернуть-

ся в Англию в расцвете сил и с заслуженным доходом в 30000 или 40000 фунтов стерлингов [40, р. 106]».

В 1808 году Джозеф Юм вышел в отставку и вернулся в Англию. Оказав необходимую помощь нуждавшейся семье, которой был обязан возвышением, он отправился в путешествие по Великобритании, а после надолго уехал в Европу, «не ради удовольствия или развлечений, но чтобы увеличить запас политического опыта» [40, р. 106]. Однако политическая карьера получилась отнюдь не безоблачной. Юм избрался в Палату общин в 1812 году, но продержался там недолго — после роспуска Парламента осенью следующего года избиратели округа Уэймут, от которого он был выдвинут, отказали ему в переизбрании, вопреки заключенной между ними сделке [5, р. 9]. Но Юм не пал духом и не оставил попыток закрепиться в Парламенте. Он отошел от тори, и в 1818 году избрался в Палату общин как либерал. С этого момента и до самой смерти он, с незначительными перерывами, оставался членом Палаты общин и лидером либеральной группы Парламента.

Мы специально дали более подробный очерк ранних, «индийских» лет Джозефа Юма в ущерб описанию его поздней, несомненно намного более насыщенной событиями карьере в Парламенте, для того, чтобы показать, что любовь Аллана Октавиана Юма к Индии, которой он посвятил практически всю жизнь, не была случайной. Вообще, как мы еще увидим, жизненный путь сына во многом повторяет жизненный путь отца, с той лишь разницей, что Джозеф Юм, так никогда не забывший страну своей молодости, давшую ему дорогу в жизнь, все-таки добился своей славы и влияния в метрополии, тогда как Аллан Юм навсегда остался «другом Индии» и одним из творцов ее современной истории.

В августе 1815 года Джозеф Юм вступил в брак с Марией Бернли, единственной дочерью Хардина Бернли, руководителя Ост-Индской компании, о чем, в соответствии с тради-

циями того времени, было сообщено в газетах [43, р. 273]. Аллан Октавиан Юм, родившийся 4 июня 1829 года, был восьмым (и последним выжившим) ребенком от этого брака. Семья Джозефа Юма, ставшего к тому времени влиятельным лидером радикалов, жила тогда в доме номер 6 на площади Брайанстон, в фешенебельном районе лондонского Вест-Энда, близ недавно возведенной Мраморной триумфальной арки [14, р. 1]. О детских и юношеских годах А. О. Юма, проведенных в Лондоне, нам не известно практически ничего — архивы отца погибли в результате пожара, а сам Аллан не оставил после себя личных бумаг. Некоторую информацию об этом времени можно почерпнуть из писем поздних лет и сохранившихся ученических сертификатов [14, р. 2-5].

В январе 1840 г. Юм поступает в школу при Университетском колледже Лондона. О школьных успехах Аллана говорит письмо Томаса Хьюитта, директора школы, Джозефу Юму от 3 декабря 1846 г. В нем он пишет: «...У меня было много возможностей оценить его [А. О. Юма] характер, и я с большим удовольствием могу сказать, что его поведение от начала до конца было таковым, что я могу честно заявить, что он хорошо подготовлен для поступления в Ост-Индский колледж. Хотя время от времени и бывали случаи, когда я мог пожаловаться на его прилежание, в целом его внимание было удовлетворительным; и я всегда находил, что могу полностью положиться на его честность и строгое соблюдение высоких принципов. Я не говорю о его интеллектуальной подготовленности или потребностях, поскольку это не указано в предписаниях, которые вы прислали мне. В противном случае мое заключение также было бы решительно благоприятным [14, р. 3]».

Учение, конечно, не занимало все время и внимание Юма. Уэддерберн упоминает об интересном эпизоде, произошедшем летом 1842 года: «Аллан Юм рано обнаружил качества той выносливой мореходной расы, какой являются люди северо-восточного побережья Шотландии. Его юношеской целью было поступление в королевский флот, и, хотя ему была предначертана Индийская гражданская служ-

ба, отец разрешил ему «попробовать жизнь»; так, в возрасте тринадцати лет он присоединился к фрегату «Авангард» в качестве младшего мичмана и служил некоторое время, плавая в Средиземном море [5, р. 10]». В детстве, в родовом поместье Бернли Холл, Аллан хорошо освоил морское дело (сказывался опыт деда и отца), путешествуя вдоль побережья; впрочем, практический опыт мореплавания не очаровал его [14, р. 2] — его больше привлекали научные исследования, особенно ботаника и медицина, а в дальнейшем его увлечением, благодаря которому он получит определенную известность в научных кругах, станет орнитология.

В 1844-1846 гг. Юм получает образование в Университетском колледже Лондона, где преподаватели также неоднократно отмечают его успехи в учебе, в частности, в латинском и греческом языках и математике [14, р. 3]. В декабре 1846 году Аллан и Джозеф Юм подают прошение на имя совета директоров Ост-Индской компании о поступлении Аллана в Ост-Индский колледж в Хейлибери. Обучение здесь продолжалось два года; сохранился студенческий сертификат, подписанный директором колледжа Х. Мелвиллом, с перечислением достижений Юма в учебе: в истории, политической экономии, но прежде всего — в математике. Достижения студентов Ост-Индского колледжа отмечались и в прессе [44]. По окончании колледжа, 24 января 1848 года, Юм попал в список первого класса Ост-Индской компании под номером пять для прохождения службы в Бенгалии [14, р. 4]. Уэддерберн утверждает, что по завершении обучения в Хейлибери Юм изучал медицину и хирургию у известного хирурга Роберта Листера [5, р. 10], однако Э. Моултон и Ш. Мехротра ставят это утверждение под сомнение на том основании, что между окончанием колледжа и отправкой Юма в Индию прошло около шести недель. Если изучение хирургии в госпитале Университетского колледжа и имело место, то было весьма непродолжительным [14, р. 4].

Итак, в конце января Аллан Октавиан Юм из порта Саутгемптона отправляется в Египет, где пересаживается на судно «Хаддингтон», на котором и отплывает в Индию [14, р. 2].

С этого момента начинается его долгий путь, старт которого был обычным для многих выпускников Хейлибери, а завершение предполагало заслуженный отдых на родине в окружении экзотических индийских трофеев. Однако, подобно своему отцу, А. О. Юм был слишком энергичным и деятельным человеком для того, чтобы коротать долгие дни на почетной пенсии, и потому в саутгемптонском порту, где для многих открывалась новая глава в книге жизни, перед ним была раскрыта целая книга.

Глава II

Что же представляла собой Индия в начале 50-х гг. XIX века?

Завоевание страны англичанами в целом было завершено; возникла состоящая из провинций Британская Индия со столицей в Калькутте, которая фактически была разделена на две части — английскую, или Белый город, и индийскую, расположенную в северной части города. Здесь активно развивается текстильная и джутовая промышленность; появляется класс европейски образованных индийцев, которых пока еще немного; начинают возникать реформистские религиозные течения, пытающиеся в той или иной форме приспособить индуистскую традицию к веяниям времени; Дварканатх Тагор становится одним из основателей Брахмо-самаджа, а Гопимохан Тагор — соучредителем Хинду Колледжа, крупнейшего учебного заведения европейского типа. На смену эпохе завоеваний, когда каждый европеец, приехав в Индию нищим, мог вернуться богачом (Джозеф Юм — лишь один из примеров), постепенно приходит время администрирования, упорядочивания и налаживания индийской жизни на европейский манер.

Вместе с тем, то и дело продолжают вспыхивать восстания. Завоевательные походы, понемногу отходящие на второй план, все еще приносят короне новые земли: под ударами британской армии терпит поражение государство сикхов, бывшее серьезным раздражителем для англичан в Северо-Восточной Индии; во время правления лорда Дальхузи (1847-1856 гг.) территория Британской Индии формируется окончательно.

Остальную территорию полуострова, не подчиненную напрямую администрации Британской Индии, занимают княжества, правители которых, по большей части, находятся в зависимости от англичан, хотя и остаются формально независимыми [45, с. 251-252].

Положение простых индийцев как в княжествах, так и в провинциях Британской Индии, остается тяжелым — реформа налогообложения и перемены в системе землевладения, произведенные англичанами, вызывали возмущение как крестьян, так и старых феодалов [45, с. 251].

Говоря в общем, Индия в это время переживает бурный и непростой период своей истории, период непрекращающейся конфронтации старого и нового: религии, образа жизни, системы управления и экономического уклада.

В этот бурлящий котел и попадает Аллан Юм, сошедший на берег в Калькутте 7 марта 1849 года. Он останавливается в доме своего кузена Джеймса, который, хотя и не состоял в рядах ИГС, занимал, тем не менее, пост городского магистрата [14, р. 6]. Джеймс Юм был известен как сторонник реформ, а его симпатии и привязанность к индийцам, как считает индийский исследователь Б. Д. Ядав, впоследствии сильно повлияли на Аллана, и нашли отражение даже в дискуссиях по поводу Билля Илберта в 1883 году [7, р. 3].

Но сначала молодому чиновнику Индийской гражданской службы предстояло пройти долгий путь по карьерной лестнице. После предварительного обучения, которое длилось вплоть до конца 1849 года, Юм получает первое назначение — он становится помощником комиссара округа Мирут в Северо-Западных провинциях. Нельзя сказать, что это было довольно простым испытанием для англичанина, впервые оказавшегося в Индии. «Times of India» писала в этой связи: «В те давние дни, в середине столетия, жизнь и обучение молодого чиновника отличались от сегодняшних. У него [Юма] было меньше офисной работы и меньше европейского окружения; он не особенно хорошо владел теоретическими знаниями, но компенсировал их недостаток большой близостью к народу, которым должен был управлять» [5, р. 12]. На первых порах должности менялись часто — это, вероятно, было связано с необходимостью познакомиться новичку с разными сторонами службы; уже в феврале 1850 года он становится помощником магистрата и коллектора Мирута, Чарльза Габбинса, «очень способного, но

чрезвычайно эксцентричного офицера» [14, р. 7], женатого на старшей сестре Аллана. Юм так описывал это время: «...Я был направлен в *тхану*¹, чтобы работать там и учиться работе. Через месяц, или около того, когда я познакомился с разговорным языком, мне была поручена работа *мухарира* — клерка — в полицейском участке. Мне разрешили пользоваться услугами писаря, поскольку тогда я не владел местной письменностью достаточно хорошо, и мне приходилось диктовать каждую запись в *рознамча*² (главный в те дни документ *тханы*), проводить дознания, проводить предварительные локальные расследования, к которым меня допускал *тханадар*³; в общем, я делал всю работу *мухарира*... Два или три месяца спустя меня назначили *наиб дарога*⁴ в другой, более крупной *тхане*, а после, недолго, я исполнял обязанности *тханадара* в небольшой *тхане*...» [14, р. 7-8] Столь напряженная работа, однако, отразилась на состоянии здоровья Юма — летом 1852 г. он вынужден взять пятимесячный отпуск, который проводит в Гималаях [14, р. 6]. Ко всему прочему, в марте следующего года Юм вступает в брак с Мэри Энн Гриндалл [46], и вскоре у них рождается дочь Мэри Джейн, а потому проблемы со здоровьем дополняются семейными хлопотами.

Впрочем, несмотря на все неурядицы, молодой чиновник Индийской гражданской службы постепенно набирается опыта и оправдывает доверие высших чинов. Более склонный к «полевой» работе с местными жителями, нежели к канцелярской рутине за конторским столом, он совмещает служебные обязанности с изучением быта и культуры коренного населения — например, в 1855 году он проводит этнографическое исследование племен, населяющих берега Джамны [47, р. 254-258], получившее одобрение правитель-

1 Полицейский участок

2 Книга учета

3 Офицер полицейского участка

4 Заместитель главы полицейского участка

ства и рекомендованное к освещению в прессе⁵.

Постоянным переездам с места на место приходит конец 4 февраля 1856 года, когда Аллана Юма назначают магистратом и коллектором округа Итава. Барон Терлоу много позже писал об этом: «Сложно найти место, выглядящее более пустынно и безнадежно для взращивания любого европейского семени, чем то каменистое поле, где г-н Аллен [так в тексте — *Д. Н.*] Юм трудился на ниве образования и христианства» [50, р. 96]. Однако, спокойная служба продолжалась немногим более года — в следующем году Индию захватывает водоворот народного восстания 1857-1859 гг.

10 мая 1857 года в Мируте восстали 3-й кавалерийский, 11-й и 20-й пехотные полки, и уже на следующий день восставшие захватили Дели, бывшую столицу Могольской империи. 12 мая, как только до Итавы дошли известия о мятеже, Юм распоряжается об организации патрулирования дорог, ведущих в город. Эти меры, по замечанию самого Юма, не были бесполезными [14, р. 91]: вскоре в городе появляется небольшая группа мятежников из 3-го кавалерийского полка (полковник Маршалл, друг Юма, указывал, что это произошло через день или два после получения известий о восстании [5, р. 13]; Моултон называет дату 16 мая [14, р. 88]), которой удалось дать отпор.

Несмотря на первый успех, следующая стычка была неудачной, хотя и принесла Юму широкую известность. В ночь на 19 мая группа восставших уничтожила патруль близ города Джасвантнагар (в десяти милях к северо-западу от Итавы) и укрылась в индуcском храме. Узнав об этом инциденте, Юм и его помощник, Ч. Дж. Дэниелс, вместе с несколькими полицейскими и солдатами иррегулярных войск, немедленно отправились к месту событий. Обстановка была неблагоприятной. «Трудность заключалась в том, что люди были на

5 См., например, [48]. Позднее Юм продолжит свои исследования в этой области, см. [49].

стороне мятежников. У них [Юма и соратников — Д. Н.] не было никакой возможности напасть, и они не могли ожидать никакой поддержки из-за опасности шторма. Когда день прошел и село солнце, двое англичан, сопровождаемые полицейским [индийцем], попытались удержать место самостоятельно. Туземец был убит, а Дэниелс ранен в лицо. Юм героически пронес его сквозь толпу к экипажу. Они убили одного бунтовщика и смертельно ранили другого. Ночью, во время шторма, повстанцы бежали», — отмечал полковник Маршалл [5, р. 14]. Об этом подвиге с восторгом писал британский историк восстания Дж. У. Кайе [51] и другие авторы [52, р. 279]. Б. Ядав, со ссылкой на «The Tribune», полагает, что эти события сказались на карьере Юма самым положительным образом [7, р. 5].

22 мая, узнав о том, что восстали части 9-го индийского пехотного полка в Алигархе и Маинпури, Юм организовывает эвакуацию европейцев и оставшихся верными Короне солдат 9-го полка в относительно безопасную Бархпуру [14, р. 88], при этом оставшись в Итаве. Обеспечивая безопасность населения, он прекрасно понимал, что сам находится в смертельной опасности. События этого драматичного дня позже нашли отражение в прессе и мемуарах [53; 54, р. 70], благодаря — в очередной раз — отваге и находчивости Юма и — безусловно — помощи местных жителей. Тридцать лет спустя он вспоминал: «Моя жизнь в ночь мятежа, когда после вывода людей от станции я остался посмотреть, нельзя ли сделать что-либо еще, была спасена двумя местными жителями, которые благополучно провели меня мимо двух групп сипаев, специально разыскивавших меня — они считали, что не смогут безопасно сбежать с казней, не убив предварительно окружного офицера. В эту ночь ярко светила луна; моей маскировкой был только большой туземный чаддар¹, пагри² и местная обувь поверх темных чулок — свои брюки я выбросил. У меня нет никаких претензий к этим людям; один из

1 Кусок ткани, покрывающий все тело.

2 Тюрбан.

них... был *чапраси* — служащим, второй был горожанином. Если бы меня обнаружили, их, равно как и меня, застрелили бы, и они прекрасно понимали это, однако шли по обе стороны от меня, беседуя, мимо сипаев, которые, к счастью, не обращали на нас особого внимания, и на вопрос, известно ли им, где находится коллектор (т. е. я), равнодушно отвечали, что он, по слухам, находится в городе, пытаясь воодушевить горожан. Я не считаю, что являюсь трусом в большей степени, чем многие из моих соотечественников, но в тот критический момент даже ради спасения своей жизни я не смог бы отвечать так равнодушно и с улыбкой на лице...» [14, р. 95] Несомненно, такое храброе поведение простых индийцев оказало огромное влияние на отношение к ним Юма.

Восстание тем временем приобретало все больший размах. В июне сипайские полки присоединялись к восстанию один за другим; ходили слухи, что мятеж вспыхнул в крупном городе Алигархе [55, р. 59-60]. Ситуация осложнялась еще и тем, что под опекой Юма находилось больше двух десятков английских женщин и детей. «В Итаве не было форта, и некоторые из туземных офицеров советовали мне отправить женщин и детей в форт Агры, поскольку, как они веско отмечали: «Кто знает, что здесь может произойти». Я считал, что это хороший совет, однако вся территория между Агрой и Итавой была охвачена восстанием, и потому требовался сильный эскорт. Я не мог оставить окружную штабквартиру, равно как и другие офицеры. Поэтому я позвал добровольцев из местных... Сопровождение из 250 хорошо вооруженных мужчин, с этими тремя джентльменами [Латчман Сингх, Канвар Ануп Сингх и Зор Сингх — друзья Юма — Д. Н.] во главе, провели наших леди и детей этим опасным путем целыми и невредимыми» [14, р. 97-98]. Эвакуация была проведена весьма кстати — на следующий день часть гренадеров, узнавших о мятеже своих однополченцев в Гвалиоре, присоединилась к восстанию. Интересно, что отпор им был оказан самими жителями Итавы, в то время как Юм, также уехавший в Агру, получил правительственное распоряжение не покидать ее, вопреки собственному желанию [14,

р. 100].

Здесь, не наделенный формально никакими обязанностями, он много времени посвятил переписке с чиновниками округа, которых считал «верными», растолковывая происходящие события с британской точки зрения и призывая их сохранять лояльность правительству [56].

Вскоре Агра также становится центром столкновений повстанцев с верными Короне войсками. «5 июля произошло сражение в Агре. Войско мятежников состояло из двух тысяч хорошо обученных туземных солдат и полка Бенгальской конной артиллерии. Это было кровавое столкновение, в котором погибли многие офицеры. Юм все время находился при батарее. Полковник Патрик Баннерман, подчиненный Юма, бывший в форте вместе с ним (и оставшийся одним из немногих выживших), хорошо знал его и восхищался его мужеством; он говорил, что Юм был одним из самых смелых людей, которых он когда-либо встречал. Он провел... с оружием в руках несколько ночей, пока не слег с холерой и вынужденно вернулся в форт», — вспоминал полковник Маршалл [5, р. 14-15]. Из 500 оборонявшихся (в их числе 30 гражданских служащих, среди которых был и Аллан Октавиан Юм) погибли 49 и были ранены 92 человека¹.

На фоне военных будней и вынужденного пребывания в Агре Юм не забывает и о вверенном ему округе. Так, сразу после эвакуации женщин и детей в Агру, Зор Сингх был отправлен в Итаву с инструкциями по защите города и требованием постоянно поддерживать связь. В середине июля Юм разрабатывает новую схему управления округом, более эффективную в непростых условиях 1857 г., и получает разрешение правительства на ее использование. В пять районов, составлявших округ Итава, он назначает руководителями индийцев, наделяя их широкими полномочиями. «Мы ви-

1 События этого сражения широко освещались как в индийской, так и британской прессе, см. [57; 58; 59]. Многие британские газеты черпали информацию из индийской газеты The Mofussilite, описавшей ход событий 17 июля.

дим здесь людей из очень разных каст — брахманов, раджпутов, кайятов и бания — каждый из которых на протяжении следующих трудных пяти месяцев в самом центре восстания поддерживали порядок в пределах своей юрисдикции таким образом, что впоследствии ни один человек не пожаловался на несправедливость и превышение полномочий; эти люди заслуживают самых хороших слов, если говорить об их администрации» [14, р. 101]. Несколькими месяцами позже Уильям Муир, секретарь правительства Северо-Западных провинций, отзывался об этой модернизации управления следующим образом: «Юм сохранял администрацию в Итаве посредством влиятельных людей таким способом, который, принимая во внимание трудности и следующие одна за другой банды мародеров, с которыми округ был вынужден бороться, был совершенно удивительным. Были построены новые *котвали*¹, преступления наказывались, налоги взимались... Конечно, было много темных личностей, *меватти*² и других, которые поднимали головы, думая, что нет никого, кто способен наказать их; и у них прибавилось наглости с тех пор, как наши войска... впустили наваба Фаррукабада безнаказанно. Но при всем этом примечательно, что преобладала относительная тишина, и это окончательно доказывало, что страна, по крайней мере, не против нас» [60, р. 773]. Эффективность управления доказывает еще и тот факт, что власти Итавы не только поддерживали порядок в своем округе, но и помогали войскам, ведущим борьбу с мятежниками — например, в Канпур были отосланы семьсот верблюдов, и этот факт был должным образом доведен до сведения генерал-губернатора Индии в совете [61, р. 193].

Юм при этом не ограничивается решением только текущих проблем, связанных с обороной, сбором налогов и сохранением правопорядка. Большое внимание он уделяет поддержке морального духа людей (известна, в частности, его прокламация к жителям Итавы, написанная на урду [14,

1 Полицейские станции

2 Выходцы из Мевата, Раджастан

р. 103-105]) и подготовке рекомендаций по вопросу управления округом после того, как восстание будет подавлено — а в этом он не сомневался.

В конце декабря бригадный генерал Р. Уолполл со смешанной британско-индийской армией входит в Итаву, и у Юма, наконец, появляется возможность вернуться в округ, что он и делает 6 января 1858 года в сопровождении пятидесяти солдат 2-го Пенджабского пехотного полка под командованием лейтенанта Шериффа [7, р. 6]. «Имею честь доложить вам, что сегодня я вернулся в город и на станцию Итавы. Все население города и окрестностей, и практически каждый важный заминдар округа пришли встречать нас. Нет сомнения, что люди были рады видеть [нас]...», — отмечал Юм в докладе правительству [14, р. 111].

В первую очередь, безусловно, были предприняты меры по укреплению обороны города. К концу месяца были обучены 200 пехотинцев и 150 кавалеристов; гарнизон располагал также 5 пушками и был усилен кавалерийским полком капитана Александера [5, р. 15].

7 февраля состоялось крупное сражение при Анантраме, в двадцати милях от Итавы, в котором Юм проявил себя самым выдающимся образом [62, р. 429]. Со своим отрядом он отвлек огонь противника на себя, что позволило Александру использовать артиллерию, пробив брешь в оборонительных порядках повстанцев. Получив возможность атаковать, отряд, ведомый Юмом, заставил противника отступить. Войска мятежников понесли серьезные потери, а отряду Юма удалось захватить пушку [63]. В газетах писали, что это было «определенно отлично проведенное и очень смелое предприятие» [64; 65], а смелая атака Юма была даже упомянута в статье Британской энциклопедии, посвященной Северо-Западным провинциям [66, р. 314]. Что характерно, в своем отчете Юм говорит и о важной роли своих индийских помощников в этом сражении [67, р. 1734]. Впрочем, у нас нет и свидетельств того, что он не одобрял действий капитана Александера, распорядившегося казнить шестерых повстанцев [14, р. 115]. Очевидно, что Аллан Октавиан Юм не только

заботился о верных правительству индийцах, но и прилагал усилия для того, чтобы наказать виновных, настаивая, однако, на справедливости судебных процессов [68, р. 199]. Например, сохранились следующие его рекомендации: «Голлаб Чанд Саху (заминдар Ратун Биджули и других деревень) умоляет о признании его службы государству во время последних беспорядков. Возможно, конфискация его имущества была бы наиболее весомым признанием, поскольку он снабжал мятежников деньгами и припасами. Однако, поскольку он утверждает, что делал это по принуждению и, помимо этого, после того, как британские силы вновь заняли Итаву, он в известной степени прилагал усилия, закупая для них припасы, я не думаю, что было бы целесообразно действовать против него. По моему мнению, не может быть никакого вознаграждения или признания его заслуг во время восстания. Возможно, его принуждали, но было бы весьма неразумно оказывать честь людям, которые помогали нашим врагам, даже если они делали это, чтобы сохранить свою собственность» [14, р. 116]. Таким образом, личные симпатии к индийскому народу никоим образом не сказывались на отношении Юма к своим обязанностям — он преданно служил империи, и делал все возможное для сохранения стабильности ее управленческого аппарата в рамках занимаемой им должности.

Следующие месяцы прошли в частых стычках с восставшими, проходившими с переменным успехом [69, р. 3324-3325]. Хотя Итава находилась в руках англичан, на окраинах округа силы мятежников были весьма значительны. 10 июня, при посредничестве Зор Сингха, согласился сложить оружие Тедж Сингх, бывший раджа Маинпура, и в том же месяце на большей части территории округа было восстановлено регулярное британское управление. Юм, испытывавший серьезные проблемы со здоровьем, просит правительство и лично Уильяма Муира о предоставлении отпуска [14, р. 150], и в начале июля отправляется в Гималаи — подальше от изнуряющей жары Итавы.

По возвращении на службу Юм составляет официальный

отчет о восстании в Итаве — «Доклад о происшествиях в округе Итава с начала мятежа до полного восстановления мира и порядка». Этот документ интересен не только подробным изложением всех инцидентов и столкновений с мятежниками, в которых принимал участие сам автор и его заместители во время отпуска Юма, но и наглядно показывает, какую роль в восстановлении порядка сыграли чиновники индийского происхождения и местное население. «...Государство имело в Итаве хороших и верных туземных служащих и лояльных лиц, которые поддерживали борьбу посреди волн анархии. Поддержка людей здесь стала источником неугасимой жизненной силой правительства» [14, р. 168]. Описанию лояльности индийцев Итавы к британской администрации Юм посвятил отдельный параграф в отчете, в очередной раз отмечая поименно тех из них, без кого положение англичан в округе было бы критическим. В конце концов, он приходит к выводу, что «в С.-З. Провинциях, я полагаю, не было округа более готового к восстановлению Порядка [именно так, с заглавной буквы — *Д. Н.*] ... Милосердие и терпение — я думаю, что могу справедливо сказать — характеризовали мою администрацию... Я не был сторонником ни суровости, ни милосердия — существует свое время и место для того и другого. В случае этого округа мне показалось [лучшим] призвать последнее» [14, р. 179-180]. Полковник Маршалл в этой связи добавляет: «Нет никакого сомнения в том, что его государственный такт, блестящая храбрость и целеустремленность сделали для него более легким, чем это могло быть для многих других, восстановление доверия среди людей и развития мира и порядка из хаоса» [5, р. 17].

После восстания (несмотря на отдельные стычки с редющими группами повстанцев, жизнь в Итаве начала входить в привычное русло) закономерно встал вопрос о собственности, принадлежащей мятежникам, о мерах наказания для участвовавших в бунте и мерах предотвращения подобных инцидентов в будущем. Юм и в этих случаях чаще склонялся к «милосердию», хотя порой и подвергался критике за чрез-

мерную снисходительность [11, р. 6; 70, р. 288]— некоторые из повстанцев были отпущены на свободу уже в 1858-1859 гг., довольно часто им возвращалось имущество [14, р. 238]. Он также напоминает правительству о рекомендациях по вознаграждению индийцев, оставшихся верными Короне, считая, что оно не торопится поощрять их и своей медлительностью выказывает свое неблагодарное к ним отношение. Юм критикует также и действия правительства в вопросе разоружения местных жителей согласно Акту 1857 г. В годы восстания едва ли не впервые проявляется конфликт Юма и правительства, зародившийся на почве принципиально разного видения настоящего и будущего Индии, который в конечном счете приведет к тому, что Юм оставит государственную службу.

Однако в 1859 году магистрат Итавы — один из героев сопротивления мятежникам, и этот факт не остается незамеченным британскими властями. Генерал-губернатор Индии в своем докладе Ее Величеству называет его в числе лиц, достойных награды за верную службу [71]. Аллан Октавиан Юм становится кавалером ордена Бани — четвертого по старшинству в британской системе наград.

Абдалла Юсуф Али в своей работе «Культурная история Индии в британский период» писал: «...значение Восстания заключается в культурном конфликте... В отношениях между индийцами и англичанами это был не конфликт одной культуры с другой, но конфликт между людьми одной культуры с людьми разнообразных культур, действовавших вместе, поскольку они считали себя ущемленными общим запретом» [72, р. 179-180]. Причина народного восстания 1857-1859 гг., кроется, таким образом, не в ненависти как таковой — к европейской культуре, образованию и к самим британцам, а, скорее, в конкретных административных ошибках, допущенных британскими правителями Индии.

Саид Ахмад-хан¹, например, раскрывает частные случаи подобных ошибок, говоря, что в результате недопущения индийцев к системе управления британское правительство не осознавало нецелесообразность принимаемых им законов и правил, и не слышало голоса народа, в результате чего у индийцев сложилось мнение, что все законы принимаются лишь для того, чтобы ухудшить их положение, лишить религии и культуры [73, р. 13]. Аллан Октавиан Юм также видел причины восстания в британской административной неумелости и растущей тенденции попирать желания народа, вместо того, чтобы открыто консультироваться и работать заодно с индийскими лидерами [6, р. xlv-xlv], и его успешные действия на этом поприще во время восстания стали таковыми потому, что он в критический момент доверил значительную часть своих полномочий местному населению, тем самым уменьшив не только накал культурного конфликта между индийцами и европейцами, но и, в некотором роде, «искупив вину» за прежние ошибки британской администрации, пусть и на небольшой, вверенной ему в управление территории. Характерно также, что Юм прошел через тяжелый опыт восстания без видимого налета расизма, который овладел британским сообществом в то время [6, р. xlv], не сомневаясь в верности своих индийских соратников.

Помимо политических итогов — потери Ост-Индской компанией своего влияния (в 1858 году она передала свои административные функции Короне) и начала постепенного приобщения индийцев к управлению — особо важным был психологический эффект, произведенный восстанием. «Внезапно вспыхнув, мятеж буквально в один день уничтожил труд многих лет» [14, р. 169], и призрак восстания долгие годы вселял страх в сердца британцев. Британский исследователь Ким Вагнер посвятил этому феномену отдельное исследование, в котором показал, насколько силен был этот страх даже по прошествии десятилетий. «Постоянное влия-

1 Саид Ахмад-хан (1817-1898) — выдающийся индийский мусульманский философ и реформатор.

ние мотива «восстания» было распространено не только среди чиновников, которые должны были иметь дело с внутренними беспорядками, оно было общим способом анализа для британцев в Индии, как в мирное время, так и во времена потрясений. Степень, с которой боязнь второго «восстания» пронизывала всю колониальную администрацию, явно выражена в предупреждениях... А. О. Юма. В 1885 году Юм заявлял, что британцы находятся в «постоянной опасности ужасной вспышки» и что только путем создания организации образованных индийцев как «предохранительного клапана» против недовольства коренных жителей катастрофа может быть предотвращена» [74, р. 173]. Таким образом, народное восстание 1857-1859 гг. являлось не только важнейшей вехой в истории индийского национально-освободительного движения и первым случаем консолидации индусов и мусульман ради достижения общей цели — завоевания независимости, но и оказало серьезное влияние на мировоззрение нашего героя. Создание Индийского национального конгресса (во многом бывшее заслугой Аллана Октавиана Юма), во главе с которым страна добьется национального освобождения в 1947 г., напрямую связано с событиями 1857-1859 гг. — попыткой достичь свободы вооруженным путем.

Глава III

Назначение Юма магистратом и коллектором Итавы в феврале 1856 г. дало ему, наконец, шанс прекратить бесконечные переезды с места на место, и потому он быстро привязался к округу. После восстания он решает остаться здесь, полагая, что сможет добиться для людей большего, если будет работать постоянно на одном месте, не переходя из района в район с каждым новым назначением, о чем и известил провинциальное правительство, которое пошло ему навстречу. Таким образом, в Итаве Юм жил и работал до апреля 1867 г., за исключением полутора лет (1861-1863 гг.), когда вследствие болезни он был вынужден уехать в Англию. За это время он не только «показал свою решимость эффективно справляться с основными административными обязанностями — поддержанием правопорядка и сбором налогов, но и проявил самый живой интерес к содействию реформам, далеко выходящим за рамки того, что диктовало правительство» [6, р. xliv]. Этот период, расколотый надвое событиями 1857-1859 гг., представляется, тем не менее, внутренне цельным, поскольку реформы, начатые уже в 1856 г., получили продолжение и после восстания, а некоторым из них Юм, по мере сил, уделял внимание и в бурные мятежные годы.

Уэддерберн, перечисляя основные достижения Юма-реформатора, ставит на первое место образование [5, р. 17]. Юм не был в этой сфере первопроходцем; пальма первенства в сфере создания системы образования в Северо-Западных провинциях принадлежала лейтенант-губернатору (1843-1853 гг.) Джеймсу Томасону. Необходимость создания школ для местного населения, согласно Томасону, объяснялась тем, что неграмотные крестьяне-собственники, которые не могли разобраться в документах, касающихся их земель, не были до конца уверенными, что эти документы остаются

действительными на фоне многочисленных изменений в сфере землепользования, происходящих из года в год [75, р. 171]. В 1849 году правительство Томасона предприняло первые шаги со созданием начальных школ в восьми округах провинции, включая Итаву. Эти школы получили название *тахсили*, т. е. окружные [14, р. xxvi]. Томасон не остановился на достигнутом и, по мере расширения сети школ-*тахсили*, также поддержал создание начальных школ в деревнях на добровольные пожертвования местных заминдаров. Такие школы обслуживали несколько деревень, составлявших деревенский округ — *халка*, и назывались *халкабанди*. Впервые эксперимент со школами-*халкабанди* был проведен в 1851 году в округе Матхура [76, р. 113]. «Естественно, было бы желательно иметь школу в каждой деревне, но если это было практически невозможно, то должна была быть по крайней мере одна школа на группу соседних деревень, чтобы можно было получать образование в пределах разумного расстояния, и в пределах досягаемости каждой деревни» [75, р. 173], — писал сэр Ричард Темпл о нововведении Томасона. Этой задачей расширения сети образовательных учреждений в своем округе и занялся Юм, вдохновленный, как считает индийский исследователь С. Н. Кванунго, именно начинаниями Томасона [77, р. 27].

Следует также отметить, что во время своего недолгого пребывания на службе в Маинпури в 1855 г. Юм получил возможность самостоятельно ознакомиться с функционированием школы по системе *халкабанди*, основанной там магистратом А. Коксом [14, р. xxvi]. Таким образом, Юм заступал на новую должность не только с большим желанием развивать систему образования в округе, но и с пониманием того, как это нужно делать наиболее эффективным образом.

Однако, приехав в Итаву, Юм обнаружил, что ситуация в сфере образования далека от идеальной. В округе с населением более полумиллиона человек было всего семь школ-*тахсили* (400 учеников), и 77 традиционных школ, где получали образование около восьмисот учащихся. «Одному из моих предшественников, всем сердцем желавшему интел-

лектуального прогресса туземцев, но уделявшему слишком много внимания результату и слишком мало — средствам, удалось более или менее совершенно ввести систему, подобную той, что г-н Кокс ввел в Маинпури. Однако его основание едва держалось, люди во многих случаях не соглашались добровольно платить налог, посыпались жалобы (которые выглядели вполне обоснованными), которые... были услышаны, и весь проект был полностью уничтожен» [14, р. 36], — писал А. О. Юм комиссару Агры 2 апреля 1856 г. Причину такого положения вещей он видел в том, что игнорировался принцип добровольного финансирования, заминдаров принуждали содержать школы за свой счет. Помимо этого, Юм, в отличие от Джеймса Томасона, решительно выступал против частных традиционных школ [78, р. 813-814] — самых распространенных в Итаве — считая, что «...образование, прививаемое в таких школах, более чем спорное. Здесь учат персидскому и даже арабскому, и в некоторых, без сомнения, учат хорошо, однако знания передаются посредством таких похотливых историй, услышав которые, может покраснеть даже взрослый...» [79, р. 13].

Чтобы преодолеть сопротивление землевладельцев, Юм заручается поддержкой наиболее образованных и влиятельных индийских чиновников округа. «Терпеливая аргументация и настойчивость» [79, р. 8] привели к тому, что практически все заминдары согласились с доводами Юма, хотя он и отмечал, что «сложно определить, сколько жертвователей на самом деле радели за дело образования, а сколько желали угодить мне или пытались избежать непопулярного меньшинства» [79, р. 9].

Таким образом, к 1 апреля в наиболее важных деревнях были открыты 32 школы по системе *халкабанди*, а к 1 января их число по всему округу достигло 181. В них учились 5186 учеников, среди которых было всего две девочки, поскольку Юм прежде хотел укрепить сеть школ для мальчиков, а уже после попытаться организовать женские школы. Большую часть учеников составляли дети в возрасте от 6 до 12 лет, хотя среди них также было незначительное число учащихся

младше шести лет и 711 учеников старше четырнадцати лет [79, р. 11]. Конфессиональный и кастовый состав учащихся показывает, что большинство из них принадлежало к высшим индусским кастам (брахманы и кшатрии составляли более половины от их числа), 602 ученика принадлежали к касте банья, 188 школьников были мусульманами. Впрочем, образование было светским: религиозное Общество друзей в Лондоне — квакерская организация — даже выражало сожаление по поводу того, что в школах Юма «нет библейского обучения» [80, р. 49]. Большинство учителей также были индусами из высших каст, хотя уровень их подготовки существенно отличался, вследствие чего и количество изучаемых в школах дисциплин было разным. «Чтение и письмо на хинди, арифметика и немного географии, изучались также... чтение и письмо на урду, десятичные дроби и индийская история; в некоторых, где нам повезло с наставниками, частью курса были алгебра, геометрия и некоторые рудименты естественных наук» [14, р. 355]. Вообще, Юм отмечал, что образование, получаемое в государственных школах, было более качественным, чем в школах халкабанди, однако причина этого, по его мнению, заключалась только в том, что они существуют гораздо дольше [79, р. 11].

В дополнение к сети образовательных учреждений Юм основывает публичные библиотеки в крупных городах округа. Они также существовали на взносы жителей округа, величина взноса различалась в зависимости от того, к какой категории населения принадлежал читатель. Школьники *тахсили* и *халкабанди* могли пользоваться читальными залами бесплатно при наличии подписанного учителем документа, подтверждающего их знания и хорошее поведение; книги на дом выдавались под залог [14, р. 64].

Другим ключевым элементом образовательной программы Юма стало учреждение 1 августа 1856 года Центральной Англо-гуземной школы. Юм писал: «Вскоре после основания школ халкабанди я начал осознавать, что не хватает еще такого учреждения, которое стало бы ступенькой для их учеников в Колледж Агры; в то же время возможность достиже-

ния любым талантливым, но бедным парнем первоклассного образования могла в определенной степени повысить уровень колледжа» [79, р. 14]. В 1856 г. в ней учились 104 человека, а преподавали студенты колледжа. Школа была «практически самоокупаемой» [79, р. 15], хотя плата учителям была гораздо более значительной, нежели в школах *халкабанди*. Правительство признало инициативу Юма «ценной общественной службой» и постановило, что его «Указания по управлению школами»¹ должны быть разосланы всем инспекторам, ответственным за образование в провинции [14, р. 85].

Народное восстание в 1857 году, конечно, на время отвлекло внимание Юма от проблем образования; однако в упоминавшемся уже отчете о положении в Итаве во время восстания он с удовлетворением отмечает, что «в отношении образования этот округ был превосходен» [14, р. 179] — по состоянию на 1 ноября 1858 года в округе функционировало 179 школ с почти четырьмя тысячами учеников. В 1859 году Юм писал, что «эту систему даже прошедшая революция не смогла уничтожить; некоторые из школ оставались открытыми от первого дня до последнего» [5, р. 20].

Опыт восстания еще больше убедил Юма в необходимости расширения и укрепления современного образования в Индии, поскольку во время беспорядков и в Итаве, и по всей стране образованные индийцы в большинстве своем поддерживали британское правительство [14, р. xli]. Лояльность индийцев он непосредственно связывал с образованием, в котором видел инструмент для морального возрождения страны и искоренения социальных пороков индийского общества того времени: практики детоубийства², ранних браков, бесправного и унижительного положения женщин [14, р. xlii].

Философия образования Юма подробно раскрывается в

1 К сожалению, этот документ не сохранился.

2 Практика убийства младенцев женского пола была распространена и среди раджпутов в Северо-Западных провинциях. Взгляды Юма на это явление см. [81, р. 131-132]

его письме (3 сентября 1859 года) правительству Северо-Западных провинций, которое решило проконсультироваться с ним по вопросам образовательной политики, чтобы составить ответ на депешу государственного секретаря Индии, требовавшего оценить достижения в этой сфере, начиная с 1854 г. «Основания любой здоровой и всеобъемлющей схемы образования должны быть заложены в массах... Индийское образование, подобно французской свободе — и, возможно, по аналогичным причинам — всегда было скорее видимостью, чем реальностью; спеша за результатами, мы игнорировали средства, мы пытались повернуть великий индийский трюк — развитие за один час... но обнаружили — увь! — что мы не фокусники» [14, р. 349]. По-прежнему яростно выступая против традиционных школ, Юм пишет: «Я хочу заменить существующие школы моральной силой чего-то лучшего <...> Цель образования... подготовить молодежь к выполнению своих обязанностей как граждан и, во-вторых, развивать их функции как тех, кто производит и наслаждается благосостоянием... Однако эти [традиционные — Д. Н.] школы-помехи и учителей в них мы не можем никак контролировать; мы не можем ни предписать курс занятий, ни обеспечить его... Эти учителя, слишком многие из них, отличаются сомнительным характером и вопиющим невежеством, тогда как лучшие из них, взятые как класс, непостоянны и беззаботны в представлении своих обязанностей» [14, р. 349-350].

Одним из основных постулатов философии образования Юма является добровольный характер финансирования школ. При этом людям должно быть понятно, каким образом и с какой целью будет работать школа — им нужно разъяснить, что это необходимо ради их собственного духовного и нравственного совершенствования, ради чести и положения в обществе. «Что может быть более благородной задачей для чиновника любого правительства?» — спрашивает Юм [14, р. 351]. В подтверждение своей идеи он приводит безуспешный опыт создания школы в Итаве, где налог на образование взимался с заминдаров принудительно, которому

он стал свидетелем сразу по прибытии в округ и, напротив, успешно функционирующую школу в Маинпури. Юм особенно настаивал на этом пункте своей образовательной программы, поскольку правительство, наоборот, выступало за принудительное финансирование школ. Здесь в очередной раз ясно прослеживается разница во взглядах Юма и британской администрации на будущее Индии — создание сети школ, которые были бы вынуждены содержать местных жители, вело к большей централизации власти — вообще последовательной тенденцией в Северо-Западных провинциях — против которой Юм возражал, считая ее недостатком французской административной системы по сравнению с более децентрализованным британским управлением и местной автономией [6, р. xliv].

Очень значимым Юм считал и материальное оснащение школ, в частности, помещения для занятий: «Это необходимо в первую очередь; только практический опыт может показать, где образование будет процветать» [14, р. 355]. Согласно его схеме, часть взносов на образование должна идти на строительство школьных зданий и различного оборудования для занятий. К концу 1859 г. тридцать из крупнейших школ округа были размещены в специально построенных для них зданиях. В любой школе, даже деревенской, должна быть библиотека, которая могла дополнительно играть роль лекционного зала. Библиотека Центральной школы, например, до начала восстания содержала 2000 томов; к сожалению, она была уничтожена в ходе беспорядков [14, р. 357]. Для Центральных школ — третьей ступени образовательных учреждений по градации Юма после деревенских и городских — предполагалось создание музеев, содержавших главным образом экспонаты из области естественных наук и промышленного производства, характерные для региона.

Юм также считал, что необходимым дополнением к системе образования должна быть хорошая пресса на местных языках, поскольку «каждый год школы выпускали мальчиков и юношей, умеющих читать, с пробудившимся умом, но только книги на их родном языке были редкими и дорогими,

и, по большей части, не являлись просвещающими или поучительными» [5, р. 22]. Для решения этой проблемы Юм со своим другом Коуром Лашманом Сингхом в конце 1859 г. учредил газету «Друг народа», выпускавшуюся первоначально на хинди и урду по цене, доступной для самой бедной деревенской молодежи. Предназначенная для Итавы, газета вскоре распространилась и за ее пределы, и в 1862 году была самым распространенным периодическим изданием на индийских языках в Северо-Западных провинциях [14, р. 474], с тиражом около 31000 экземпляров. Не будучи официальным изданием, газета не вызывала подозрений в пристрастности, разъясняя местным жителям политику правительства [5, р. 22]. Впрочем, издание не получило достаточной поддержки со стороны властей и вынужденно прекратило существование в 1864 г., к большому разочарованию Юма, отдавшего этому начинанию много сил и времени [14, р. liv].

Впрочем, и образовательные инициативы Юма сталкивались с неожиданными и неприятными потрясениями. В апреле 1861 года он серьезно заболел и был отправлен в Великобританию. Временно заменявший его А. Р. Поллок, будучи более консервативным администратором, не разделял точки зрения Юма на то, что магистрат должен нести личную ответственность за образование в округе, а потому предпочел разделить ее с департаментом образования, обрушив волну критики на систему школ-*халкабанди*, прежде всего из-за того, что уровень образования в Итаве более низок, чем в соседних округах [14, р. xlviiii]. Кроме того, последовали обвинения в неаккуратном ведении отчетности, хотя критики и отдавали себе отчет в том, что многие из недостатков появились уже после отъезда Юма. М. Кемпсон, инспектор образования Агры, отправленный в Итаву для изучения ситуации, писал: «Г-н Юм, к сожалению, был вынужден вернуться домой [в Великобританию — Д. Н.] в отпуск в 1861 г., и большая часть того хорошего, что он успел создать, казалась погибающей вследствие последовавшей бесхозяйственности. Моей обязанностью было известить правительство о выяв-

ленных фактах, ясно показывающих необходимость более строгой организации и квалифицированного контроля. В результате все управление образованием в округе теперь находится в руках властей, специально назначенных правительством для этой цели...» [82, р. 17]. Власть, таким образом, отдавала систему образования в Итаве в руки централизованного департамента, несмотря на яростную защиту Юмом своего детища¹.

В последние годы своего пребывания в Итаве Юм продолжал сотрудничать с департаментом образования, хотя и не принимал в его работе серьезного участия. Центральная школа Итавы, остававшаяся важным звеном в системе образования региона [83, р. 67], ступенью между школами низшего звена и правительственными колледжами [84, р. 30], долгое время неофициально называлась в честь основателя (Hume's High School), пока по просьбе Юма в 1864 году это название не стало официальным [14, р. 505]. Таким образом, достижения Юма в сфере образования были отмечены на самом высоком уровне — официальное наименование школы было санкционировано самим лейтенант-губернатором провинции.

Нам остается только добавить, что эта школа пережила своего создателя, но прекратила существование в 1922 году. Здание, созданное по замыслу Юма, по сей день служит делу образования [14, р. li].

Хотя образование и было подлинной страстью Юма, он также заботился и о других средствах культурного, социального и экономического развития индийцев, что сделало его довольно популярным у местного населения чиновником [7, р. 11]. Например, именно он основал первый в Итаве современный госпиталь, вновь руководствуясь не должностными инструкциями, а желанием помочь местному населению [14,

1 Юму было разрешено вернуться в Итаву только после того, как он принес извинения за резкий тон своей критики [14, р. xlviiii].

р. 63]. Для его создания Юм не только организовал сбор денежных средств, но и попытался добиться поддержки правительства. Последнее, впрочем, не спешило помогать с финансированием, ожидая, когда учреждение начнет работу и докажет свою эффективность [14, р. xxvii]. Юма разочаровывала такая позиция властей, однако он не намеревался останавливаться, и, хотя восстание 1857 г. приостановило реализацию проекта, в 1859 году госпиталь и амбулатория начали свою работу. «Учреждение расположено на открытом пространстве в середине... площади, в пределах легкой досягаемости для масс жителей, примерно на полпути между старым и новым городом Итавы... В самом здании ощущается нехватка женской палаты, отдельной палаты для особых случаев, не говоря уже о складских помещениях и т. д. Госпиталь открывается с восходом солнца, и, как правило, его каждое утро в тот же час посещает суперинтендант» [85, р. 31a], — писал в отчете о состоянии учреждения суперинтендант доктор Шерлок.

Долгое отсутствие Юма на посту в 1861-1863 гг. негативно сказалось на состоянии госпиталя, однако Юм не только сумел наладить его работу, но и вынашивал планы по созданию нового, более совершенного учреждения [14, р. xxvii]. Необходимо отметить, что его персонал пополнялся за счет индийских врачей, в частности, окончивших Медицинский колледж в Калькутте [85, р. 31a].

В 1864 году в округе разразилась эпидемия холеры. Юм, в годы восстания сам испытавший на себе ее действие, немедленно распорядился об улучшении санитарной обстановки в Итаве. Доктор Шерлок отмечал: «Наш магистрат, г-н Юм, получив известие о болезни, проявившей себя в Бхуртхане, решил принять все меры предосторожности... В городе... бригады подметальщиков были отправлены для того, чтобы убирать нечистоты и рассыпать повсюду сухую глину для дезодорации вредных миазмов..., и наши дороги и проезды содержались в строгой чистоте» [85, р. 32a].

Непосредственное отношение к здравоохранению имела и борьба еще с одним социальным злом — торговлей алкого-

лем и наркотиками, прибыль от которой Юм прямо называл «греховной» [7, р. 12]. Вынужденный действовать согласно распоряжениям правительства, он докладывал в рапорте от 14 сентября 1860 года, что увеличение прибыли в этой сфере составило 1858 рупий по сравнению с предыдущим годом и 5251 рупию по сравнению со средними показателями за десять лет [5, р. 21], но в то же время не стеснялся выражать отвращение к такому источнику доходов, обращая внимание властей на распространение алкоголизма среди индийских масс, которые зачастую не могли обеспечить свои семьи пропитанием, становясь жертвами пагубного влияния алкоголя и наркотических веществ. «С финансовой точки зрения... это чрезвычайно успешно. Для меня, тем не менее, постоянный рост доходов *абкари*¹ является источником великого сожаления. Год за годом — но, увы, тщетно — я протестую против нынешней несправедливой системы, которая сначала породила, а теперь поддерживает большой класс людей, чей единственный интерес заключается в том, чтобы соблазнить своих товарищей пьянством и обязательно сопутствующими ему развратом и преступлениями... Кроме того, развращая наших подданных, мы не получаем даже материальной выгоды от их гибели... с каждой дополнительной рупией, которую дает *абкари*, мы теряем две вследствие... преступлений и необходимости их пресекать. Боюсь, что бесполезно говорить на эту тему и далее — в течение пяти лет я безуспешно протестую против существующей системы — но, хотя в настоящий момент я не вижу никакой надежды на реформы, у меня нет сомнения в том, что... я доживу до того времени, когда более подобающая христианам система сотрет одно из величайших пятен [на репутации] правительства Индии» [5, р. 22]. Уэддерберн, приводящий эту цитату, говорит о том, что и «через полвека это... пятно остается не стертым» [5, р. 22], однако проблема оставалась неразрешенной гораздо дольше. Достаточно сказать, что знаменитые «Одиннадцать

1 Акцизный сбор на производство или продажу алкоголя и наркотических веществ.

пунктов» Махатмы Ганди, выдвинутые им в 1930 г., содержали требование запрета торговли алкоголем и наркотиками.

Очевидно, что британские правители Индии действовали вразрез с официальными заявлениями о своем стремлении улучшить, «цивилизовать» жизнь индийского народа, допуская только те реформы и нововведения, которые не затрагивали самых основ колониального владычества и его финансового благополучия. Ярким примером такого рода является попытка Юма убедить правительство Индии в недостатках полицейской системы страны.

В 1860 году правительство выпустило приказ, согласно которому индийскую полицию требовалось реорганизовать в соответствии с рекомендациями Полицейской комиссии [7, р. 12]. Отныне в каждый округ назначался суперинтендант, подчинявшийся главному полицейскому инспектору. Юм, безусловно, исполнил требования правительства, и к 1 января 1861 г. реорганизация была завершена [14, р. 430]. Однако, по его мнению, новая система была «дефективной» и вела к «переменам в худшую сторону» [5, р. 20], о чем он, со свойственной ему прямоотой, незамедлительно заявил в официальном отчете. Претензии Юма заключались в том, что нововведения не обеспечивали разделение собственно полицейских и судебных функций, но делили полномочия между суперинтендантом и окружным магистратом. Юм настаивал на том, что главный гражданский чиновник округа (коллектор) должен руководить всеми департаментами исполнительной власти, поскольку вновь назначенный суперинтендант не мог иметь влияния в округе и опыта работы в конкретной местности [5, р. 20-21]. Полиция же, по его мнению, должна была состоять из подчиненных коллектора, хорошо знакомых с местными особенностями, тех людей, в которых жители округа видели высшую власть. Новая полицейская система, подобно множеству других британских реформ в Индии, совершенно не учитывала традиции и культурные особенности страны и населявших ее народов, но вела к еще большей централизации власти, вопреки чаяниям Юма, бывшего убежденным сторонником индийского самоуправ-

ления. В этой схватке Юм потерпел поражение — лейтенант-губернатор провинции отказался внести какие-либо изменения в новую систему, и Юм, в соответствии с чиновничьим долгом, был вынужден действовать в ее рамках. Согласно свидетельству Уэддерберна (1913 г.), «схема, предусматривающая полное разделение полицейских и судебных функций остается насущной необходимостью и по сей день» [5, р. 22], а вопрос о ее внедрении (в рамках прочих административных реформ) в течение многих десятилетий оставался на повестке дня Индийского национального конгресса.

Деятельность Юма по искоренению преступности, напротив, получила одобрительные отклики в правительственных кругах. Юма тревожил тот факт, что молодые индийцы, совершившие преступления, были вынуждены отбывать наказание в тюрьмах вместе с закоренелыми преступниками, что неминуемо приводило к рецидивам с их стороны после их освобождения. Вернувшись из Англии в 1863 году, он выступил с предложением создать исправительную колонию для мальчиков не старше двенадцати лет. Первоначальный план был представлен правительству 26 мая 1863 года. «Если правительство будет благосклонно к этому предложению, я буду только рад попытаться. Я полностью осознаю все трудности. Мне известно, как сложно маневрировать между снисходительностью, которая поощряет преступность, и суровостью, которая мешает пробуждению тех самых чувств, от которых зависят любые реформы. Я также знаю, насколько опасным считается давать за счет государства образование преступникам... но я все-таки надеюсь, и ищущу поддержки Того, кто много мудрее меня, веря, что такая возможность будет мне предоставлена», — отмечал Юм в этом документе [14, р. 470]. Впрочем, возражения со стороны правительства касались не самого предложения в целом, а некоторых аспектов его реализации: Юм предлагал ввести в колонии христианское обучение, считая, что «индуизм и магометанство не удержали их [малолетних преступников] от преступления, и в интересах общества в целом... мы имеем право проверить, сможет ли это сделать христианство» [14, р. 470]. Правительство со-

чло намерения Юма «очень похвальными», однако религиозный аспект делал его предложение невыполнимым. Лейтенант-губернатор провинции, Эдмунд Драммонд, был готов, однако, рассмотреть «любые ясные и определенные планы... если они не будут мешать религиозным чувствам заключенных» [14, р. 471]. Отметим также, что такое предложение не было характерно и для самого Юма, который, будучи убежденным христианином, никогда не выступал с миссионерских позиций и уважал религиозные воззрения индийского населения. Вероятно, в поиске методов перевоспитания преступников он решил попробовать и «христианское воспитание». Как бы то ни было, повторное обращение к правительству по данному вопросу в 1867 г., более детальное, безо всякого религиозного компонента, принесло свои плоды: воспитательная колония в Итаве была все-таки создана, хотя к тому времени Юм уже не руководил округом, поскольку был назначен на должность комиссара таможни Северо-Западных провинций.

Его успехи в противостоянии «взрослой» преступности также были хорошо заметны: ее уровень в Итаве был самым низким среди всех округов Северо-Западных провинций, а, возможно, и по всей Индии [7, р. 12]. Юм придерживался мнения, что рост преступности связан с несправедливым отношением полиции к местным жителям, и активно выступал против полицейских репрессий [86, р. 81-82]. В 1865 году Юм писал главному инспектору полиции в Агре: «Полиция этого округа, как организация, является непорочной, дисциплинированной и хорошо подготовленной. В прошедшем году до [моего] сведения не было доведено ни единого случая притеснений или ненадлежащей жестокости со стороны кого-либо из полицейских. В целом люди обладают хорошей физической подготовкой и знанием правовых норм, с которыми они имеют дело...» [87, р. xxxviii].

Наиболее значимой инициативой Юма после его возвращения из Великобритании в 1863 году было учреждение в Итаве муниципалитета. Подобная идея не была уникальной для Индии, и организация таких форм местного самоуправ-

ления допускалась провинциальными правительствами в строго ограниченных рамках — например, состав муниципалитета назначался окружным магистратом и не мог быть выборным, а наиболее существенной из его возможностей было введение местных налогов.

Юм, к тому времени уже имевший некоторый опыт вовлечения коренного населения в систему управления (в управляющем комитете Центральной школы было несколько индийцев), был готов провести эксперимент и с муниципалитетом [14, р. lvi]. В сентябре 1863 года он представил на рассмотрение правительства список кандидатов в муниципальные комиссары — семеро индийцев и четыре европейца. 23 октября правительство заявило, что «в согласии с желаниями местных жителей положения Акта XXVI от 1850 г. были распространены на город Итава...» [14, р. lvii], тем самым положив начало городскому самоуправлению в округе.

Муниципалитет вскоре доказал свою эффективность и снижал популярность местных жителей. Уже в 1864 году, на фоне бесконечных споров с правительством о целесообразности и широте полномочий городского самоуправления, Юм отмечал: «В настоящее время люди предпочитают обязанности *октрой* [городские — *Д. Н.*] любой другой форме налогообложения, поэтому она является лучшей для них в их нынешнем состоянии. Люди могут ошибаться в теории..., но зло может произойти единственно от деспотического пресечения их желаний. Учите их *лучше* [Курсив Юма — *Д. Н.*], и когда они сумеют предпочесть какую-либо теоретически лучшую систему, тогда — и только тогда — эта система будет лучше для них, и тогда — только тогда — ее можно будет внедрять мудро и безопасно» [14, р. 546]. Таким образом, Юм, отнюдь не считавший подобную систему идеальной, полагал необходимым следовать пожеланиям местного населения — когда в другом крупном городе округа, Джасвантнагаре, встал вопрос о внедрении муниципального управления, и жители не поддержали эту идею, он не стал настаивать, считая невозможным навязывать какие-либо нововведения. «Я простой представитель народных требований. Я могу совето-

вать, убеждать и предлагать — но когда все это сделано, я должен действовать в соответствии с требованиями большинства, если в их желаниях нет ничего противозаконного» — писал он комиссару Агры Дж. Баттену [14, р. lxviii].

Вместе с тем, городское самоуправление в Итаве под руководством Юма оказало серьезное влияние на развитие социальной инфраструктуры города и его архитектурный облик — так, одним из самых амбициозных проектов муниципалитета стало создание нового рынка, реконструкция дорог и главной городской площади, которая по сей день носит имя А. О. Юма [88, р. 136].

Деятельность Аллана Октавиана Юма на посту магистрата и коллектора округа Итава, безусловно, заслуживает более детального изучения, поскольку он не ограничивался простым выполнением административных функций, но пытался реформировать и модернизировать разные сферы индийской жизни, порой весьма далекие от его непосредственных обязанностей. Именно эта, своего рода «неофициальная» сторона его жизни в Итаве и представляет наибольший интерес для исследователя, так как именно в ней, в значительной степени, раскрываются взгляды Юма на роль империи в жизни индийских подданных. Юм — безусловный патриот Британской империи — считал, что метрополия должна выполнять воспитательную, цивилизаторскую миссию в отношении жителей Индии, однако для этой цели не были приемлемы любые средства. В этом заключается одна из основных причин разногласий Юма с правительством, которые в дальнейшем будут только обостряться. С этим же пониманием связана и большая страсть Юма к работе над созданием современной системы образования в Итаве — основной меры «воспитательного» характера. Если британское правительство в Индии видело в системе образования средство для создания социальной опоры Раджа в виде широкого слоя образованных индийцев, то Юм, прежде всего, видел в ней

основное орудие для культурного и морального совершенствования коренного населения, и потому именно на этом поприще он наиболее активно трудился и достиг, пожалуй, самых значительных результатов.

Вера в способность индийцев управлять собственной жизнью (конечно, под контролем учителей-британцев) находит отражение практически по всех реформаторских начинаниях Юма. В школах, им созданных, преподавали индийские учителя, в госпитале трудились индийские врачи; он привлекал добровольцев из числа коренных жителей к работе над переписью населения [89, р. 19], а местных чиновников — к работе в муниципалитете. Народ отвечал ему благодарностью — Юм был популярным и авторитетным чиновником в округе, и добрая память о нем сохранялась в течение многих лет после того, как он покинул свой пост [1, р. 4].

Глава IV

В начале 1867 года Юм известил правительство о том, что более не заинтересован в том, чтобы оставаться в Итаве, и в мае временно был назначен гражданским судьей в Барейли, пока в июле не был переведен на более высокий пост — он стал комиссаром таможен Северо-Западных провинций [90]. «Неудивительно, что с такими замечательными характеристиками окружного администратора, г-н Юм был избран для того, чтобы стать главой крупного централизованного департамента» [5, p. 25], — писал Уэддерберн, хотя стоит заметить — Юму пришлось выдержать серьезную конкуренцию, что стало возможным благодаря «усердию, энергии и административным способностям... и отличной службе правительству во время мятежа» [6, p. lvii].

Основной обязанностью Юма на этом посту было предотвращение нелегального производства соли и контроль ее ввоза в провинцию. Соль облагалась налогом, и это была важная статья доходов сначала Ост-Индской компании, а затем и британского правительства. Для полного контроля над этой отраслью была создана гигантская живая, однако быстро засыхавшая, изгородь [91, p. 50]¹, служившая надежным барьером на пути правонарушителей. В обязанности Юма входило также сохранение нерушимости этой «стены», и он довольно «творчески» подошел к выполнению этой задачи. За три года его пребывания на этом посту изгородь подверглась серьезным трансформациям [92, p. 98]. Юм применил научный подход, исследуя, какие кустарники более применимы к определенным видам почвы и климатическим условиям [92, p. 100]. Усилиями Юма изгородь превратилась в практически непроходимую преграду высотой от двух до четырех метров при толщине почти 4,5 метра. Вместе с тем,

1 В конечном счете ее протяженность составила около 3700 километров - от верховий Инда на юг до Чандрапура, и далее практически до Бенгальского залива.

он производил и частичный демонтаж отдельных участков этой грандиозной конструкции [7, р. 15], потерявших свою необходимость, в том числе и вследствие серии удачных переговоров Юма с индийскими княжествами [5, р. 25].

Эдвард Моултон отмечает, что на этом этапе своей карьеры в ИГС Юм вел себя как обычный бюрократ «более, чем обычно». Удивительно, но в это время правительство практически не критикует его за проявляемую им инициативу. Более того, вопреки обычной для него тенденции солидаризироваться с интересами масс, в течение этого периода Юм последовательно обосновывал существующий высокий уровень налога, поскольку считал их необходимым и законным источником дохода государства [6, р. lviii]¹. Однако в то же время он сосредоточился на других мерах, призванных облегчить положение людей. Во-первых, он добился отмены наказания за нелегальный ввоз соли, чья масса не превышала 1 *сера* (около двух фунтов). Во-вторых, он играл активную роль в содействии политике повышения производства соли и улучшения условий ее перевозки, что помогло уменьшить ее отпускную цену. Наконец, он произвел серьезные перемены в административной структуре департамента и убедил правительство повысить оплату труда его сотрудникам и предоставить им более широкие возможности для карьерного роста, тем самым лишая их соблазна наказывать тех местных жителей, чьи нарушения были слишком незначительными [6, р. lix].

Большим успехом для Юма на этой должности стали переговоры с индийскими княжествами Джайпур и Джодхпур о передаче англичанам в аренду соленого озера Самбхар и прилегающей территории [5, р. 25]. Юм предложил княжествам условия, которые многим показались слишком щедрыми, но получил поддержку со стороны вице-короля Индии лорда Мейо и сэра Джона Стрейчи, министра финансов

1 Следует, однако, заметить, что в бытность свою коллектором Итавы, Юм выступал за освобождение от земельного налога, см. [93, сс. 1616, 1657].

[5, p. 26]. Последующие события показали, что Юм был прав — через четыре года прибыль от этого договора превысила сумму ренты, выплаченной княжествам, на триста тысяч рупий, учитывая, что к тому времени еще не была построена железнодорожная ветка, соединяющая озеро с основной сетью железных дорог [6, p. lxi].

Успех Юма в переговорах об аренде озера Самбхар сблизил его с вице-королем, лордом Мейо. Их объединял интерес к сельскому хозяйству, и Мейо нашел в Юме верного сторонника. В знак своей уверенности в нем вице-король в ноябре 1870 года назначает Юма исполняющим обязанности секретаря влиятельного департамента внутренних дел в правительстве Индии, «на время отсутствия г-на Э. Бейли или до дальнейших распоряжений» [94]. На этой ответственной должности Юм отлично проявил себя, а некоторые важные замечания, сделанные им по вопросам земельной политики и налогов на сельскохозяйственные угодья, привели лорда Мейо к выводу, что Юм является лучшим кандидатом на пост главы департамента сельского хозяйства, который вице-король собирался создать.

Глубокий интерес Юма к аграрному сектору проявился еще во время его пребывания коллектором в Итаве. Он был сторонником научного подхода к сельскому хозяйству, считавшим, что простое увеличение числа выращиваемых культур не приведет к развитию отрасли, а потому необходимо модернизировать аграрную сферу в Индии, применяя самые современные подходы. Например, в письме Манчестерской организации поставщиков хлопка он отмечал: «Если предоставить действительно хорошие семена, многие с нетерпением будут ждать, чтобы купить небольшое количество их на первый раз, и если все будет успешно — в большем количестве в дальнейшем. Дело в том, что, как показывает мой опыт, индусы, равно как и англичане, совершенно готовы к любой хорошей консультации или любому хорошему плану, только если вы продемонстрируете им на практике, что это

выгодно» [95, р. 104]. Этот, кажущийся очевидным, совет показывает, насколько отсталым было в то время сельское хозяйство в Индии — самые современные сельскохозяйственные орудия, ввозимые в страну англичанами, не находили применения, поскольку индийские крестьяне не умели или не хотели ими пользоваться, не понимая, что инновации могут приносить прибыль. Такое положение вещей убеждало даже многих англичан в том, что сельское хозяйство в Индии навеки погрязло в консерватизме, а любая модернизация его обречена на провал [95, р. 105].

Однако с назначением в 1869 году лорда Мейо вице-королем Индии появилась надежда, что плачевная ситуация в сельском хозяйстве изменится. Среди британских правителей Индии лорд Мейо был единственным практикующим фермером¹. Сын помещика, он жил в Хайесе, в 35 километрах от Дублина. С самого детства он проявлял интерес к естественным наукам, и, получив от отца ферму в управление, всерьез приступил к исполнению обязанностей, внося серьезные улучшения, продавая выращенный скот на рынках и постоянно участвуя в заседаниях животноводческих и фермерских клубов [97, р. 1]. Прибыв в Индию, он писал лорду Нейпиру: «Настало время, когда мы должны создать что-то вроде сельскохозяйственного департамента в правительстве Индии с отделениями в президентствах и лейтенант-губернаторствах. Сельское хозяйство, от которого здесь зависит каждый, почти полностью игнорируется правительством. Я уже достаточно видел в моих странствиях, чтобы понять, что есть огромный простор, не совсем для реформ, но для исследования хозяйства в Индии» [97, р. 2]. Безусловно, на формирование этой идеи оказали влияние голод в Ориссе и манчестерское хлопковое лобби [98, р. 46], чьи представители еще в 1860 году заявляли, что «Индия обладает всем необходимым, чтобы выращивать хлопок для всеобщих и полезных целей, и, вероятно, ни в одной другой стране он не может быть выращен так же дешево, или быть лучше приспособ-

1 Подробнее о лорде Мейо см. [96]

ленным для нужд самой обширной секции гигантской хлопковой индустрии» [99, р. 437]. Взгляды вице-короля не были слишком популярны в среде чиновников [100, р. 27], но вполне соответствовали настроениям Юма, считавшего бездействие в сфере сельского хозяйства «наиболее заметным пятном» на репутации правительства Индии [101, р. 124].

По замыслу лорда Мейо, новый департамент должен был представлять собой сельскохозяйственное бюро, подчиненное генеральному директору, а не секретарю [97, р. 2]. Юм вспоминал, что генеральный директор должен был заниматься «действительной», а не «письменной» работой, лично совещаться с провинциальными директорами, рассматривать проекты и схемы, предлагаемые ими, знакомиться с нуждами и пожеланиями на местах, а затем докладывать правительству о том, какие меры следовало применить с наибольшей эффективностью [15, р. 26]. Государственный секретарь по делам Индии выразил общее согласие с вице-королем по вопросу необходимости создания департамента, однако настаивал на том, что управлять им должен секретарь, «равный по своему положению другим гражданским секретарям» [97, р. 2-3]. Впоследствии Юм саркастически заметил по этому поводу: «Лорд Мейо назвал его департаментом сельского хозяйства, доходов и торговли. Государственный секретарь возражал, сказав, что доходы, но не сельское хозяйство, являются главной целью департамента, и приказал изменить название на [департамент] доходов, сельского хозяйства и торговли» [15, р. 22].

Как бы то ни было, в июне 1871 года департамент был, наконец, создан, а Аллан Октавиан Юм назначен его главным секретарем¹. В августе он изложил амбициозный план совершенствования сельского хозяйства, который предусматривал создание, по меньшей мере, одной фермы по предложенному правительством образцу в каждом районе стране [15, р. 27]. На этих фермах предполагалось выращивать культуры,

1 О назначении Юма широкой общественности было известно еще в мае, см. [102, 103]

наиболее привычные местным жителям, с последующим улучшением селекции семян и культивацией, а также выращивать крупный рогатый скот, овец и птицу, постепенно внедряя и популяризируя новые породы скота [6, р. lxiv]. Юм предлагал провести эксперимент в специально отобранных для этой цели районах под руководством квалифицированного европейского агронома. Он также утверждал, что индийские крестьяне-собственники будут рассматривать типовые фермы как «школы» сельского хозяйства для местного населения, если будут достигнуты хорошие урожаи и применяться более совершенные способы обработки почвы. Однако этот проект показался правительству слишком смелым и использовался только в качестве полуофициальной рекомендации¹.

Что же до практики, то Юму уже в июле пришлось заняться изучением природы «болезни..., таинственным и необъяснимым способом» [105] нанесшей серьезный ущерб урожаю опиумного мака. Исследование этой проблемы было поручено Джону Скотту, сотруднику Ботанического сада Калькутты, и заняло несколько лет. В результате его выяснилось, что «болезнь», с каждым годом охватывавшая все большие площади заключалась в «порочной системе культивации» — для семенного фонда не отбирались лучшие семена, почва истощалась, и потому растения вырождались и погибали. «Пороки системы выращивания опиумного мака являются, по сути, пороками, влияющими на сельское хозяйство Индии в целом» [15, р. 104] — добавлял в этой связи Юм².

Однако Юму не удалось искоренить недостатки сельскохо-

-
- 1 Несколько ферм по рекомендациям Юма все же были созданы (см. [104, р. 181]) и даже приносили некоторый доход, однако в их деятельности не принимали участия квалифицированные эксперты.
 - 2 Нужно, тем не менее, сказать, что Юм был противником распространения наркотических веществ. В 1872 году газеты писали: «The Times of India сообщает, что департамент сельского хозяйства собирается начать крестовый поход против наркотика *ганжа*. Г-н Юм приводит статистику, показывающую, что из всех причин сумасшествия в Индии ганжа наиболее плодovита» [106, р. 448]

зяйственной системы. 8 февраля 1872 года в Порт-Блэре на Андаманских островах был убит лорд Мейо, а его преемники не уделяли аграрным проблемам никакого внимания. В 1879 году Юм вспоминал: «Этот департамент никогда и не задумывался правительством как сельскохозяйственный. Лорд Мейо надеялся сделать его таковым, но с его смертью Индия потеряла самого пылкого, компетентного и в то же время самого влиятельного сторонника реформирования сельского хозяйства. Без изменений в уставе департамента, которые он предполагал внести, последующие администрации сделали официальные узы только жестче и все более и более превращали его главу в привязанного к рабочему столу секретаря» [15, р. 23].

Тем не менее, и в изменившихся условиях Юм не бросил поиски средств, с помощью которых можно было модернизировать сельское хозяйство. В частности, он предлагал ликвидацию задолженностей земледельцев [7, р. 17], а также меры по орошению засоленных почв [15, р. 85-86 ; 107, р. 44].

Одной из основных задач Юм считал внедрение и популяризацию в Индии новых культур, как пищевых, так и технических. В памфлете «Сельскохозяйственная реформа в Индии», написанном вскоре после того, как департамент был расформирован [97, р. 7], он, признавая, что общие итоги работы департамента не были удовлетворительными, однако, представил список культур, эксперименты с которыми были в той или иной степени успешны. Приведем некоторые из его заметок:

1. «Что касается шелка, то эксперименты с *тассаром*¹ увенчались полным успехом, и, несомненно, торговлю по этой статье, малоизвестной и недооцененной, ждет прекрасное будущее».
2. «Выращивание ванили, столь выгодное в Мексике и Реюньоне, на испытании которой настоял департамент, было успешным в одной провинции, по крайней мере, до начала засухи...».

1 Разновидность шелка.

3. «Рожковое дерево, хотя и было внедрено ранее, широко распространилось благодаря содействию департамента; оно является полезным кормовым деревом и ресурсом для людей во время засухи...».

4. «Земляной орех широко импортируется во Францию с западного побережья Африки, и эта культура, хорошо известная в Индии, хотя и не экспортируется регулярно, может стать важным предметом торговли.. Департамент сделал все возможное, чтобы стимулировать выращивание этого ценного продукта».

5. Сорго [внедрено] в высшей степени замечательно. Обильный урожай делает его самой ценной кормовой культурой для крупного рогатого скота» [15, р. 102].

Юм настаивал на том, что пренебрежительное отношение к сельскому хозяйству со стороны правительства приводит не только к ужасающим результатам голода, но и к сокращению доходов, поскольку бюджет правительства чрезвычайно зависел от земельной ренты [108, р. 288]. Однако сельское хозяйство в Индии вращалось в порочном круге — истощенным землям не хватало органических удобрений, но поголовье крупного рогатого скота, производившего их, угрожающе сокращалось [109, р. 167] из-за того, что истощенные почвы не давали достаточного количества кормов. Юм считал насущным требованием сельского хозяйства в Индии заготовку навоза, потому что «любое практическое решение этого вопроса неизбежно должно решать и многие второстепенные проблемы». Зачастую в стране навоз использовался в качестве топлива вместо древесины, вследствие ее нехватки или дороговизны. Решить проблему с недостатком удобрений можно было, только сохранив поголовье скота [15, р. 45-46]. И Юм нашел выход в посадке лесов, которые могли занять неиспользуемые или непригодные для культивации земли, и обеспечить скот не только необходимыми кормами, но и резервами на время засух. Он утверждал, что почти во всех деревьях можно найти земельные участки, почва которых слишком скудна для выращивания сельскохозяйственных культур, но вполне пригодна для деревьев. Требуется лишь

юридическое основание для того, чтобы отчуждать неиспользуемые земли без компенсации землевладельцу – в том случае, если он не получает с них доходов – для создания общественных лесов, которые могли составить резервный фонд для скота на случай голода [15, р. 53-54, 59].

Отсюда видно, что лесное хозяйство также было предметом пристального изучения Юма, не столько в силу того, что оно, равно как и рыболовство, относилось к ведению департамента, сколько из-за важности лесоводства для сельского хозяйства. Работа Юма в департаменте пришлась на те годы, когда в Индии активно обсуждалось лесное законодательство и пределы его юрисдикции [110, р. 237]. К 60-м гг. XIX в. Британская империя стала лидером по темпам обезлесения: огромные лесные массивы в Ирландии, Южной Африке и т. д. превратились в пустоши, поскольку лес был необходим ведущей морской державе для строительства флота [111, р. 118]. Похожая ситуация складывалась и в Индии, где в 1864 году был создан департамент лесов, который возглавил известный немецкий ботаник, доктор Д. Брандис. В 1871 году он стал подчиненным Юма в департаменте сельского хозяйства, и тот высоко оценивал его опыт и способности [6, р. lxxvi]. Они вместе работали над повышением эффективности управления лесами и расширением площади охраняемых лесов, и Юм отмечал пользу применяемых департаментом мер для местного населения: « В Мхайрваре правительство забрало для лесов большие резервы, и эта мера была очень непопулярна, хотя и необходима. В прошлом году, когда страна пострадала от засухи, и люди оказались перед угрозой голода скота, эти запасы были открыты для них. Охрана лесов несколько пострадала, но люди были уже не против них, а наоборот, вполне их оценили» [15, р. 56].

Другой стороной сохранения лесов были меры по охране диких животных. Однако правительство графа Нортбрука, нового вице-короля Индии (1872-1876) не поддержало инициативу Юма, настаивавшего на принятии закона о запрете охоты на гималайских птиц в сезон размножения; ему также не удалось добиться помощи властей в деле защиты диких

слонов в предгорьях Гималаев, популяция которых быстро сокращалась [6, p. lxvii].

В 1879 году департамент «рухнул, наконец, под общим весом бесконечных ограничений его деятельности «в поле», недостатка средств и персонала, неустанного давления со стороны министерства по делам Индии» [112, p. 101] и был объединен с департаментом, занимавшимся финансами и внутренними делами [97, p. 7]. Юм был глубоко разочарован результатами его работы и изложил свои впечатления и предложения в уже известном нам очерке «Сельскохозяйственная реформа в Индии». Очерк вышел довольно резким по форме, однако содержал множество полезных практических рекомендаций, и был высоко оценен в среде профессионалов. Р. Найт, издатель «The Statesman», например, считал, что очерк «глубоко запал в умы тех, кто стремится узнать истину о данной проблеме [сельском хозяйстве — *Д. Н.*]» [113, p. 225]; согласно А. Коннеллу это был «очень интересный, но несколько самовлюбленный памфлет» [107, p. 42]. Флоренс Найтингейл, известная британская сестра милосердия, писала об У. Р. Робертсоне, также известном специалисте, что тому «известно больше всех о сельском хозяйстве в Южной Индии..., возможно, во всей Индии, за исключением г-на Юма» [25, p. 682].

Считая, что департамент доходов, сельского хозяйства и торговли не выполнил ни одну из поставленных перед ним задач, Юм все-таки оставался убежденным сторонником дальнейшего изучения и развития сельского хозяйства в Индии и в империи в целом. «Лучшим ответом на вопрос: «Почему мы нуждаемся в департаменте сельского хозяйства в Индии?» — по-прежнему должен оставаться ответ: во-первых, чтобы точно определить, какие реформы необходимы в нашем сельском хозяйстве, как они должны практиковаться в различных частях империи, и, во-вторых, чтобы систематически разрабатывать лучшие методы проведения этих реформ» [15, p. 93]. Тем не менее, многие из проблем, освещен-

ных Юмом в «Сельскохозяйственной реформе в Индии» так и не были решены британским правительством.

Ликвидация департамента и отставка Юма с поста секретаря в правительстве Индии в 1879 году отнюдь не были внезапными. Как нам известно, разногласия между Юмом и властями проявились еще во время его службы в Итаве; в бытность же его секретарем правительства они только нарастали. Б. Д. Ядав отмечает, что причиной отставки Юма послужили «просьбы его завистливых англо-индийских коллег, питавших к нему неприязнь» [7, р. 18]. Действительно, многим из его современников во властных кругах приходилось не по нраву его политический радикализм и проиндийские настроения, пылкий темперамент и острое перо. В качестве иллюстрации враждебного отношения к Юму Э. Моултон в одной из статей приводит слова Бритона Мартина, характеризующего нашего героя как «неприятного, мелкого обструкциониста», который на поздних этапах своей карьеры в ИГС стал «тщеславным, чрезмерно амбициозным и своекорыстным». Мартин находил неприятной даже внешность Юма. Сэр Генри Майн называл Юма «величайшим лежецом, который когда-либо был в Индии» [11, р. 5] — заявление, безусловно, не имеющее никакого отношения к действительности.

Непреодолимые разногласия Юма с правительством лорда Литтона стали возникать в октябре 1876 года, когда последний уполномочил его вести переговоры по вопросу соляных месторождений в Алваре и Бхаратпуре. Юм вел довольно успешные переговоры, однако министр финансов, Джон Стрейчи, настаивал на том, чтобы «туземные государства Центральной Индии принесли нечто большее казне правительства», чем просто безубыточную сделку [6, р. lxxv], и с этой целью предлагал сделать Юма ответственным перед чиновниками внешнеполитического ведомства, в чьей юрисдикции были отношения с индийскими княжествами. Это, конечно, вызвало возражения у Юма, однако истина на тот

момент заключалась в том, что Литтон и Стрейчи более не считали его незаменимым, хотя и признавали его административный талант. Стрейчи жаловался вице-королю, что Юм критикует любой «мыслимый предмет, связанный с управлением» [6, р. lxxvi]. Юм, впрочем, и сам признавал в письме лорду Литтону, что бывает слишком импульсивным, когда задеты его чувства, и часто выражает свое мнение под влиянием момента; однако одновременно он называл себя «человеком, имеющим больше всего недоброжелателей в Индии [11, р. 20]. В результате, Юм постепенно начал терять свои позиции в секретариате; в конце концов, лорд Литтон признал, что одним из преимуществ ликвидации департамента доходов, сельского хозяйства и торговли было избавление от «одного беспокойного секретаря» [6, р. lxxvi].

Таким образом, в июле 1879 года Аллан Октавиан Юм был с понижением переведен на младшую должность в ведомстве доходов Северо-Западных провинций¹. «Решение было принято исключительно из соображений того, что было бы наиболее желательным в интересах государственной службы» [7, р. 18-19] — писал Юму личный секретарь Литтона в ответ на запрос о разъяснении причин отставки.

Отставка Юма возмутила многих образованных индийцев и англичан. Даже англо-индийская пресса, не отличавшаяся дружелюбием по отношению к нему, отмечала несправедливость такого решения [7, р. 19]. Уэддерберн, в частности, приводит «лучшее заявление по этому делу» газеты «The Englishman»: «Он [Юм], как известно, был очень трудолюбив, и правительству будет нелегко найти равного ему в знании специальных тем, которые рассматривал его департамент. Однако он, согласно нынешней «имперской» фразеологии, был «недисциплинированным»... Под «недисциплинированностью» правительство понимает не то, что служащий отказывается подчиняться приказам, и даже не то, что он пренебрегает лучшим из возможных способов выполнить

1 Уже в начале июня о предстоящей отставке сообщали газеты, см. [114]

распоряжение, которое сам не одобряет; но то, что он отказывается кричать «Мир, мир», когда так говорит правительство, но на самом деле идет война» [5, p. 33].

Юм оставался на службе до конца 1881 года — хотя он не испытывал желаний продолжать карьеру, он нуждался в официальном жаловании для издания монументального труда по индийской орнитологии [22], и окончательно ушел в отставку через несколько месяцев после того, как последний том книги увидел свет [11, p. 7].

Карьера Аллана Октавиана Юма в Индийской гражданской службе не слишком отличалась от многих других, однако его отставка стала своего рода «водоразделом» не только в его жизни, но, в какой-то степени, и в истории Индии — он провел здесь еще десять насыщенных событиями лет, ознаменовавшихся и значимыми научными открытиями, за которые его назовут «отцом индийской орнитологии», и яркой общественной деятельностью, в результате которой он станет «отцом Индийского национального конгресса».

Символично, что в том же 1879 году, когда Юм потерпел карьерное поражение, в Индии произошло еще одно событие, незаметное на первый взгляд, но оставившее заметный след в истории страны — в феврале в Бомбей прибыли Елена Блаватская и полковник Генри Олкотт — основатели Теософского общества, которому суждено будет внести огромный вклад в культурное и политическое развитие Индии. Этот факт имеет значение и для нашего рассказа — пройдет совсем немного времени, и в ряды теософов войдет Аллан Октавиан Юм.

Глава V

На всем протяжении карьеры в ИГС Аллан Октавиан Юм проявлял живой интерес к научным исследованиям, спектр которых был весьма широк – в частности, нам известны его этнографические очерки о жизни индийских племен и труд по сельскому хозяйству Индии, выполненные им в рамках основной деятельности на службе и преследовавшие, прежде всего, практические цели. Они, кроме того, давали Юму возможность работать «в поле», что было отдушиной для него не только потому, что ему претила канцелярская работа, но и из-за слабого здоровья [6, р. xliv]. Его высокий профессионализм и широкие познания в области естественных наук признавались властями и обществом – например, в 1871 году он стал попечителем Индийского музея [115].

Однако наибольший вклад Юма в науку составляют многочисленные исследования по индийской орнитологии, сохраняющие актуальность и по сей день¹. За период с 1868 г. по 1883 г. он написал около двухсот статей, писем и заметок в журналах, четыре книги, описал, по меньшей мере, 148 таксонов, принятых и сегодня (37 видов и 111 подвидов птиц), в течение многих лет издавал и финансировал орнитологический журнал «Stray Feathers», создал сеть по переписке, объединившую более пятидесяти полевых натуралистов (именно им он обязан тем, что 13 таксонов названы в его честь), собрал коллекцию из ста тысяч птиц и образцов яиц (самое большое в мире собрание азиатских птиц на тот момент [5, р. 35]), совершил четыре экспедиции

1 Так, в октябре 2012 года в Лондоне прошла конференция «Indian Ornithology, British Botany and Allan Octavian Hume (1829-1912): the Scientific Legacy of a Founder of the Indian National Congress» при участии Ботанического института Южного Лондона, основанного Юмом, Музея естествознания (NHM, Лондон), Британского клуба орнитологов и Лондонского Линнеевского общества.

в самые отдаленные углы Индийского субконтинента [116, р. 17], организовал орнитологический музей. Научное наследие Юма удивительно, тем более, что птицы были для него лишь хобби, а большую часть времени, безусловно, отнимала служба в индийской администрации. Не менее удивительной выглядит и постепенная потеря интереса к орнитологии, о чем с сожалением говорили многие его современники [23, vol. I., р. v]. Значение трудов Юма для Индии прекрасно выразил выдающийся индийский орнитолог Салим Али, считавший, что «для практического удобства начало современной орнитологии в Индии можно отнести ко времени появления в 1864 году «Птиц Индии» Джердона... В течение следующих тридцати лет, или около того, полностью доминировал А. О. Юм, широко изучавший птиц и задававший тон своим журналом «Stray Feathers» в 1872-1888 гг.» [117, р. 99]

Хотя Юм начал публиковать свои работы о птицах только в тридцать девять лет, интерес к ним проявился у него с ранних лет, хотя он и признавался, что, когда в 1851 году в Ладакхе он добыл первый экземпляр для своей коллекции, в нем было «слишком много от простого спортсмена и слишком мало от натуралиста» — в частности, его заинтересовала соколиная охота [116, р. 23].

Первая коллекция, собранная Юмом, погибла в ходе восстания 1857 г. [118, р. 437], однако он вновь вернулся к ней, и можно сказать, что уже в начале 1860-х гг. он проявляет серьезный научный интерес к изучению птиц [5, р. 36]. Свою первую заметную публикацию¹ [24] он посвящает Э. Блиту и Т. Джердону, отмечая, что от последнего он «впитал вкус к орнитологии, когда глаза... более не могли выносить дополнительного напряжения от микроскопа»² [116, р. 23].

1 В предисловии к «My scrap book» Юм писал: «Благосклонный читатель, если у этих записок есть хоть малейший шанс принести тебе пользу, используй их, нет — сожги их, если пожелаешь, но не трать время, ругая меня или их, так как никто не может больше думать плохо о них больше, чем я сам» [24, р. x]

2 Это замечание свидетельствует о том, что Юму не были чужды и другие области естественных наук.

Именно работа Джердона открыла ему глаза на научное значение тех наблюдений, которые он делал, и Юм принялся существенно расширять свою коллекцию, для которой отвел несколько залов в своей резиденции, создав, таким образом, орнитологический музей: «Его энтузиазм был заразительным, а знания по излюбленному предмету — превосходными... В его прекрасном доме в Шимле — Ротни-Касле — был музей для [его] коллекции, бывший «Меккой» для любого из нас...; и никто из нас никогда не оставлял его гостеприимный дом и очаровательное общество, не узнав что-нибудь новое о предмете, который мы изучали, от нашего проводника, философа и друга» — вспоминал полковник Маршалл [5, р. 38]. Особенно способствовало созданию коллекции пребывание Юма на посту комиссара внутренних таможен — необходимость инспектировать заградительные рубежи приводила к многочисленным поездкам по стране, и из каждой он привозил новые образцы [116, р. 24]. Помимо этого, в его музее содержались и собрания других орнитологов (например, коллекция птиц Тибета и Сиккима, собранная Л. Манделли), с которыми он состоял в переписке [12, р. 307].

Важнейшим событием в индийской и мировой орнитологии стало основание в 1872 г. журнала «*Stray Feathers*», одиннадцать томов которого, согласно Салиму Али, являются «настоящими золотыми копиями для орнитолога и красноречивым свидетельством рвения, трудолюбия и эрудиции его выдающегося редактора» [117, р. 102]. Начав выпускать журнал, Юм практически перестал печатать статьи в ведущем органе Британского орнитологического клуба — журнале «*Ibis*» — и сделал свое детище трибуной для выражения своих научных взглядов и инструментом для получения сведений со всех концов страны [116, р. 26]. Журнал порой становился ареной яростных споров между натуралистами, и, несомненно, способствовал прогрессу естественнонаучного знания не только на субконтиненте, но и за его пределами. Многие птицы впервые были описаны Юмом на страницах «*Stray Feathers*»: бледная неясыть (Hume's owl), черноголовая каменка (Hume's wheatear), горная славка (Hume's

whitethroat) и другие [118, p. 442-443]. Помимо этого, он не только писал критические отзывы едва ли не на все работы по орнитологии, выходявшие в свет, постоянно поддерживая, советуя и побуждая своих сотоварищей, знакомых лично и по переписке, к новым исследованиям и открытиям, заслуженно получив от них звание «отца», или же, со ссылкой на присущую ему научную догматичность, «Римского папы индийской орнитологии»¹ [117, p. 101].

Несмотря на постоянную занятость на службе, с 1871 по 1881 гг. Юм сумел организовать четыре орнитологические экспедиции. Первая из них, в ноябре 1871 г.- феврале 1872 г. — «долгожданный праздник... после многих лет труда на чиновничьей мельнице» — была посвящена трехмесячному изучению Синда и его окрестностей, авифауна которых практически не была изучена [120, vol. I, p. 44]. Весной 1873 года он вместе с Фердинандом Столичкой и большой группой таксидермистов посещает Андаманские и Никобарские острова, а в 1875 — Лаккадивы и западное побережье Индии. Не все из этих экспедиций были одинаково успешны: если итоги путешествия на Андаманы Юм описал в нескольких пространных очерках, со временем добавляя к ним все новые и новые сведения [120, vol. IV, p. 279-295], то Лаккадивские острова разочаровали его («...они не имеют самобытной флоры и фауны... Нет неиндийских растений, флора представлена в основном видами, распространенными на морском побережье Индии» [120, vol. IV, p. 459]) и в целом он считал эту экспедицию «неудачной», хотя ему и удалось описать некоторые виды птиц. Однако последнее путешествие с лихвой компенсировало неудачи предыдущей поездки. В 1881 году Юм организовал масштабное исследование фауны Манипура, в котором приняло участие несколько десятков человек, не считая множества местных жителей, занимавшихся вспомогательной работой [116, p. 26]. В результате этой экспедиции были добыты пятьсот «экземпля-

1 Справедливости ради стоит отметить, что в годы жизни Юма «отцом индийской орнитологии» называли Э. Блита. См. [119, p. xiv]

ров» туземной авифауны.

В их числе был и своеобразный подарок Юма жене — «фазан госпожи Юм» (*Callorphasis Humiæ*), названный «возможно, в знак благодарности женщине, которая так редко видела его за двадцать семь лет брака» [116, p. 35]. Его «обретение» напоминало, скорее, остросюжетный приключенческий роман, чем научную работу. В одеянии посла махараджи Манипура, пришедшего встречать высоких гостей, Юм увидел несколько перьев неизвестной ему доселе птицы. В ходе расспросов выяснилось, что эта редкая птица обитает в труднодоступной местности на юге княжества, и ни посол, ни кто-либо из жителей Манипура никогда не видели ее, поскольку эти места населяло свирепое племя Куки (хотя Юм с педантичностью этнографа отмечает, что люди племени не являлись «подлинными» Куки [120, vol. IX, p. 462]), без промедления убивавшее всякого, кто осмеливался появиться на их земле. Перья, вследствие своей редкости бывшие знаком отличия для подданных махараджи, доставлялись в Манипур представителями этого племени, которые осели в столице и боялись возвращаться на родину, хотя и сохраняли тайные контакты с бывшими соплеменниками. К поискам таинственной птицы был привлечен даже сам махараджа, который «строго приказал всем чиновникам в южных районах достать образцы птиц, и действительно сделал все, что мог, чтобы получить их; но все было напрасно» [120, vol. IX, p. 463]. Она все больше становилась похожа на миф, «начинало казаться, что «такой птицы никогда не существовало», что перья росли на деревьях или были завезены из далекой страны» [120, vol. IX, p. 463], однако Юм был полон решимости пополнить свою коллекцию новым экспонатом. Экспедиция отправилась на юг самостоятельно; для поисков были завербованы туземцы, бежавшие из родных краев и желавшие использовать такую возможность для того, чтобы купить оружие у соплеменников для сведения старых счетов. Однако, выяснив, что им не будет позволено заниматься торговлей, они сбежали из лагеря; их удалось вернуть лишь благодаря гневным филиппикам сопровождавшего Юма манипурского

посланника, который пообещал казнить их за непослушание. «Все начали рыдать, выть и бросаться на землю, но старый джентльмен не потакал им, и я в самом деле занервничал, поскольку восемь мужчин с заряженными Энфилдами — которыми они не умели пользоваться, но размахивали самым страшным образом — были опасны» [120, vol. IX, p. 465]. Посол согласился сохранить им жизнь, если они принесут фазанов. Через неделю в распоряжении Юма были две особи мужского пола, и это открытие, «вероятно, было венцом его орнитологической карьеры» [116, p. 35].

Однако в течение первой половины 1880-х гг. интерес Юма к изучению птиц ослабевал, и после 1884 г. он фактически не возвращался к прежнему хобби. Среди исследователей нет единой точки зрения относительно причин, приведших к этому. Моултон отмечает, что «Юм настолько погрузился в теософию, что перестал быть практикующим орнитологом, а когда эта увлеченность начала сходить на нет в 1883 г., его новой жизненной миссией стало продвижение индийского национализма и будущего Конгресса» [12, p. 304], однако это утверждение не совсем соответствует действительности, поскольку увлечение теософией не помешало ему собирать материалы для новой книги, «Птицы Британской Индийской империи» [116, p. 32]. Наиболее вероятно, что толчком к прекращению орнитологических исследований послужило ограбление музея в Ротни-Касле зимой 1882-1883 г., когда Юм был в отъезде. Индийский слуга, совершивший это преступление, продал на базаре как макулатуру многочисленные заметки Юма, содержавшие описания более семисот птиц [23, vol. I, p. iii]. «У меня не лежит сердце к повторному переписыванию, и орнитология более не имеет для меня былого интереса» [116, p. 32] — писал Юм в июле 1883 г. Серьезные повреждения его коллекция получила и в ходе проливных дождей в 1883-1884, хотя наиболее ценные экспонаты удалось сохранить. Тем не менее, он принимает решение передать коллекцию Британскому музею естествознания (в 1885 [121] и 1891 гг. [122]) Его коллекция, содержащая образцы не только птиц, но и многих млекопитающих, и

по сей день остается крупнейшим даром в истории музея), и в 1885 году порывает с орнитологией окончательно, уделяя некоторое внимание лишь переизданиям своих книг.

Хотя Юм и не перестал увлекаться естественными науками в целом (интерес к ботанике, например, он сохранит до конца жизни), на смену поискам научным уже шли поиски духовные, а на смену научным открытиям — выдающиеся политические свершения.

Глава VI

16 февраля 1879 года с корабля, бросившего якорь в бомбейском порту, на индийскую землю сошли основатели Теософского общества — Елена Петровна Блаватская и полковник Генри Стил Олкотт, сопровождаемые небольшой группой верных последователей. Для Блаватской это был не первый визит в Индию, но на этот раз ее пребывание здесь растянулось на шесть лет, в течение которых ее учение пустило глубокие корни, а Теософское общество, основанное в 1875 г., стало весьма влиятельной организацией, оказавшей заметное воздействие на формирование индийского национального движения и культурное возрождение страны¹.

Несмотря на многочисленные обвинения в шарлатанстве, преследовавшие ее на протяжении всей жизни, Блаватская вызвала восторг в англо-индийской среде. Оккультизм вообще был довольно популярен в викторианской Англии, и прибытие известного медиума в Индию немедленно стало причиной повышенного интереса к теософии. Одним из первых последователем теософского учения стал редактор ведущей англо-индийской газеты «The Pioneer» А. П. Синнетт. Вскоре после прибытия Блаватской в Индию Синнетт написал ей письмо, в котором сообщил о своем глубоком интересе к оккультным учениям и пригласил теософов посетить его в Аллахабаде. В декабре 1879 года, путешествуя по Северной Индии, Блаватская и Олкотт наносят ему визит [26, р. 30], и во время десятидневного пребывания в Аллахабаде знакомятся с Алланом Октавианом Юмом [125, р. xxix].

Юм, безусловно, слышал о теософском учении, но его зна-

1 Достаточно сказать, что в разное время влияние теософии испытывали Махатма Ганди, Мотилал и Джавахарлал Неру (см. [123, с. 23]); ученица Блаватской Анни Безант была президентом Индийского национального конгресса, а Генри Олкотт по сей день почитается в Шри-Ланке как человек, сыгравший ключевую роль в возрождении буддизма на Цейлоне (см. [124])

ния ограничивались сведениями, почерпнутыми из первых номеров журнала «The Theosophist», основанного лидерами общества по приезде в Индию. Прежде всего, в теософии его привлекла не мистическая сторона, а ее послание ко всему человечеству — «учреждение своего рода братства, в котором без различия расы, национальности, касты и вероисповедания все хорошие и искренние люди, все, кто любит науку, все, кто любит истину, все, кто любит своих собратьев, могут встретиться как братья и трудиться рука об руку во имя просвещения и прогресса»¹ [13, р. 127]. Эту задачу движения он называл «фундаментальной и благородной целью», благодаря которой он «должен сочувствовать теософам» [13, р. 127]. Он вскользь заметил, имея в виду оккультизм, что у общества есть и «другие цели», с которыми он отказался «полностью идентифицировать» себя, но, тем не менее, он искренне поддерживал стремление теософов объединить всех людей ради достижения благих целей. Таким образом, можно утверждать, что интерес Юма к теософии был подлинным, хоть и не лишенным оттенка либерального скептицизма [13, р. 127].

Кроме того, Юм испытывал необходимость в новой жизненной миссии. В 1879 году ему было уже пятьдесят лет, из которых тридцать он отдал службе. Понижение в должности, случившееся в том же году, было оскорблением для него, свое новое назначение он считал скучным и унижительным. Он не находил отдушины и в семейной жизни, тем более, что у супруги Юма, Мэри Энн, были серьезные проблемы с алкоголем. Нет ничего удивительного в том, что встретившись с Блаватской, Юм был очарован ее энергией, бурным воображением и живым умом [13, р. 128], особенно если учесть, что он и сам «не был лишен эксцентричности, которая иногда сопутствует гению» [126, р. 117].

Хотя его позиция относительно теософской доктрины разительно отличалась от взглядов Синнетта, готового погрузиться в самые глубины оккультного знания, горячая и ис-

1 Речь Юма на встрече в доме А. П. Синнетта 13 декабря 1879 г.

кренняя поддержка, которую нашло у Юма новое учение, обратила на себя внимание Блаватской и Олкотта.

Их знакомство продолжилось осенью 1880 года, когда после путешествия на Цейлон Блаватская приехала в Шимлу по приглашению Юма [127, р. 229]. Это время Блаватская посвятила демонстрации своих «сверхспособностей»¹, многократно описанных в теософской литературе. Одним из самых известных случаев такого рода является «эпизод с брошью», произошедший в Ротни-Касле 3 октября 1880 г. После ужина, во время беседы, Блаватская спросила у г-жи Юм, существует ли что-то, чего она особенно сильно желает; та ответила, что хотела бы найти потерянную брошь, подаренную ей матерью и оттого особо ценную для нее. Сконцентрировавшись, Блаватская указала, что брошь находится в одном из цветочных горшков в саду. Ее, действительно, мгновенно обнаружили [26, р. 240]. Это происшествие, конечно, вызвало подозрения в мошенничестве [128, р. 82-83; 129, р. 17], однако на всех присутствовавших произвело сильное впечатление. Во время очередной волны нападков на Блаватскую Юм всецело встал на ее сторону: «Общество раскололось на два лагеря, причем большинство осталось со мною. Все дамы, все придворные и великое множество военных — молодых агностиков — бросились на мою защиту, готовые стоять за меня насмерть, причем возглавил их сам г-н Хьюм» [127, с. 230].

Другим значительным событием этого времени становится переписка махатмы (одного из таинственных Учителей, или Братьев, Блаватской) Кут Хуми с Синнеттом и Юмом. Инициатива принадлежала Синнетту, который однажды передал письмо махатмам через Блаватскую без особой надежды на успех, однако неожиданно получил ответ. Вдохновленный его успехом, 17 октября 1880 г. Юм также пишет

1 Автор не ставит перед собой задачу определить, были ли демонстрируемые Блаватской «чудеса» подлинными или являлись мистификацией. Несомненно то, что на окружающих ее людей, включая и Юма, они производили весьма сильное впечатление.

письмо Братьям¹. В этом письме он выражает готовность стать учеником и посвятить всю свою жизнь делу теософии, однако вместе с тем задается вопросом, почему махатмы не оставили ни единого знака в истории человечества и какую пользу несут людям оккультные науки [13, р. 131]. Вскоре он получил ответ. Кут Хуми выражал благодарность Юму «от имени всей той части нашего братства, которая особо заинтересована в благоденствии Индии, за предложение помочь, в важности и искренности которого никто не сомневается» [130, с. 18], однако вместо того, чтобы сосредоточиться на этом действительно важном для Юма предложении [13, р. 131], он перешел к вопросу о создании отдельного «Англо-Индийского филиала» Теософского общества — идее Блаватской, не имевшей интереса для Юма. Кут Хуми также заверял его, что махатмы не «полубоги», а «обычные люди, только, может быть, немного более мудрые вследствие особого изучения» [130, с. 22]. Наконец, на вопрос о пользе оккультных наук махатма ответил, что индийцы открыто приступают к изучению науки и философии своих предков, если увидят, что англичане, а тем более, чиновники, начнут проявлять к ним интерес, и таким образом, будет искоренено «величайшее зло», которое «душит и задерживает возрождение индийской цивилизации». Пока же индийцы считают англичан слишком предубежденными, поскольку те не хотят понять древние учения из-за приверженности христианскому вероучению и современной науке. Что касается последней, Кут Хуми уверял Юма, что образование «часто бывает проклятием», искоряющим духовность, тогда как — при правильном понимании учений предков — оно могло бы стать «благословением» [130, с. 22].

В отличие от восторженного Синнетта, Юм критически отнесся к ответному письму махатмы. Он упрекал Кут Хуми в том, что тот не до конца понял позицию Юма и проигнорировал некоторые «важные моменты» его письма. Кроме

1 Текст письма не сохранился, однако его содержание в целом известно из воспоминаний Синнетта и ответа махатмы Кут Хуми

того, Юм настаивал на том, что одна встреча была бы предпочтительней, нежели любое количество писем — он подчеркивал свое стремление верить в махатм, однако требовал доказательств, полностью осознавая, что такая вера будет рассматриваться «большинством западных умов» как «полный идиотизм» [13, p. 132].

Юма также возмутило пренебрежительное отношение махатмы к его орнитологической работе и открытая враждебность по отношению к современной науке вообще, связь которой с «нравственной природой» и «филантропией» Кут Хуми не сумел понять. Наука, по мнению Юма, учит «любви к истине ради самой истины», служит комфорту и облегчению страданий человечества и является лучшим приложением к духовной культуре, тесно связанным с ней. Желание же махатм возродить «древнюю индийскую цивилизацию» и вовсе ставит под сомнение их мудрость, поскольку любая цивилизация является продуктом определенной среды и эпохи. Юм утверждал, что в современную ему эпоху интеллектуальную культуру наилучшим образом будет формировать изучение западной литературы и науки, тогда как махатмы «задушили» духовную культуру «традиционными правилами и нормами поведения» [13, p. 134].

Наконец, он поведал Кут Хуми о своих сомнениях в отношении Блаватской и Олкотта, о прошлом которых ему не было ничего известно, и которые не обладали «интеллектуальными способностями, достаточными для того, чтобы заставить меня безоговорочно чувствовать, что они не ошибаются», а «феномены», которые Юм не мог объяснить «естественными законами», вполне могли быть «только трюками» [13, p. 135].

Неудивительно, что за критическим письмом Юма последовала долгая тишина. Моултон в связи с этим отмечает: «Если считать, как и положено любому светскому рационалисту, что Блаватская и ее Махатмы были одним и тем же лицом, то это было письмо, с которым сложно иметь дело» [13, p. 135]. Однако в письмах Синнетту Кут Хуми беспощадно критикует Юма. «Его письмо, которое вы вскоре будете

читать, есть, как я сказал ему самому, «монумент гордости и неосознанного эгоизма». Он слишком справедлив и высок, чтобы быть повинным в мелком тщеславии, но его гордость восстает, как гордость мифического Люцифера, и вы мне можете поверить, если я сколько-нибудь обладаю знанием человеческой природы, говоря, что это и есть истинный Хьюм *au naturel*... Мистер Хьюм очень способный человек и – Хьюм до мозга костей. Вы поймете, такое состояние ума мало привлекательно для любого из нас, кто хотел бы прийти ему на помощь...» [130, с. 24-25]

Это были только первые из множества критических стрел, выпущенных окружением Блаватской в адрес Юма. Американский исследователь современного эзотеризма К. Пол Джонсон указывает, что среди более чем двухсот упоминаний Юма в «Письмах Махатм» лишь несколько носят нейтральный характер, а в положительном ключе он не упоминается вовсе [131, р. 234-235] – совершенно необъяснимая враждебность¹, особенно если учесть, что Юм до конца своих дней верил в гуманистическое послание теософии. Стоит, впрочем, сказать, что Кут Хуми предпринял попытку ответить на критику не только обвинениями в эгоизме — например, он писал Синнетту (отвечая на вопрос Юма о практической пользе, которую могут принести людям махатмы), что в случае нападения России на Тибет *адепты* смогут защитить его [13, р. 135-136].

Однако это только усилило возражения Юма. В частности, он писал: «...Мне действительно кажется, что та непроницаемая завеса секретности, которою вы окружили себя, эти огромные трудности, которыми вы обставляете приобретение у вас духовных познаний, – являются главной причиною оголтелого материализма, который вы так порицаете... Если... доктрина слепого повиновения является существенной частью в вашей системе, то я весьма сомневаюсь, может ли это одарить человечество каким-нибудь духовным светом,

1 Не отставал от Кут Хуми и другой махатма, Мория, однажды назвавший Юма «злым гением Общества» - см. [132, р. 116]

чтобы компенсировать ему потерю личной свободы действия и того чувства индивидуальной ответственности, которого она (доктрина слепого повиновения) его лишает» [130, с. 27-28]. Что же до захвата Тибета Россией, Юм возражал: «Вы сказали, что если России не удастся захватить Тибет, то это произойдет из-за вас и, по крайней мере, вы заслужите нашу благодарность; я не согласен с этим в том смысле, в каком вы подразумеваете. Если бы я думал, что Россия, в целом, управляла бы Тибетом и Индией так, что их обитатели станут счастливее, чем при ныне существующем правительстве, я бы сам приветствовал ее и трудился бы, чтобы этот приход состоялся. Но насколько я могу судить, русское правительство представляет собою развращенный деспотизм, враждебный индивидуальной свободе деятельности и поэтому враждебный также истинному прогрессу...» [130, с. 26-27]

В ответ Кут Хуми прекратил переписку с Юмом, обвинив его в желании взбудоражить «чистосердечных и простых» жителей Тибета, распространив на них его собственные идеалы «цивилизации», и едко заметил, что Юма «следовало бы послать от какого-нибудь международного филантропического комитета в качестве друга гибнущего человечества, чтобы он учил наших далай-лам мудрости» [130, с. 29].

Юм не потерял интереса к теософии после этого инцидента, тем более, что его дочь и ее муж по-прежнему были вовлечены в движение. В июле 1881 г. Кут Хуми писал Синнетту, что «Мистер Хьюм, который однажды обещал стать первоклассным борцом в битве Света против Тьмы, теперь сохраняет своего рода вооруженный нейтралитет, на который странно взирать» [130, с. 44]. Вероятно, он по-прежнему не оставлял надежды сделать теософию делом всей жизни. Более того, в конце июля в Шимлу в качестве гостя приехала Блаватская, и чуть позже — Синнетт, остававшиеся в доме Юма до конца октября. Этот период был посвящен решению разного рода организационных вопросов. Так, все-таки была создана Англо-Индийская ветвь общества [133] — Эклектическое теософское общество Шимлы — которое возглавил Юм, привлекая в движение «около пятидесяти светских

львов и львиц» [127, с. 230]. Для многих стало большой неожиданностью, что главой отделения Общества в Шимле стал именно он, а не Синнетт¹. Возможно, это объясняется тем, что Юм собирался уйти в отставку, а потому мог уделять больше времени Теософскому обществу, нежели Синнетт. Кроме того, он заверил Блаватскую, что в течение года будет «честно и справедливо» делать для Общества все, что в его силах, однако покинет его по истечении этого срока, если почувствует, что теософия «не является истиной» для него [13, р. 139-140].

Действительно, конец 1881-1882 гг. характеризуется пиком интереса Юма к теософии. Он окончательно стал вегетарианцем и перестал употреблять алкоголь, запретил убивать птиц для своей коллекции [126, р. 117] и принялся за внимательное изучение трудов Блаватской, священных текстов буддизма и индуизма, сочинений по мистицизму и т. п. В то же время он публикует собственные работы по теософии, как в «The Theosophist», так и отдельными изданиями. В сентябре 1881 г. в журнале появляется его первая статья [134] — рецензия на «Буддийский катехизис» Олкотта. Проявляя живой интерес к буддизму, Юм, тем не менее, упрекает Олкотта за излишнюю агрессивность по отношению к христианским миссионерам на Цейлоне и приходит к выводу, что буддийское учение не слишком отличается от христианства, поскольку обе религии призывают к «чистой и бескорыстной жизни», и этические доктрины их могут быть сведены к заповеди «возлюби ближнего своего»; те же, кто следует заповедям Шакьямуни, «точно так же войдут в царство [Божье]», как и те, кто следует за Христом [134, р. 271]. Таким образом, отдавая должное религиозным учениям Индии, он не только не отказывается от христианства, но всячески защищает его от нападок особо рьяных теософов. Например, в июне 1882 года он пишет ответ на статью в «The Theosophist», обрушившуюся на христианского миссионера, путешествовавшего по

1 Синнетт стал вице-президентом, а секретарем был избран Росс Скотт, в декабре 1881 г. ставший мужем дочери А. О. Юма

Индии и критиковавшего теософию и спиритуализм: «Неужели мы, принесшие в жертву демонов гордыни и самости на Алтарь Истины и Любви, ...должны стремиться разорвать каждый несчастный рудимент, который, будучи не в состоянии понять наши взгляды и стремления, искажает их и поносит нас? Этому ли теософия учит нас?»¹ [135, р. 223].

Первой серьезной теософской публикацией Юма была серия из трех эссе «Фрагменты оккультной истины», выходявших в «The Theosophist» с октября 1881 г. по сентябрь 1882 г. [136, 137, 138] Эти очерки демонстрируют нам, как он пытается понять теософское учение (в интерпретации Блаватской и адептов). «Фрагменты» представляют собой ответ на критику австралийского медиума У. Терри, считавшего, что оккультисты не понимают феноменов спиритизма [13, р. 140]. Эти очерки целиком посвящены разъяснению доктринальных разногласий; впрочем, Юм, верный своему обещанию делать для Общества все возможное, находит место и для пропаганды учения: «...Вовсе не через медиумов... может быть достигнута... великая истина, но тем суровым и строгим путем учения, самодисциплины и самоочищения, которому учат в храме оккультизма, самым прямым путем к которому в настоящее время является теософия» [136, р. 21-22]. Юм писал «Фрагменты» с убежденностью верующего, но в частных беседах сомневался в силе некоторых своих аргументов [13, р. 141]. Например, в третьем очерке он невольно касается вопросов, ответы на которые ищет сам: «Но каким образом я узнаю», – может спросить спиритуалист, – «что эти ваши Учителя действительно находятся за сценой? Так говорите вы. Но каковы тому доказательства?» Прежде всего, это факт, и любой человек может на собственном опыте убедиться, что все без исключения в течение жизни получают подтверждения присутствия Учителей, и таким образом, отпадает необходимость в наших доказательствах и

1 Заметка «Дружеское наказание» была опубликована Юмом под псевдонимом Алетейя.

свидетельствах других людей» [138, р. 307].

Этот вопрос вновь поднимается в самой основательной работе Юма по теософии, «Советах по эзотерической теософии» [16, 17]. Книга была написана в ответ на два письма, которые он получил от людей, критиковавших некоторые аспекты учения, основателей Общества и их стиль управления организацией. Первое из писем утверждало, что Теософское общество было «заблуждением», и не существует даже «тени доказательства существования Братьев», переписка с которыми была результатом «гипнотических, ясно-видящих и медиумических способностей мадам Блаватской» [16, р. 17].

Юм попытался ответить на эти вопросы, однако признал, что в системе теософских убеждений и практик существуют определенные проблемы. Он согласился с тем, что Общество достигло много меньшего, чем могло, но добилось некоторого успеха в объединении «мириадов классов, каст, сект и рас» Индии [16, р. 18], и к движению присоединились самые образованные пандиты, знатоки санскрита и пали (Общество ставило одной из своих целей изучение древних языков, и страницы «The Theosophist» пестрели санскритскими цитатами). Что касается реальности Братьев, то Юм признавал, что у него нет «абсолютно убедительных доказательств» [16, р. 41] их существования, однако причиной он называет то, что, помимо полковника Олкотта, ни один из европейцев в Индии не стал их учеником, тогда как многие последователи учения из числа коренных жителей неоднократно свидетельствовали о своих встречах с «одним или другим из Братьев» [16, р. 41-42]. Другим фактором в пользу гипотезы реальности Учителей Юм называл «ряд явлений, некоторые из которых находятся за пределами достоверных спиритических опытов» [16, р. 41-42]. Кроме того, он исходил из убеждения, что махатмы сохраняли секретность в силу того, что человечество, глубоко взволнованное тайной смерти и возможного загробного мира, не было готово мирно принять известие о существовании махатм [13, р. 144].

Критика в адрес руководства Общества, по мнению Юма, во многом была несправедлива, и особенно в отношении полковника Олкотта, который после приезда в Индию жил «более чистой, лучшей жизнью» [16, р. 52]. Упреки в адрес Блаватской не были беспочвенны, но Юм защищал и ее, хотя и довольно своеобразно. Например, он утверждал, что, хотя Блаватская порой бывала «как и большинство других женщин... раздражительной и капризной» [16, р. 64-65], однако для нее не была характерна злоба или мстительность, а ее горячность была вызвана тем, что она долгие годы страдала от вульгарной клеветы. Она, действительно, порой делала «неточные, если не абсолютно ошибочные, заявления» [16, р. 64-65], но Юм настаивал на том, что и махатмы не были свободны от серьезных ошибок – Кут Хуми, в частности, был нетерпим к любой оппозиции, ненавидел и презирал европейцев [16, р. 63]. «Камнем преткновения» для развития теософского движения были, согласно Юму, именно недостатки Блаватской и ее Учителей [16, р. 65].

Вторая часть «Советов» была ответом на критику со стороны последователей известного мистика Сведенборга. Здесь Юм еще больше, чем во «Фрагментах оккультной истины», берет на себя роль верующего теософа, который пытается догматическими, по сути, доводами убедить критика в недостаточности спиритуализма Сведенборга и веры в личного Бога христиан [17, р. 28-29]. Он повествует о том, что теософия одна, посредством своего возвращения к вечным истинам, из которых выросли все религии, могла бы спасти людей и сохранить порядок в мире, которому угрожает материализм; угроза столь серьезна, что даже *адепты* решили поделиться частью своих знаний с людьми [17, р. 21]. Наконец, теософия могла бы восстановить «старую божественную идею всеобщего братства» и стать религией будущего самостоятельно или на основе какого-либо из существующих верований [17, р. 23].

На самом деле, Юм был гораздо менее уверен в истинности теософии, чем об этом писал. «Хотя я могу убедить других, я почти разубедился сам» — писал он Блаватской в

январе 1882 г. [13, р. 148] Кроме того, он выразил сожаление по поводу «бесмысленности высших существ», которые прислали Блаватскую «боротся с миром вооруженной лишь частью» способностей и окруженной «сетью... противоречивых и компрометирующих фактов», поскольку это бросало тень на всех теософов [13, р. 149].

Испытывая опасения за судьбу движения, в котором назревал раскол, и потребность разрешить собственные сомнения, весной 1882 г. Юм предлагает организовать экспедицию в Тибет, чтобы лично познакомиться с махатмами. Неудивительно, что у последних эта идея не вызвала одобрения: «Если вам безразличны наши будущие отношения, то лучше постарайтесь повлиять на вашего друга и коллегу мистера Хьюма, чтобы он отказался от своей безумной идеи отправиться в Тибет. Неужели он действительно думает, что если мы разрешим, то он... будет в состоянии отыскать нас или же принести обратно известие, что мы, в конце концов, оказались «лунным светом», как он это называет. Сумасшедший тот человек, кто думает, что даже Британское правительство достаточно сильно, богато и могущественно, чтобы помочь ему в осуществлении его безумного плана!» [130, с. 117] – писал Кут Хуми Синнетту. Тому удалось уговорить Юма отказаться от этой затеи, но тем самым его сомнения еще более усилились. Негативное влияние на него оказал и разрыв отношений с Обществом (в мае 1882 г.) его дочери и Росса Скотта, который также подозревал Блаватскую в мошенничестве [13, р. 152].

Впрочем, Учителя не желали окончательного разрыва с Юмом и старались его предотвратить. Летом Кут Хуми возобновляет переписку с ним, признает его искреннее желание служить Обществу и человечеству, заверяет его в том, что никто лучше Юма не способен разогнать «туман суеверий», однако по-прежнему отказывается раскрыть ему всю правду о таинственной организации Братъев. Это письмо погрузило Юма в мучительный процесс переоценки ценностей [13, р. 153]. Свое смятение он выразил в двух письмах Блаватской в июле 1882 г. Суть их сводится к тому, что только желание

творить добро удержало его от полного разрыва с махатмами и попытки проникнуть в Тибет, однако то, что они передают свое учение не целиком, а в обрывочной, искаженной форме, а отсутствие всей полноты знаний лишает его убежденности в их истинности. Он высказывает мнение, что любое продвижение блокируется нежеланием *адептов* идти на контакт, и в унынии приходит к выводу, что если из теософии ничего не выйдет, то его жизнь будет разрушена и пройдет впустую, поскольку он «бросил все» ради учения [13, р. 154].

Тоску Юма несложно понять, если учитывать, что его карьера государственного служащего также потерпела крах. Однако его сомнения все же взяли верх; в августе-сентябре он пишет ответ на критику председателем Теософского общества в Англии Ч. К. Мэсси книги Блаватской «Изида разоблаченная», но теперь он не защищает ее, а напротив, обрушивается с еще более жестокой критикой [139]. От обвинений в том, что книга содержит ошибочные концепции, он переходит к атаке на махатм, публично высказывая все те претензии, о которых он неоднократно писал и Кут Хуми, и Блаватской. «Совершенно ясно, что Братья... считают, будто они абсолютно правы во всем, что они делают и говорят; в равной степени ясно, что ни один образованный европеец не будет полностью согласен с ними» – делает вывод Юм [139, р. 325]. Это письмо привело к «Протесту» со стороны учеников Блаватской и махатм, напечатанном в том же номере. Помимо прочего, они возмущенно заявили, что «ни один человек, предложивший себя в качестве ученика, не имеет никакого права открыто критиковать и поносить Учителей на основе непроверенных гипотез» [139, р. 326], а потому было совершенно очевидно, что раскол в Обществе неизбежен.

Это письмо, равно как и серия частных посланий, адресованных Блаватской, вызвало бурю в высших эшелонах Общества, и в начале октября 1882 г. Юм ушел с поста председателя Теософского общества в Шимле, вызвав бурную радость Кут Хуми («Смещение и отречение нашего великого «Я есмь» (Хьюма) является одним из наиболее приятных событий в этом сезоне для вашего покорнейшего слуги») [130,

с. 225]. Справедливости ради стоит отметить, что не все разделяли радость махатмы — Синнетт глубоко сожалел по поводу ухода Юма из Общества [140, р. 245]. Однако радуясь на словах, члены Общества на деле опасались острого пера Юма, которого теперь не связывали никакие обязательства перед теософами. Тем не менее, он счел этот конфликт делом узкого круга людей и не выдвигал никаких публичных обвинений, поскольку по-прежнему оставался приверженцем гуманитарных идей движения.

В скором времени в Теософском обществе возникли проблемы, которых задолго до этого опасался Юм. В мае 1884 года в Адьяре, где тогда располагалась штаб-квартира Общества, разразился скандал — помощники и доверенные лица Блаватской, Эмма и Алексис Куломб, выступили с разоблачением «окультиных феноменов», которые они якобы помогали ей организовывать [129, р. 16]. Они были изгнаны из Общества, однако Эмма Куломб передала письма, содержащие подробный рассказ о том, как она помогала Блаватской в мошенничестве, издателю мадрасского журнала «Christian College Magazine» преподобному Джорджу Паттерсону, и эти документы были преданы широкой огласке. Несмотря на полный разрыв с Блаватской, Юм публично высказал мнение, что она слишком умна для того, чтобы попасть в руки простым помощникам, таким, как Куломбы [141], однако, по мере появления новой информации, он изменил свое мнение, и потому согласился принять участие в расследовании «окультиных феноменов», организованном кембриджским Обществом психических исследований.

Для расследования эта организация направила в Индию молодого ученого Р. Ходжсона. В феврале и марте Юм провел вместе с ним много времени, изучая обстоятельства дела. В конечном счете, Ходжсон безоговорочно пришел к выводу, что феномены, демонстрировавшиеся Блаватской, были трюком [129, р. 16], и она же была создателем корреспонденции от махатм. Мнение Юма не было столь однозначным. Он считал, что несмотря на все махинации, за Блаватской все-таки стояли сильные оккультисты, и потому многие из «чу-

дес» были подлинными, и даже махатмы были реально существующими людьми, пусть и не столь могущественными, какими хотели показать себя в переписке [13, р. 165].

Таким образом, у Юма появился шанс реорганизовать Теософское общество в соответствии с собственными представлениями о теософской миссии. В марте 1885 г. он предложил отстранить основателей и некоторых видных теософов от участия в деятельности Общества. Блаватская с возмущением писала Синнетту: «Хьюм ставил на голосование мою отставку. Они... голосовали, чтобы больше не было феноменов и чтобы о Махатмах никогда не говорилось» [130, с. 366]. Однако он столкнулся с сопротивлением брахманов во главе с Субба Рао и не сумел убедить их в необходимости кардинальных перемен. Общество пошло только на отставку Блаватской с поста секретаря-корреспондента, и она немедленно покинула Индию. Интересно, что Субба Рао, выступивший против реформирования движения, через год разочаровался в нем и покинул ряды теософов.

Итак, в марте 1885 года Юм порвал с теософией навсегда, однако не отказался от духовных поисков, продолжая изучать индийские религии. Несколькими годами ранее он даже вступил в ассоциацию адвайтистов, где работал под руководством «посвященных» [13, р. 166]. Теософия, несмотря на все скандалы, связанные с ней, не дала ему возможности посвятить жизнь религиозному движению, но позволила понять основы верований местного населения и обратиться к самосовершенствованию. В конечном счете, он нашел другую жизненную миссию — продвижение индийской национальной политики, и нужно заметить, что в этом деле члены Теософского общества сыграли далеко не последнюю роль [142, р. 112].

Глава VII

К тому моменту, когда А. О. Юм решил посвятить себя индийской национальной политике, долгий процесс социокультурной модернизации Индии, результатом которой, среди прочего, стало формирование национального движения и современных политических организаций, продолжался в стране в течение нескольких десятилетий.

Традиционно первым этапом этого пути считается Бенгальское Возрождение, главным творцом которого стал просветитель и реформатор Раммохан Рой¹ (1772-1833), основатель религиозного общества «Брахмо Самадж», ставившего своей целью очищение индуизма от многочисленных пережитков и суеверий, идолопоклонства. Раммохан Рой считал необходимым переустройство индийского общества по западному образцу и одним из первых индийцев посетил Великобританию. Ш. Мехротра сравнивал его с Лютером [8, р. 2], а его деятельность вызвала к жизни множество организаций неоиндуистского толка. После смерти Роя «Брахмо Самадж» возглавил Дварканатх Тагор (1794-1846), с именем которого связано создание в 1837 г. первой общественно-политической организации Индии — Общества землевладельцев, объединившего в своих рядах как реформаторов-самаджистов, так и членов «Дхарма Сабхи», созданной в противовес «Брахмо Самаджу» и состоявшей из ортодоксальных индуистов². Общество землевладельцев претендовало на роль национальной организации, представлявшей интересы *заминдаров* и *райятов*, но провозгласившей основной задачей «в высшей мере необходимое объединение народа» [45, с. 264]. Бывшее довольно активным в конце 1830-х гг., в начале следующего десятилетия оно фактически пре-

1 Подробнее о деятельности Раммохана Роя см.: [143]

2 «Дхарма Сабха» стала также первой индийской организацией, ведущую роль в которой играли англичане. Фактически она существовала на средства британцев и управлялась ими. См.: [8, р. 4]

кратило свою деятельность после отъезда Д. Тагора в Англию в 1842 г., а попытки сделать общество более популярным в народе после его возвращения не привели к успеху [8, р. 13]. Несмотря на то, что Обществу не удалось добиться ничего существенного за короткий период своего существования, оно, по словам Раджендралала Митры, «дало народу первый урок искусства конституционной борьбы за свои права, научило людей мужественно отстаивать свои требования и выражать свое мнение» [8, р. 14].

Характерно, что в создании и деятельности многих общественно-политических организаций, имеющих отношение к Индии, практически с самого начала принимали участие и англичане — не чиновники, но энтузиасты. В конце 1830-х-1840-х гг. возникают такие организации, как Британское общество защиты аборигенов и Общество Британской Индии, выступавшие против политики Ост-Индской компании на субконтиненте [8, р. 15-17]; в 1851 году возникает объединенная Ассоциация Британской Индии в Калькутте, бывшая уже вполне сложившейся организацией, отстаивавшей индийские интересы [45, с. 265]. Безусловно, англичане сыграли свою роль в этом процессе и распространением образования по западному образцу [144, р. 128-132; 145, с. 370-371], результатом чего стало не только создание национальных учебных заведений, выпускавших в свет прогрессивно мыслящих молодых индийцев — проникновение в Индию английского образования привело к тому, что индийцы стали уезжать учиться в метрополию и возвращались на родину вооруженными самыми современными представлениями о мире. Как итог, в Индии начала формироваться прослойка европейски образованных и политически активных людей, для которых образование стало шансом сделать карьеру в колониальной администрации [146, р. 11]. Таким образом, они не стремились избавиться от колониального гнета, однако считали, что Великобритания, на правах метрополии, должна заботиться об индийцах.

С развитием образования тесно связано и развитие национальной прессы. Периодическая печать на национальных

языках впервые появилась в Бенгалии в первой четверти XIX века¹ [145, с. 371], и стала активно развиваться после народного восстания 1857 г. на фоне резкого обострения отношений между британцами и индийцами, которое привело к тому, что пресса стала приобретать националистическую окраску [147, р. xx]. «Пресса в Индии в семидесятых годах прошлого столетия не была столь громогласной или сильной, как сегодня; но даже тогда она была важным инструментом пропаганды» [29, р. 63] — вспоминал позже один из видных националистов Сурендранат Банерджи. Выдающийся индийский писатель-патриот Бехрамджи Малабари называл журналистику «святой миссией», а себя — «переводчиком между ними [англичанами] и моими соотечественниками» [148, р. 21]. Неудивительно, что открытие первой сессии ИНК освещали ведущие индийские журналисты, такие как М. Ранаде, Набендра Сен, Б. Малабари, В. Ш. Апте и другие [147, р. xxi].

Помимо Бенгалии, значимым центром общественно-политической жизни страны становится Бомбейское президентство, где путь от религиозно-реформаторских обществ до организаций, отстаивающих политические и экономические интересы туземного населения, был пройден быстрее, поскольку в Бомбее значительно быстрее формировалась буржуазия [45, р. 266]. Наиболее ярким представителем бомбейских националистов являлся Дадабхай Наороджи (1825-1917) — «Великий старец Индии»², который в 1840-х гг. был руководителем общества «Молодой Бомбей», студенческой культурно-просветительской организации. Выдающиеся способности Наороджи позволили ему по окончании университета стать первым в стране профессором-индийцем, а впоследствии — крупным исследователем-экономистом. В 1852 г. он принял участие в создании Бомбейской ассоциа-

1 Одним из пионеров бенгальской журналистики является и Раммохан Рой, начавший в 1821 г. издание еженедельника «Шомбад Коумуди» — см. [143, с. 121]

2 Подробнее о жизни и деятельности Дадабхай Наороджи см. [149]

ции, политическое кредо которой состояло в том, что британское владычество является благом для страны, несмотря на нанесенные ей «обиды», а индийцы должны помогать британцам исправлять то, что считали неправильным. Ассоциация ставила целью объединение людей для того, чтобы единый голос нации мог быть услышан властями. «Какими ограниченными были наши политические идеи и устремления того времени...» — восклицал Наороджи спустя полвека [149, p. 54].

Восстание 1857 года поставило Радж перед необходимостью предоставить индийцам право самим управлять своей страной. Однако предпринимавшиеся реформы системы управления были слишком недостаточными, и требование расширения полномочий коренного населения в сфере законодательной и исполнительной власти постепенно становится основным политическим лозунгом националистических организаций [45, с. 430-431]. Одной из задач националистов, таким образом, стало преобразование обществ землевладельцев, таких, как Ассоциация Британской Индии, практически не занимавшихся политической пропагандой, в организации, отражающие интересы «образованного среднего класса» [29, p. 37]. В Бенгалии таковой становится Индийская Ассоциация, основанная в середине 1876 г. Сурендранатом Банерджи и Анандой Моханом Босом. Она, по замыслу создателей, должна была стать «центром всеиндийского движения» [29, p. 38]. Банерджи сформулировал и основные цели Ассоциации, которых в будущем станет добиваться и Индийский национальный конгресс: «1) создание сильной организации для выражения общественного мнения в стране; 2) объединение индийских рас и народов на базе общих политических интересов и стремлений; 3) поощрение дружеских чувств между индусами и мусульманами; и, наконец, вовлечение масс в ... общественное движение» [29, p. 39].

Среди бомбейских националистов признанным лидером оставался Дадабхай Наороджи, находившийся в то время в Лондоне. В 1866 году он возглавил Ост-Индскую ассоциацию, представлявшую собой, подобно бенгальским органи-

зациям, умеренное крыло в националистическом движении [45, с. 433]. Особое внимание ассоциация уделяла экономическим проблемам Индии. Основной работой Наороджи на эту тему стала книга «Нищета и небританское правление в Индии», первое издание которой вышло в свет в 1879 г. В самом Бомбее ведущей организацией была Ассоциация Бомбейского президентства, из рядов которой впоследствии вышли многие видные деятели ИНК — Д. Э. Вача, Бадруддин Тьябджи и другие.

Бенгальские и бомбейские умеренные националисты, как мы уже отмечали, не шли дальше критики отдельных сторон колониального владычества, и в равной степени выступали против тех, кто считал необходимым искоренение иноземного гнета. Радикальное националистическое крыло стало формироваться сравнительно поздно — Бал Гангадхар Тилак, бывший лидером «экстремистов» Конгресса на протяжении многих лет, начал активную деятельность в конце 1870-х гг.

Таким образом, к началу восьмидесятых годов XIX века в Индии сформировался ряд крупных региональных организаций, готовых вступить в новую фазу развития. Победа либералов на парламентских выборах весной 1880 года дала индийским националистам новую надежду, и была встречена в кругах образованных индийцев с большой радостью и энтузиазмом [8, р. 296]. Действительно, политика нового вице-короля, лорда Рипона, разделявшего антиимпериалистические воззрения премьер-министра Гладстона на британское владычество в Индии, отличалась гораздо большей мягкостью по отношению к индийцам, нежели политика лорда Литтона. В частности, он отменил Акт о прессе на местных языках, строго ограничивающий периодическую печать в стране, уделял внимание образованию и ввел законодательство о труде на индийских фабриках. Однако наибольшую популярность он завоевал благодаря своей позиции в связи с биллем Илберта 1883 г. [145, с. 392], обсуждение которого окончательно засвидетельствовало растущее единство прогрессивных индийских кругов.

Патриотический порыв индийского народа в первой половине 1880-х гг. хронологически совпал со временем, когда Юм окончательно отошел от теософии, выполнив взятые на себя обязательства перед Теософским обществом. Непростое расставание сильно ударило по нему, и он отчаянно искал новую цель, которой можно было посвятить всю жизнь. Конечно, увлечение Юма индийским национальным движением возникло не случайно и не в один миг, однако теософия, равно как и отход от нее, весьма повлияла на его решение включиться в борьбу индийцев за свои права. Благодаря Теософскому обществу Юм вступил в тесный контакт с видными индийскими общественными деятелями, такими, как С. К. Гхош, Н. Сен, К. Н. Теланг и другими [11, р. 7-8]. Именно с подачи Сисира Кумара Гхоша он в ноябре 1882 года написал письмо непосредственно лорду Рипону, предлагая тому добровольную помощь «в деле, за которое выступал всю жизнь». Тон письма свидетельствовал об искреннем желании оказать услугу Индии, и лорд Рипон приветствовал его поддержку. В дальнейшем он неоднократно прибегал к консультациям Юма вплоть до прекращения вице-королевских полномочий в 1884 г. [11, р. 8]

Если сначала инициативы Юма ограничивались пропагандой местного самоуправления, то ситуация вокруг законопроекта Илберта 1883 г. побудила его к попыткам создания национальной политической организации. Суть этого билля заключалась в том, чтобы предоставить магистратам и судьям индийского происхождения право судить английских подданных в Индии, т. е. исключить расовую дискриминацию в судопроизводстве [145, с. 392]. В ответ поднялась волна негодования со стороны англо-индийцев. Правительство стояло перед сложным выбором — лорд Рипон становился непопулярным среди европейцев, однако на него давили и сочувствовавшие индийцам англичане, и собственно индийские патриоты.

Включился в дискуссию и Аллан Октавиан Юм. Законо-

проект вполне соответствовал его представлениям об истинной миссии британцев в Индии, и он безусловно встал на его защиту. Сомнения правительства тревожили его, и в начале марта Юм писал лорду Рипону: «Правительство похоже на огромную жестокую неумелую машину... даже рулевой не в состоянии определять курс, и вынужден просто работать в одной колее — на рельсах, где невозможно двигаться влево или вправо» [150, р. 101-102]. Однако вице-король отступил; замечательный русский востоковед И. П. Минаев отозвался об этом следующим образом: «Маркиз Рипон в годы своего правления не привел в исполнение, не довел до конца ни одной из задуманных им реформ. Даже знаменитый Ильбертовский билль прошел в искаженном и кастрированном виде и несколько не удовлетворил туземных вожakov: тем не менее бывший вице-король пользуется громадной популярностью среди туземного населения и его вожаки очень хорошо понимают, в чем великая заслуга маркиза Рипона. Он дал толчок, говорят они, и последовало движение, никакими силами неудержимое...» [151, с. 120] Действительно, С. Банерджи писал, что споры по поводу билля Илберта помогли усилить растущее чувство единства индийского народа [29, р. 79], а газета «Ананда Базар Патрика» благодарила британцев, живущих в Индии, за то, что они за один короткий год научили своих индийских собратьев чувствовать себя непобедимыми [150, р. 102].

1 марта 1883 г., через день после того, как европейцы провели в Калькутте масштабную акцию протеста, яростно обличая билль Илберта и либеральную администрацию лорда Рипона, Юм обратился с посланием к выпускникам университета Калькутты. «Составляя большую организацию наиболее образованных индийцев, вы должны, в естественном порядке вещей, представлять собой также важнейший источник всего умственного, морального, социального и политического прогресса в Индии. Будь то человек или нация, всякий жизненный прогресс должен происходить изнутри, и у вас, ее наиболее культурных и просвещенных умов, ее самых любимых сыновей, страна должна искать инициативы.

Напрасно могут чужестранцы, как я, любить Индию и ее детей так же, как и самые любящие из них; напрасно могут они, ради ее и их блага, дарить время и беспокоиться, давать деньги и мысли; они могут помочь советами и предложениями, они могут передать свой опыт, знания и умения в распоряжение рабочих, но им не хватает неотъемлемого — национальности, и реальная работа всегда должна быть сделана самим народом этой страны» [5, р. 43-44] — писал он в этом вдохновенном послании. Понимая, что отдельные личности, сколь бы способны они ни были, не смогут ничего достичь в одиночку, Юм призывал индийцев создать союз единомышленников ради возрождения страны: «Если удастся найти только пятьдесят человек, хороших и верных, которые станут учредителями, его можно основать, и дальнейшее развитие пойдет сравнительно легко» [5, р. 44]. Завершалось это замечательное послание следующими словами: «Вы — соль земли. И если среди вас, элиты, не найдется пятидесяти человек с достаточной силой самопожертвования, достаточной любовью и гордостью за свою страну, достаточной искренностью и бескорыстным патриотизмом, чтобы взять на себя инициативу, и, если будет необходимо, посвятить остаток жизни Делу — тогда нет никакой надежды для Индии. Ее сыновья должны и будут оставаться просто покорными и беспомощными инструментами в руках иностранных правителей... Правители и надсмотрщики будут продолжать, и никогда иго не будет давить на ваши плечи так мучительно, если вы осознаете и начнете действовать в соответствии с вечной истиной, что — будь то в случае человека или нации — только самопожертвование и бескорыстие являются неизменными проводниками к свободе и счастью» [5, р. 44-45].

Эта речь произвела большое впечатление на историков индийского национального движения, удостоившись даже сравнения с посланием апостола Павла римлянам [152, р. 46], и, по утверждению некоторых исследователей, «вызвала цепь событий, которые привели к созыву первого Индийского национального конгресса два года спустя» [153, р. 69]. Однако в то время письмо не вызвало ажиотажа в индийской

прессе, поскольку было известно только узкому кругу друзей Юма; также нам неизвестно, какие чувства оно вызвало у тех, кому было адресовано [8, р. 355]. Нужно отметить, что Юм не посоветовался по поводу этого письма с вице-королем, который в то время находился в Калькутте, а сообщил ему об этом только в середине марта, по возвращении в Шимлу. Существует предположение, что тогда лорд Рипон рекомендовал Юму не спешить с созданием единой национальной организации, вследствие чего реализация этой идеи была отложена до 1885 г., когда лорда Рипона на посту вице-короля сменил граф Дафферин [8, р. 355].

Тем не менее, многочисленные собрания и митинги индийцев в поддержку лорда Рипона и его национальной политики неуклонно приближали движение к созданию всеиндийской организации. В апреле Рипон, ознакомившись с протоколами встречи националистов в Бомбее, писал: «Прочтите их внимательно, и сравните с [англо-индийским] митингом в Калькуттской ратуше; и когда вы преодолеете первое чувство позора после сравнения своих соотечественников и индийцев, спросите себя: есть ли лучшее доказательство — не справедливости и не мудрости — но абсолютной необходимости такой политики, которую провожу я. Вот люди, умеренные в речах, сдержанные по характеру, сильные в аргументах, способные организовать общественное собрание, способное выдержать сравнение с лучшими митингами [в Великобритании]; разве какое-либо правительство сможет держать этих людей под жестким контролем «авторитарической системы», которой так сильно восхищался Литтон... и если это возможно, будет ли это правильным? Мы сделали этих людей — Тьябджи, Мехта, Теланга — тем, что они есть» [8, р. 356].

1883-1884 гг. становятся временем установления тесных контактов между различными провинциальными организациями. В декабре 1883 г. в Калькутте собралась Национальная конференция, в работе которой приняли участие представители местных комитетов Индийской ассоциации и делегаты из других провинций. На конференции обсуждались

вопросы реформы системы набора на государственную службу, сбора средств в национальный фонд и, конечно, «самоуправления» [45, с. 461]. Это мероприятие также стало важным шагом на пути сплочения провинциальных организаций в единый Национальный конгресс. В первой половине 1884 г. масштабную пропагандистскую поездку по северу страны совершает Сурендранат Банерджи. Задачу установления контактов по всей Индии берет на себя и Юм — более того, он добивается значительных успехов благодаря доверию со стороны индийских лидеров, которое он заслужил своей репутацией сторонника индийцев, полученной им за годы службы в ИГС; немало способствовали установлению тесных отношений и теософские контакты Юма, поскольку в Общество были вовлечены многие лидеры патриотов, а также его открыто проиндийская позиция во время споров по поводу билля Илберта [11, р. 8-9]. Усиливало аргументы Юма и его знакомство с вице-королем, благодаря которому он мог напрямую доводить до его сведения чаяния индийских патриотов [146, р. 271].

Другой важной задачей Юм считал популяризацию политики лорда Рипона. Его триумфом стала организация грандиозного митинга, посвященного проходам Рипона с поста вице-короля Индии. К проведению этого митинга призывала газета «Hindu» в лице «корреспондента из Шимлы», которым, конечно, был Юм [154, р. 77]. Благодаря дружбе с редактором «Hindu» он, в частности, сыграл заметную роль в изменении редакционной политики газеты — отличавшаяся в прежние годы оппозиционностью, она сменила гнев на милость, когда вице-королем стал Рипон, настолько, что Р. Сунтхаралингам называет эту эпоху в жизни «Hindu» «продвижением рипонизма» [154, р. 71]. В результате последняя поездка лорда Рипона по стране в ноябре-декабре носила характер триумфального марша, и на протяжении всего маршрута его приветствовали миллионы индийцев [8, р. 373].

Несмотря на то, что ИНК был создан спустя год после того, как Рипон ушел в отставку, его большие заслуги в деле создания общенациональной организации индийских патри-

отов не подлежат сомнению¹. Мехротра, в частности, пишет: «Нет определенных свидетельств, дающих возможность предположить, что перед своим отъездом из Индии Рипон призвал Юма объединить образованных индийцев в рамках единой организации, чтобы противодействовать губительному влиянию англо-индийцев... Однако независимо от того, был или нет Рипон настоящим вдохновителем Индийского национального конгресса, нет ни малейшего сомнения в том, что в его рождении и целях... безошибочно угадывается влияние его идей и событий, произошедших в его правление» [8, р. 381].

В декабре 1884 г. Юм отправляется в Бомбей, чтобы попрощаться с лордом Рипоном. Впрочем, его пребывание там растягивается на три месяца, поскольку, вероятно, к этому времени Юм решил сделать именно Бомбей центром национального движения. Этому способствовали несколько факторов: во-первых, бомбейскими лидерами — В. Н. Мандликом, Ф. Мехта, К. Телангом — восхищался Рипон; во-вторых, общественная жизнь здесь была менее заражена факционализмом, нежели в Калькутте, и бомбейские лидеры обладали более широким взглядом на ситуацию в стране; в-третьих, здесь не существовало столь сильного сопротивления со стороны англо-индийцев [8, р. 382].

Таким образом, Юм прибыл в Бомбей еще и с тем, чтобы договориться с лидерами бомбейских националистов о проведении общенациональной конференции, создании единой организации и разработке хартии индийских требований для представления в Парламент [8, р. 382-383].

Безусловно, главным достижением этого совещания стало создание Индийского национального союза, которому в скором времени было суждено превратиться в Национальный конгресс. Однако в числе интересных предложений, вы-

1 Сэр Генри Коттон, президент ИНК 1904 г., впрочем, ставил в вину Рипону то, что тот мог бы сделать для индийского национального движения еще больше, если бы окружил себя людьми, придерживающимися таких же либеральных взглядов, как и он сам. См. [27, р. 179]

двинутых в Бомбее, была и идея Юма о создании «телеграфного агентства», которое передавало бы британской прессе новости Индии с индийской точки зрения. Это позволило бы уничтожить монополию «The Times» и реакционных англо-индийских газет на освещение жизни субконтинента [155]. В итоге Индийский телеграфный союз был создан в начале 1885 года, и, хотя он быстро распался из-за отсутствия денег, в дальнейшем националисты часто прибегали к телеграфу для политической координации. Например, это особенно ярко проявилось весной 1886 г., когда Наороджи выставил свою кандидатуру на выборах в Британский Парламент, координируя свою кампанию с массовыми демонстрациями в Бомбее, Калькутте, Мадрасе, чтобы произвести впечатление на избирателей своего округа [155].

В бомбейские переговоры были вовлечены и члены «Пуна сарваджаник сабхи», которую Юм расценивал как «ведущую Сабху в Индии»¹ [8, р. 385-386]. Именно на базе этой организации он рассчитывал провести «конференцию Индийского национального союза» в декабре 1885 г. [156, с. 28], поскольку в отличие от многих других патриотических обществ, в Сабхе не было внутренних противоборствующих течений, разногласия между которыми не шли на пользу общему делу [7, р. 39].

Март и апрель Юм проводит в поездках по стране (Мадрас и Калькутта), встречаясь с местными лидерами. Стоит заметить, что ситуация в Бенгалии была довольно сложной — несмотря на то, что здесь верными сторонниками Юма были Н. Н. Сен и будущий президент ИНК Вомеш Чандра Бонерджи, многие из заметных бенгальских деятелей не входили в его «внутренний круг», и в их числе Сурендранат Банерджи, что, вероятно, было связано с увольнением последнего из ИГС [11, р. 10]. В конечном счете это привело к тому, что в декабре 1885 г. в Калькутте прошла независимая от Конгресса конференция, а Банерджи присоединился к работе ИНК только в 1886 г.

1 Сабха — общество.

Наконец, в мае, вернувшись в Шимлу, Юм встречается с вице-королем Индии Дафферинем и знакомит его с планом проведения декабрьской общеиндийской конференции в Пуне. Вице-король был прекрасно осведомлен о деятельности Юма — среди сторонников индийского самоуправления были и видные британские чиновники, такие как барон Рий, губернатор Бомбея; кроме того, поддерживать связь с Юмом Дафферину рекомендовал и лорд Рипон [8, р. 397]. Барон Рий, в частности, докладывал вице-королю, что Юм «был главным центром организации, из которой исходили все демонстрации в поддержку Рипона» [7, р. 38]. Сам же Дафферин отзывался о Юме как об «умном человеке и джентльмене, о котором, впрочем, создается впечатление, что у него пчелы в колпаке»² [8, р. 398]. Эта английская идиома, обозначающая высшую степень увлеченности человека какой-то идеей, о которой он может говорить постоянно, порой не считаясь с тем, что для окружающих эта идея не является столь же интересной, хорошо демонстрирует тот пыл, с которым Юм бросился в водоворот индийской политики.

Дафферин, в целом, одобрил проект Юма, не согласившись лишь с предложением поставить во главе организации индийских представителей барона Рия или кого-либо из официальных кругов, считая, что их присутствие будет мешать свободной и открытой дискуссии о проблемах и стремлениях индийцев [7, р. 42]. Итогом консультаций с вице-королем стал составленный Юмом документ для «внутреннего круга», который гласил: «Конференция Индийского национального союза будет проведена в Пуне с 25 по 31 декабря 1885 года... Конференция будет состоять из Делегатов — ведущих политиков, хорошо владеющих английским языком, со всех частей Бенгальского, Бомбейского и МадраССкого президентств... Главными целями Конференции будут: 1) дать возможность всем наиболее искренним труженикам в

2 В этой связи кажется несостоятельным мнение Э. Парела, согласно которому в 1885 году Юм был персоной нон грата для индийской администрации, см. [157, р. 715]

деле национального прогресса лично познакомиться друг с другом; 2) обсудить и принять решение о политических действиях, которые должны быть предприняты в течение следующего года... Косвенно эта Конференция будет зачаточной формой туземного Парламента... Ожидается, что Делегаты самостоятельно прибудут в Пуну и покинут ее — однако с того момента, как они достигнут железнодорожной станции Пуны... им будет обеспечен транспорт, проживание, пропитание и т. д... Верится, что, исключая наших пунских друзей, Бомбейское президентство, вместе с Синдом и Бераром, представит около двадцати делегатов, Мадрас и Нижняя Бенгалия по отдельности — примерно то же число, а Северо-Западные провинции, Ауд и Пенджаб вместе — половину от этого числа» [31, р. 3].

Однако на пути к созданию ИНК предстояло преодолеть еще несколько неожиданно возникших препятствий. В июне кабинет Гладстона вышел в отставку, и пришедшие к власти консерваторы представляли собой угрозу для национального движения в Индии. В начале августа Юм прибывает в Англию, чтобы ознакомить либеральных лидеров с проектом Индийского национального союза, заручиться их поддержкой в Парламенте и вне его — создать «Индийскую партию»; наконец, он намеревался вести переговоры с британскими издателями, чтобы индийская точка зрения находила отражение в ведущих английских газетах [158, р. 292]. Его приезд не остался незамеченным и в прессе: «Мы рады узнать, что... г-н А. О. Юм, чья выдающаяся служба во время восстания 1857 г. вписана в историю британского правления в Индии, в настоящее время находится с коротким визитом в своей родной стране. После тридцати шести лет в Индии, из которых тридцать три года были отданы государственной службе, он по-прежнему молод и трудится неутомимо, но скромно во имя туземцев..., к которым относится как к собственным детям» [159]. Он находился на родине до середины ноября, постоянно встречаясь и дискутируя с видными либералами, как У. Бакстер, Дж. Брайт, Дж. Чемберлен, Ф. Найтингейл и, конечно, лорд Рипон. Делегация индийских националистов,

также прибывшая в Лондон, вызвала неподдельный интерес у либералов — так, Флоренс Найтингейл неоднократно встречалась с М. Гхошем, Н. Г. Чандаваркарком и С. Р. Мудалиаром, и отмечала, что на встречу с ними ее вдохновил Юм [25, р. 831]. Тем не менее, результаты поездки не были столь уж обнадеживающими — попытка индийцев завоевать места в Парламенте на выборах в декабре оказалась неудачной, а общественное мнение по этому вопросу оказалось столь негативным, что Юм, предвидя поражение вопреки всем попыткам помочь делегатам, покинул Великобританию еще до начала избирательной кампании [8, р. 405].

По возвращении Юма в Бомбей 2 декабря ему пришлось вносить коррективы в сроки проведения Конгресса. Дело в том, что С. Банерджи уже объявил о предстоящей 25-27 декабря в Калькутте конференции Индийской ассоциации, вследствие чего Юм и В. Ч. Банерджи приняли решение перенести пунскую встречу на 28 декабря. Сурендранат Банерджи также не поддался на уговоры В. Ч. Банерджи принять участие в ее работе, объясняя свой отказ занятостью в связи с калькуттской конференцией. Характерно, что впоследствии он, очевидно, сожалел об этом решении. Позже в своих мемуарах Банерджи не без гордости писал, что «эта [встреча] и еще одна, в Карачи, были единственными сессиями Индийского национального конгресса, которые я пропустил на протяжении долгого периода с 1885 по 1917 г., когда... партия умеренных окончательно вышла из Конгресса» [29, р. 91].

Первые публичные извещения о предстоящей конференции в Пуне появились в индийской прессе в начале декабря. Этот месяц стал временем беспрецедентной активности индийских патриотов — встречи, конференции, совещания региональных националистических организаций проводились в Калькутте, Мадрасе, Аллахабаде, однако носили, по мнению «Indian Mirror», провинциальный характер, тогда как от пунской конференции ожидали, что она будет «общенациональной как по составу, так и по целям» и воплотит в жизнь «давнюю мечту индийского патриота» [8, р. 410].

Однако Пуне не суждено было стать местом проведения первой сессии Индийского национального конгресса. Сарваджаник сабха уже сделала все необходимые приготовления, когда за несколько дней до открытия конференции в городе разразилась эпидемия холеры. Благодаря помощи Ассоциации Бомбейского президентства ее удалось перенести в Бомбей, где она и была благополучно проведена.

Роль Аллана Октавиана Юма в создании Индийского национального конгресса и его истинные цели на протяжении многих десятилетий остаются предметом научных споров как в Индии, так и за ее пределами. Значительная часть индийских исследований, проведенных после достижения страной независимости характеризует Юма как «агента британского империализма», призванного сдерживать революционные порывы индийских патриотов [160, р. 388-392]. Не менее распространенной такая точка зрения была и в среде исследователей, придерживавшихся левых политических взглядов и, в частности, для советской исторической школы [161, с. 135]. Немногочисленные отечественные исследования, освещающие деятельность А. О. Юма, утверждают, что он действовал «в интересах сохранения неприкосновенности основ английского господства в Индии» [45, с. 463]. Хотя Юм и в самом деле опасался повторения восстания 1857 г. [74, р. 710], необходимо отметить тот факт, что индийские националисты в 1860-1880-х гг. не только не выступали против британского владычества, но, напротив, выражали Юму благодарность за его титанический труд в развитии движения, считая, что без помощи англичанина индийцам едва ли удалось бы пробить бюрократическую стену [162, р. 58]. Ручи Рам Сахни, например, писал, что Юм «вложил сердце и душу в новое движение» [28, р. 113], а Диншо Эдалжи Вача был уверен, что «Конгресс никогда не сможет забыть имени Аллана Октавиана Юма, который был его настоящим отцом» [33, р. 467], и это не оспаривалось даже конгрессменами-радикалами во главе с Б. Г. Тилаком [34, р. 58]. Поэтому по-

иск компромисса с британскими властями и политические методы ИНК, которые яростно критиковало молодое поколение радикальных националистов с начала 1890-х гг. [163, р. 59-61], были не «виной» одного лишь Юма, но сознательным выбором умеренных деятелей национального движения.

Представляется неубедительной и точка зрения некоторых исследователей, согласно которой вовлеченность Юма в национальное движение была следствием его обиды на правительство из-за неудачной карьеры в ИГС [146, р. 270-271]. Эта позиция, получившая распространение едва ли не сразу после создания Конгресса (И. П. Минаев в марте 1886 г. писал: «О Нуме то же мнение, что и у большинства: обиженный чиновник!» [30, р. 172]), не объясняет, почему в движении принимали участие и другие британские подданные, в том числе и те, чья карьера складывалась более успешно: У. Уэддерберн, Дж. Юл, А. Безант и другие. Несомненно, что отставка Юма со службы в 1882 г. побудила его к поиску новой жизненной миссии, но национальное движение отнюдь не было исходным пунктом его изысканий, уступив пальму первенства теософии.

Лишь в 70-80-х гг. XX в. отношение к Юму подвергается пересмотру, а его деятельность — более тщательному изучению, причем не только в научных кругах, но и в прессе [164, 165]. В 1979 году С. Р. Мехротра язвительно заметил: «Я знал многих индийских интеллектуалов, которые, вероятно, никогда не уделяли пяти минут своего времени или пяти рупий из своих денег ради общественного дела, но обличали Юма, посвятившего годы своей жизни и потратившего тысячи фунтов на благо Индии, как шпиона и империалистического агента» [9, р. 44]. Действительно, Юма — британца, считавшего Индию своим домом, где он провел большую часть, едва ли можно упрекнуть в желании навредить индийскому народу и сдерживать его патриотические устремления в угоду колониальным властям. Идеология ИНК в первые годы его существования целиком соответствовала взглядам Юма на будущее и Индии, и Великобритании, а его создание на тот момент можно считать обоюдовыгодным как для либе-

рального правительства Индии, так и для умеренных индийских националистов; и Аллан Октавиан Юм, таким образом, искренне трудился на благо Индии в соответствии с собственными представлениями о пользе и прогрессе для страны, ставшей для него второй родиной.

Глава VIII

В полдень 28 декабря 1885 года в холле Санскритского колледжа Голукдаса Теджпала собрался первый Индийский национальный конгресс. Первым взял слово Аллан Октавиан Юм (генеральный секретарь ИНК), который предложил избрать первым президентом Конгресса В. Ч. Бонерджи [31, р. 7-8]. Следом в его поддержку высказались Субраманья Айяр и К. Т. Теланг, и в результате голосования кандидатура Бонерджи была принята единогласно. Этот «торжественный и исторический момент» [166, р. 9] открыл новую эру в истории Индии, а для его основателя стал важнейшей вехой на жизненном пути. Юм, однако, практически не вмешивался в ход дискуссий, он лишь высказал мнение по двум принятым резолюциям и в последний день работы Конгресса внес предложение о месте и времени проведения следующей сессии ИНК в 1886 г. [31, р. 75] Впрочем, современники отмечают, что Юм «сиял тревожной радостью и надеждой», присутствуя при рождении своего детища [152, р. 61]. В его честь было провозглашено троекратное «ура», на которое он скромно ответил, что такую благодарность нужно принести не просто трижды, а втрое больше «той, для кого мы все как дети» – Ее Величеству королеве-императрице [31, р. 76].

Тем не менее, индийское правительство Ее Величества недолго оставалось лояльным по отношению к новой организации. Уже в 1885 году вице-король Дафферин выражал недовольство действиями индийской делегации в Великобритании, которая выступала в оппозиции его политике, что не шло на пользу его репутации ни в Индии, ни за ее пределами. Однако работа первого Конгресса не вызвала у него интереса; намного более опасной он считал Национальную конференцию под руководством С. Банерджи, поскольку в Калькутте, по его мнению, начал складываться союз образованных индийцев с богатыми и влиятельными (и также оппозиционно настроенными по отношению к Дафферину) ма-

хараджами и заминдарами Бенгалии, Бихара и Ауда [167, р. 83]. Перспектива коалиции между этими силами (вопреки излюбленному британскому принципу «разделяй и властвуй») отвлекла его внимание от бомбейской сессии Конгресса, однако он уже стал понимать, что образованные индийцы не поддерживают его администрацию, а их политическая деятельность способна создать проблемы британскому Раджу.

На протяжении 1886 года пропасть между Даффериним и националистами становилась все шире в результате третьей англо-бирманской войны, которая привела к повышению налогов и распределению фондов помощи голодающим на военные нужды. Сложившаяся ситуация вызвала сопротивление со стороны как индийских националистов, так и А. О. Юма. Вице-короля активно критиковала патриотическая пресса на английском и местных языках, возникали новые националистические ассоциации; одной из них стала созданная Юмом в марте 1886 г. Бенгальская национальная лига — объединение различных ассоциаций Бенгалии в единую организацию, главной задачей которой была агитация за реформу законодательных советов [146, р. 176]. Юм называл Лигу «практически неизбежным результатом» [18, р. 11] третьей резолюции сессии ИНК в Бомбее, требовавшей расширения существующих и создания новых советов в Северо-Западных провинциях, Ауде и Пенджабе. Неудивительно поэтому, что Бенгальская национальная лига проводила политику ИНК и была резко оппозиционной правительству Дафферина [167, р. 84]. Еще больше «вреда» вице-королю нанес ряд памфлетов, написанных Юмом и изданных им анонимно [19, 20]. В этих «совершенно безобидных листовках» [152, р. 72] Юм обвинял Дафферина в реакционности и намерении вернуться к репрессивной политике Литтона в отношении образованных индийцев. Широкую популярность обрело и пламенное стихотворение Юма «Пробудитесь!», в котором рефреном звучит мысль о том, что «нации создают себя сами»:

Дети Инда! Что вы ждете,
о помощи богов моля?

Встаньте! К делу! Ведь народы
сами создают себя!

Ваши земли, ваши жизни
на кону в игре чужой.
Требуйте! Ведь созидает
сам себя народ любой <...>

Вы свободны или в рабстве
и во тьме который год?
Все в ваших руках! Извечно
Сам себя творит народ! <...> [168]

Действия Юма, равно как и его памфлеты, возмутили Дафферина. В ответ он написал пространное письмо, которое, однако, не отправил по назначению. «Есть признаки того, — писал он, — что ложным заявлениям, которые вы сделали, верят, и за этим может последовать немало бед... К сожалению, вы нападаете не на лорда Дафферина, но на вице-короля, и вы сделали все возможное, чтобы пробудить подозрение народа Индии к его политике и намерениям... Вы показали печальный недостаток благоразумия и предусмотрительности и, видимо, позволили вашим туземным друзьям обмануть вас... когда вы выступаете перед общественностью с умышленной клеветой на мое управление, вы не можете ожидать, что я останусь безмолвным» [7, р. 55]. От отправки этого письма вице-короля отговорил лейтенант-губернатор Пенджаба, опасавшийся, что оно только добавит Юму популярности и не произведет на него должного эффекта. Очевидно, однако, что Юм не имел намерения оскорбить вице-короля; напротив, в письме на имя личного секретаря Дафферина он отмечал, что положение, таланты и репутация были даны ему Богом для того, чтобы должным образом выполнять свои обязанности перед индийским народом, не сковывая себя ни официальными традициями, ни политикой партии [7, р. 56]. Он только считал необходимым указать вице-королю на недостатки его правления, однако

вместо реформ в административной системе его памфлеты стали причиной враждебности между ним и Даффериним.

Благодаря возросшей активности патриотических сил вторая сессия ИНК собрала несравненно большее количество делегатов. Сессия проходила в столице Британской Индии — Калькутте — под председательством Дадабхай Наороджи. На сей раз лорд Дафферин уже внимательно следил за деятельностью ИНК. Называя некоторых из делегатов «выдающимися гостями столицы» [166, р. 29], он, тем не менее, не признавал Конгресс национальной организацией и считал его деятельность «детской и раздражающей» [7, р. 59]. ИНК, также соблюдая приличия, принимал торжественные резолюции в честь полувекового юбилея правления королевы Виктории, но продолжал настаивать на административных реформах — увеличении числа членов в законодательных советах и «введении представительных учреждений, [которое] станет одним из важнейших практических шагов по улучшению состояния народа» [166, р. 29-30]. С. Банерджи вспоминал: «На калькуттской сессии Конгресса... я проводил резолюцию о реформировании и расширении советов. Этот вопрос увлекал меня настолько, что я едва ли мог думать о чем-либо другом» [29, р. 95]. Юм же, «пылкий ум которого считал платоническое выражение сочувствия со стороны властей, при отсутствии каких-либо практических шагов, издевательством» [5, р. 51], был уверен в том, что пока индийское правительство не будет иметь представительный характер, все петиции и просьбы к властям будут разбиваться о бюрократическую стену, которая была ему известна не понаслышке. Поэтому он активно призывал конгрессменов «похоронить прошлое и направить свою энергию на строительство процветающей Индии» [7, р. 60-61].

Вторая сессия ИНК в декабре 1886 г., по мнению «Voice of India» — газеты Дадабхай Наороджи — «потеряла аспект новизны, но приобрела новое свойство — грандиозность. Не только различные политические ассоциации со всей Индии были представлены в Конгрессе, но и основные общины Индии. Стоит особо отметить, что в работе Конгресса приняли

участие трое европейских благожелателей... — г-да Юм, Коттон и Роберт Найт» [169, р. 12].

В поисках средства, способного ослабить растущее влияние Конгресса, Дафферин, в конце концов, принимает решение, которое самым негативным образом скажется не только на ИНК, но и на судьбе нации в целом. Он отказывает Конгрессу в праве считать себя выразителем интересов всего индийского народа, настаивая на том, что это индусская организация, не учитывающая стремления и желания мусульман, и в свою очередь, начинает поддерживать последних в их противостоянии ИНК.

Просветительские организации мусульман в Индии возникли позже индусских и были гораздо более лояльны к правительству. Самым известным мусульманским просветителем в Индии был Саид Ахмад-хан (1818-1898), деятельность которого осуждалась ортодоксальными конфессиональными деятелями, но способствовала сближению высших слоев мусульманской общины с англичанами [45, с. 454]. В своих трудах он противопоставлял мусульманское просвещение индусскому возрождению, но не британскому владычеству, будучи последовательным сторонником Раджа.

Напротив, Индийский национальный конгресс, стремившийся к тому, чтобы стать выразителем интересов широких слоев образованной индийской общественности, изначально выступал с позиций индусско-мусульманского единства. Среди старейших лидеров национального движения, помимо индусов и парсов, были и мусульмане, и Конгресс считал необходимым их активное участие в новом движении. Так, в декабре 1886 г. В. Ч. Бонерджи писал Бадруддину Тьябджи, бомбейскому судье-мусульманину и видному деятелю национального движения: «Цель моего письма к вам — с совершенным почтением пригласить вас приехать, и настаивать так сильно, насколько я могу, на том, чтобы вы посетили следующий Конгресс в Калькутте в конце этого месяца. Ваше отсутствие в прошлом году было огромным разочарованием

для всех нас» [170, р. 178]. Бадруддин Тьябджи, впрочем, не смог посетить вторую сессию Конгресса, однако был избран президентом ИНК в 1887 г.

В том же году активизируются попытки Саида Ахмад-хана и его сторонников нарушить единство индусов и мусульман. Одновременно с третьей сессией ИНК в Лакхнау была созвана Мусульманская конференция, главной целью которой было отвлечь мусульман от конгрессистского движения. Приглашение на нее получил, в том числе, и Бадруддин Тьябджи, ответивший отказом: «Я всегда придерживался мнения, что в отношении большинства политических вопросов мусульманам следует делать общее дело с их соотечественниками другой веры и убеждений, и не могу помочь... в разобщении по этим вопросам между нами и индусами или парсами... Если, таким образом, предполагаемая Мусульманская конференция созвана просто как соперник единого Национального конгресса, мне следует выступить всецело против нее, так как мне кажется, что правильным курсом было бы присоединиться к Конгрессу и принять участие в его обсуждениях с нашей собственной своеобразной точки зрения» — отвечал он секретарю Национальной мусульманской ассоциации Амиру Али [170, р. 179-180].

Лидеры Конгресса понимали, что избрание президентом Конгресса мусульманина стало бы серьезным шагом в сторону укрепления индусско-мусульманского единства. Юм уверял Бадруддина Тьябджи в том, что тот был «не только лучшим, но и единственно возможным кандидатом на этот пост» [170, р. 181]; аналогичной позиции придерживался и Д. Э. Вача. В результате в первый день работы ИНК, 26 декабря 1887 г., Тьябджи был избран президентом Конгресса. Ахмад-хан был возмущен этим фактом: «Вы председательствовали на сессии Конгресса в Мадрасе. Это может польстить индусам, но мусульмане совершенно точно несчастны от этого. Я не могу понять фразу «Национальный конгресс». Неужели вы считаете возможным, что различные религиозные общины в Индии могут составлять одну нацию...?» [171, р. 359] На Мусульманской конференции он настаивал, что ин-

дусы и мусульмане составляют две различных нации и не могут шествовать вместе [172, р. 134]. Принципиальным пунктом разногласий между Ахмад-ханом и Конгрессом был вопрос о выборности членов законодательных советов; Ахмад-хан считал, что мусульманское меньшинство в таком случае будет поставлено в неравные условия с индусским большинством. Эта позиция, поддерживаемая английскими чиновниками, вызывала недоумение у Юма, который утверждал, что «такую клевету» на своих единомышленников «не выдвинет ни один... истинный мусульманин» [5, р. 60]. Он неоднократно писал Саиду Ахмад-хану, однако позиция последнего оставалась непреклонной: «Я уверяю г-на Юма в том, что даже если я услышу, будто сэр О. Колвин¹, лорд Дафферин, государственный секретарь (виконт Кросс) и вся Палата Общин выскажется в пользу Конгресса, я буду решительно выступать против него, как и прежде, и я искренне прошу всех мусульман Индии быть постоянными и определиться в их оппозиции» [7, р. 97].

Значительную часть своего президентского послания делегатам Конгресса Бадруддин Тьябджи посвятил именно мусульманской проблеме. «Нашему характеру представительного национального собрания, — говорил он, — не соответствует тот факт, что одно большое и важное сообщество — мусульманская община — держалось в стороне от участия в двух последних Конгрессах. Теперь, господа... это верно лишь отчасти, относится лишь к одной конкретной части Индии, и более того, имеет только некоторые особые, местные и временные причины... Я не считаю, что есть что-то в положении или отношениях между различными общинами Индии — будь то индусы, мусульмане, парсы или христиане — что должно побудить руководителей какого-либо из сообществ стоять в стороне, когда другие пытаются добиться этих великих основных реформ, этих великих основных прав, которые являются общим благом для всех нас» [32, р. 25-26].

1 Лейтенант-губернатор Северо-Западных провинций Агры и Ауада. О критике Колвином Конгресса см. ниже.

По совету Юма в январе 1888 г. Тьябджи также пишет мусульманским лидерам — Саиду Ахмад-хану, Абдулу Латифу, Амиру Али и Мехди Али — письма с разъяснением истинных целей Конгресса, для того, чтобы убедить их в том, что они могли бы сделать оппозицию более эффективной внутри ИНК [7, р. 90].

Однако, несмотря на убежденность Тьябджи, Юма и их соратников в том, что мусульмане в массе своей присоединятся к ИНК не оправдались в полной мере: на протяжении долгих лет своей истории Конгресс привлекал в свои ряды многих мусульманских деятелей, однако теория «двух наций», как и противоречия по поводу представительства мусульман в советах, которые в конце концов выльются в идею «раздельных электоратов» (при непосредственной поддержке британского правительства), станет основным идеологическим орудием в борьбе за создание отдельного государства индийских мусульман — Пакистана — и одной из причин раскола Индии в 1947 году.

К начинаниям Конгресса негативно отнеслись также представители индийской аристократии — раджи и махараджи, талукдары и землевладельцы. Раджа Бхинги — небольшого княжества на границе с Непалом — даже написал книгу (хотя его авторство вызывает сомнения [173, р. 109]), где осуждал ИНК и пространно рассуждал о том, что демократические институты совершенно не пригодны для Индии [35, р. 102]. Очевидно, что аристократия видела в движении европейски образованных индийцев угрозу феодальным порядкам и ясно осознавала, что адаптация западных идей применительно к Индии имеет своей целью ликвидацию средневековых пережитков.

Феодальные вожди, в большинстве своем, были абсолютно против любых действий Конгресса. Выполнение основного на тот момент требования ИНК — введения представительных институтов — они считали невозможным в силу

«неудовлетворительного состояния» отношений между индусами и мусульманами, а также интеллектуальной и социальной отсталости двух общин. Для них требовалась «однородность», которой можно было достичь только в том случае, если обе общины «станут атеистами или одна из них примет веру другой» [7, р. 109]. Точно так же насмешкам подвергались и нравственные устремления конгрессиистских лидеров — цель ИНК, сформулированную Юмом как «духовное и моральное» возрождение Индии раджа Бхинги критиковал на том основании, что «Палата Общин не преуспела в духовном, моральном и социальном «возрождении» Англии» [35, р. 93].

Махараджа Бенареса в речи, которая была опубликована в сборнике с показательным названием «Крамольный характер Индийского национального конгресса», также гневно протестовал против движения: «Если вы говорите, что Конгресс хочет только представлять правительству истинные факты и давать лучшие советы, то почему они производят такой неблагоприятный шум и раздувают такую агитацию? Неужели человек даже сейчас не может донести до сведения правительства любой вопрос, какой ему нравится, или дать правительству какие-либо рекомендации...? Почему существует так много газет? Правительство будет очень благодарно за любые замечания, которые имеют тенденцию к повышению благосостояния народа, и оно будет немедленно действовать в соответствии с любыми предложениями, которые преследуют эту цель» [36, р. 40]. Он с ностальгией вспоминал старые общества крупных землевладельцев, например, Ассоциацию Британской Индии в Калькутте, восклицая, что «Индийский национальный конгресс не сравнится даже с пылью от ног этой благородной ассоциации» [36, р. 43]. По мнению махараджи, индус не может понять демократию, пока он остается индусом, так как это противоречит его религиозным убеждениям, основанным на делении общества на варны. «Он не может без страданий видеть брахмана или кшатрия, прислуживающего шудре» [36, р. 45-46].

Завершалось это грозное выступление следующими сло-

вами: «О Всемогущий Господь! Даруй немного мудрости нашим индусским и мусульманским братьям, чтобы они смогли закрыть это дело Конгресса и не продолжать ссору, которая может иметь только один, неизбежный и катастрофический конец» [36, р. 50].

А. О. Юма особенно задевала то, что мощная волна «аристократической» критики шла из Северо-Западных провинций, которым он посвятил много лет своей жизни. Он осуждал роль, которую взяли на себя «туземные вожди» и феодалы в осуждении Конгресса. Юм с сожалением отмечал, что те, кому посчастливилось заполучить личный титул раджи, не являлись — в прямом смысле слова — ни князьями, ни представителями своего народа, поскольку все, что они говорили или писали, делалось по прямому указанию британской бюрократии. Он рассказывал, что раджа Бхинги не мог написать ни единой страницы не только на хорошем английском языке, но и на собственном наречии, а потому лишь «подписывал» свои послания для того, чтобы получить место в законодательном совете [7, р. 113].

Действительно, за всеми рассуждения о «пользе для народа», как правило, стояли корыстные интересы аристократических кругов — получение титулов, наград и почестей от правительства; и оно прилагало все усилия для того, чтобы еще больше разжигать пламя ненависти к патриотическому движению.

В преддверии третьей сессии ИНК А. О. Юм активно работал над расширением социальной базы движения. Его усилия были направлены, прежде всего, на разъяснение устремлений Конгресса неграмотным сельским массам. Для достижения этой цели Юм применяет излюбленное средство — памфлеты, переведенные на национальные языки. Огромную помощь в этом ему оказывали и его соратники — например, Ч. Виджай Рагхавачарьяр распространил 30000 копий своей брошюры «Тамильский катехизис Конгресса» [173, р.

145]. Основной посыл этих памфлетов отнюдь не был революционным; в них проводилась идея о том, что если представительные органы и в самом деле будут наделены полномочиями принимать законы и устанавливать налоги, то правительство будет не так глухо к проблемам народа и не продолжит способствовать его обнищанию. «Катехизис» объявлял существующие законодательные советы «бутафорией», где «более или менее глупые» люди делают только то, что им говорит правительство. Памфлет Юма «Беседа Молви Фаридуддина с Рам Бакшем», в свою очередь, демонстрировал живой пример своеволия и угнетения со стороны властей в деревнях [173, р. 115]. Однако, несмотря на то, что риторика этих произведений не выходила за рамки обычных рассуждений, свойственных заседаниям Конгресса, они были выдержаны в более жестком ключе и обращались к широкой аудитории. Юм утверждал, что только в 1887 г. были распространены 50000 экземпляров, а в планах на следующий год значилась и вовсе грандиозная цифра — около полумиллиона копий [7, р. 226].

В ноябре 1887 г. британская пресса обсуждала письмо Юма в ответ на критику со стороны профессора Алигархского мусульманского колледжа Теодора Бека, справедливо утверждавшего, что европейски образованный класс индийцев не имеет контроля над армией и «воинственным» крестьянством, которые представляют собой наиболее «горючий материал» в стране. Юм, соглашаясь в целом с доводами Бека, писал, что любого сипая или туземного служащего можно было бы без малейших усилий обратить ко взглядам, которых придерживаются огромные массы их образованных и полуобразованных соотечественников. За два года великое множество солдат можно было превратить в стойких политиков и убежденных сторонников реформистского движения. «Однако политика наших лидеров всегда противостояла любым действиям, которые могли склонить правительство к сомнению в совершеннейшей лояльности, а потому такие попытки не только не предпринимались, но даже побуждали офицеров, находившихся в отпусках и желавших

принять участие в демонстрациях, связанных с работой Национальной партии, ...остаться в армии, бросить политику и довольствоваться лояльным подчинением своему законному начальству» [174]. Что же касается «воинственного крестьянства», Юм утверждал, что «Национальная партия уже имеет широкий контроль над крестьянством», именно благодаря распространению памфлетов, повествующих как о заслугах правительства, так и о желаемых «поправках», сочинений, «проповедующих лояльность британскому правлению и конституционную агитацию против дефектов, характеризующих его практическую работу». «Горючий материал» же, по его мнению, безболезненно исчезнет в течение десяти лет, «особенно если правительство примет менее... бюрократическую форму» [174].

Заверения Юма в лояльности на фоне конгрессистской агитации среди широких слоев населения, однако, не убеждали лорда Дафферина. Кроме того, помимо критики вице-короля и враждебности коммуналистов Юму пришлось сдерживать атаки и со стороны высших чинов колониального бюрократического аппарата. Ярким примером такого рода является его переписка с Оклендом Колвином, лейтенант-губернатором Северо-Западных провинций Агры и Ауда. Колвин с симпатией относился к деятельности ИНК в первые два года его существования, но после мадрасской сессии ИНК в декабре 1887 г. его симпатии прошли «суровую проверку». Подобно Юму, он отстаивал идею существенного расширения законодательных советов, но считал, что в сложившейся политической ситуации в стране агрессивная пропаганда ИНК была преждевременной и опасной, более того, она вызывала гнев правительства и чиновников, а их контр-агитация, в свою очередь, могла разделить страну на два враждующих лагеря. Он возражал также против тона и содержания недавно изданных брошюр, полагая, что они неверно отражают политику и действия властей; как и Дафферин, он утверждал, что ИНК не представляет интересы всего населения Индии. Наконец, он считал, что реформистскому движению следует обратить внимание прежде на социаль-

ные проблемы, нежели на политическую деятельность [21, р. 6-26].

Юм немедленно принял вызов Колвина. Резкий тон памфлетов он оправдывает тем, что люди, знакомые с положением в деревнях, испытывают горечь, видя неэффективную и жестокую политику правительства в этой сфере. Он еще раз напоминает, что «английское правительство превосходит любые правительства других стран», а Конгресс борется не с отдельными чиновниками, а с недостатками системы управления ради блага самой этой системы [5, р. 58]. Таким образом, и самим Юмом, и конгрессменами движет не ненависть к властям, а стремление улучшить положение народа. Он называет ИНК «предохранителем против незаконных и неконституционных действий» [21, р. 29]. По этой причине действия Конгресса не могут быть преждевременными; напротив, Юм опасается, как бы они не оказались слишком запоздалыми.

Что касается опасений по поводу контрагитации и раскола страны на враждебные лагеря, то Юм был уверен, что против Конгресса выступает только незначительная часть англо-индийцев, преимущественно чиновников, «несколько индийских окаменелостей, честных, но с недостатком понимания», в то время как работа в ИНК была гармоничным сотрудничеством людей, которые ранее встречались лишь для ссор и разногласий [5, р. 59]. Мусульмане, считал он, только выиграют от единства действий с Конгрессом, а антиконгрессистское движение рухнет в течение трех лет. Юм отрицает любые попытки обвинить его и Конгресс в стремлении нанести вред мусульманам, многих из которых он звал друзьями. Приводя в пример восстание 1857 г., он восклицает: «Могу ли я забыть отважных друзей и последователей, которые в те черные дни опасности и бедствий явились ко мне, защищали меня, боролись за меня и вместе со мной...? Никогда!» [5, р. 61].

Наконец, на реплику Колвина о том, что ИНК не является представителем всего индийского народа, Юм ответил, что в Великобритании Парламент также выражает интересы не-

значительного количества людей, а в выборах участвует только десять процентов от населения страны [5, р. 61].

Эта переписка и ее публикация отдельным изданием с разрешения Колвина дала Юму возможность еще раз разъяснить свои взгляды критикам и широкой общественности. Она стала основой для известной речи Юма, произнесенной в Аллахабаде 30 апреля 1888 г.¹ [7, р. 219-241] В ней он наметил более широкий план мероприятий Конгресса, которому отныне отводится новая роль в национальном движении: «Первое — слияние в единое национальное целое всех различных и — до недавнего времени — диссонирующих элементов, составляющих население Индии; второе — постепенное восстановление нации, духовное и нравственное, социальное и политическое; третье — консолидация союза между Англией и Индией с помощью изменения таких его условий, которые могут быть несправедливыми или вредными для последней страны» [7, р. 221].

Юм утверждал, что ни одно движение современности не смогло в столь короткий срок овладеть умами Индии так же, как Конгресс. Ни одно из них не обещало столь далеко идущих и благотворных результатов, ни одно не подвергалось столь несправедливой критике. В этой речи он в очередной раз настаивает на том, что Конгресс может обсуждать лишь проблемы, касающиеся всей нации в целом: «С самого начала было понятно, что могут быть вопросы, в отношении которых Бомбей будет отличаться от Бенгалии, европейцы от туземцев, индусы от мусульман... но все эти вопросы исключены из Конгресса тем фундаментальным принципом, что он может принимать резолюции только по вопросам, практически единогласно принимаемыми представителями всех классов и вероисповеданий из всех провинций... Конгресс является национальным, и имеет дело только с теми вопросами, с которыми согласна...вся нация» [7, р. 224-225].

Далее Юм подробно раскрывает методы работы Конгресса. Первым из них он называет «скромное обучение» народа

1 Об обсуждении речи в Парламенте см. [175]

«элементарным политическим истинам» и их «проповедь на большей части страны» [7, р. 225]. Главной из «истин» по-прежнему остается признание британского правления наилучшим и благостным для Индии. Конгресс должен разъяснить народу, что любые «поспешные или насильственные действия» могут погубить все благие начинания, и даже политическое просвещение должно быть максимально незаметным, чтобы «не привлекать серьезного внимания, а еще меньше — неблагоприятных комментариев» [7, р. 226]. Тем не менее, вторым направлением работы ИНК Юм называет распространение «лояльных и доброжелательных» брошюр, содержащих «простые доктрины», излагающие права и обязанности народа, чтобы и масса простых индийцев могла видеть достоинства Раджа и его недостатки. Наконец, работа Конгресса с населением должна включать в себя организацию публичных собраний по всей стране, и, конечно, проведение сессий ИНК. Юм с гордостью отмечает, что «последнему и крупнейшему [Конгрессу] в Мадрасе уделили внимание не только ведущие чиновники-европейцы и неофициальные лица, но и некоторые европейские путешественники; ... леди, все из которых выражали свой восторг по поводу удивительно хорошего порядка и настроения...» [7, р. 227].

Несмотря на «зачаточное состояние» Конгресса, Юм выражал уверенность в том, что «принципы, лежащие в его основе... вечны» и «не за горами тот день, когда он [Конгресс — Д. Н.] распространится на всю массу народа» [7, р. 220]. Его пророчество начало сбываться спустя тридцать лет, когда под руководством М. К. Ганди Индийский национальный конгресс действительно стал крупнейшей массовой организацией Индии и флагманом национально-освободительного движения.

Подготовку и проведение четвертой сессии ИНК в Аллахабаде сопровождали разнообразные препятствия, чинимые официальными лицами. После трех относительно спокой-

ных лет, когда разногласия между Конгрессом и правительством ограничивались в основном частной перепиской или дискуссиями в прессе, индийские власти решили предпринять более серьезные меры для подавления движения. Еще в ноябре 1887 года правительство отреагировало на пропаганду Конгресса созданием особой ветви полиции для наблюдения за ИНК [176, р. 65], а в 1888 г. борьбу против ИНК возглавил О. Колвин, руководивший провинцией, которая готовилась принять Конгресс (Юм даже публично обвинил его во враждебности по отношению к ИНК [177]). Правительство распространило секретный циркуляр, запрещающий чиновникам всех рангов принимать участие в работе ИНК или каким-либо образом способствовать ей [7, р. 73]. Власти побуждали землевладельцев, талукдаров и мусульман препятствовать проведению Конгресса путем проведения митингов и собраний; для этой цели была создана Объединенная патриотическая ассоциация [178, р. 142]. 30 ноября, незадолго до отъезда из Индии, лорд Дафферин произнес речь, в которой обвинил Конгресс в намерении возбудить ненависть индийцев к государственным служащим Короны [179, р. 243], а Палата Общин задавалась вопросом: «Какие шаги, в этих условиях, намерено предпринять правительство Индии относительно дальнейших заседаний Конгресса?» [180, р. 1248]. О. Колвин сделал все возможное, чтобы пандит Айодхьянатх, один из организаторов сессии, не смог получить землю под нужды Конгресса [181, р. 16]. Также ИНК испытывал серьезные финансовые проблемы. Пандит Айодхьянатх, приложивший все мыслимые и немыслимые усилия для того, чтобы Конгресс все-таки состоялся [182, р. 71-72], позже говорил, что был готов рискнуть даже своей собственностью ради нужд Конгресса, но ситуацию спас махараджа Дарбханги, за свой счет арендовавший Лоутер-Касл и тент для делегатов специально для проведения сессии [166, р. 55].

В борьбе против национального движения британская контрпропаганда в конце 1880-х гг. не стеснялась использовать самые грязные средства. Член Парламента сэр Эдвард Уоткин в интервью «Pall Mall Gazette» заявлял, что «русское

золото стоит за агитацией, продолжающейся в Индии, так же, как американское – за агитацией в Ирландии» [185]. Юм был вынужден выступить с опровержением этих домыслов. «Как генеральному секретарю движения Конгресса... позвольте мне проинформировать сэра Эдварда Уоткин и общественность, что в этих заявлениях нет ни единой частицы, ни малейшего аромата правды... Успех движения Конгресса означает окончательный крах надежд России (если она действительно питает их) на (я не говорю о вторжении в Индии) причинение Англии неприятностей посредством разжигания бунтов и восстаний, когда у той – это может случиться в любой день – заняты руки в другом месте... В Индии, в целом, есть некоторый процент недовольных, но в Пенджабе эта пропорция больше, чем где-либо. Некоторые из них – сикхи..., лелеющие тайную надежду на возвращение Далипа Сингха. Некоторые из них – вахаби..., мечтающие о собственном господстве.... Если какое-либо русское золото сейчас проникает в Индию, то оно приходит к этим классам; но оба они противостоят движению Конгресса и являются, в действительности, единственными его оппонентами в Пенджабе.... Нет, сэр, будьте уверены – русское золото может служить только борьбе против Конгресса, но никогда ни единая крупица его не будет дана в его поддержку» [183].

По всей провинции Саид Ахмад-хан развернул мощную кампанию против Конгресса. Он вновь попытался убедить Бадруддина Тьябджи отказаться от связей с ИНК. Уже в январе 1888 г. Юм писал Тьябджи: «Усиливается ощущение, что этот Конгресс в Аллахабаде станет поворотным пунктом движения... Думается, что с вами в качестве президента тирады Саида Ахмада не произведут впечатление на мусульман севера Индии» [181, р. 17]. Однако Тьябджи не захотел второй раз подряд занять президентский пост, выступив с встречным предложением, а именно – проводить Конгресс раз в пять лет. Юм не согласился с ним, поскольку считал, подобно Наороджи и Вача, что влияние Ахмад-хана распространяется только на зажиточные слои мусульман, тогда как во многих провинциях мусульмане, поддерживаю-

щие ИНК, составляют большинство.

Несмотря на то, что сессия ИНК в Аллахабаде все-таки была успешно проведена, для Юма она стала серьезным испытанием. Хотя Д. Э. Вача называл его «жизнью и душой Конгресса 1888 г.» [146, р. 288], а пандит Айодхьянатх, выступая на сессии, заявил, что вопреки всем обвинениям англо-индийской прессе не удалось дискредитировать Юма в глазах индийцев [182, р. 76], именно на сессии в Аллахабаде Юм впервые получил отпор от конгрессменов, когда была принята резолюция, согласно которой ИНК «несет ответственность только за «резолюции, принятые на его заседаниях и нигде больше» [146, р. 294], что фактически означало неприятие активной пропагандистской деятельности Юма среди сельских жителей. Нужно отметить, что это противодействие «отцу-основателю» было косвенным и не предавалось широкой огласке [173, р. 118], напротив, в последний день работы Конгресса Юм под бурные и продолжительные аплодисменты был «переизбран» генеральным секретарем ИНК. «Любопытно, — писала А. Безант, — что это была первая фиксированная резолюция в отношении поста генерального секретаря, чьи обязанности выполнял г-н Юм с первого Конгресса» [166, р. 70].

Тем не менее, в конце 1880-х гг. в рядах ИНК уже зрело недовольство его действиями. «Несмотря на его незаменимость... [Юм] не должен вести себя как тиран... Он считает, что в любом деле должен брать верх» — писал Д. Э. Вача Наороджи — «По большому счету, я не хотел бы принимать его помощи. Мы должны быть настолько энергичны и патриотичны, чтобы сделать шаг в нашем политическом прогресс без этой помощи» [146, р. 288]. Действительно, стиль управления Конгрессом, которого придерживался Юм, вызывал негодование у некоторых его членов. В Мадрасе в 1887 году Махадев Баллал Намджоши пожаловался генеральному секретарю на то, что ИНК не достает представительного исполнительного комитета, однако тот не только не уделил этому вопросу должного внимания, но и отнесся к нему «с плохо скрываемым презрением», и только когда Бипин Чан-

дра Пал пригрозил начать в Конгрессе борьбу за демократические процедуры, М. Ранаде вмешался и убедил Юма в необходимости создания Предметного комитета, в незначительной степени ограничивавшего автократию генерального секретаря [173, р. 123].

Однако причина первого «поражения» Юма в ИНК кроется, очевидно, еще в том, что его кампания в 1886-1888 гг., обратившая на себя гнев властей, аристократии и видных мусульманских лидеров, казалась многим членам Конгресса слишком радикальной. Вместе с тем, необходимо признать, что многие вопросы, поднятые Юмом в это время, позже стали основой работы ИНК. Прежде всего, это касается приобщения широких масс сельского населения к движению. В середине 1880-х Юм был всерьез озабочен растущим обнищанием беднейших слоев индийского населения. Истоки этого явления он видел в утечке богатств из Индии и в содержании непомерно раздутого бюрократического аппарата, а решение этой проблемы заключалось, по его мнению, в политических реформах. Именно поэтому второй ключевой частью его программы было требование действительно представительного правительства и индианизация администрации, вплоть до воплощения в Индии «канадского варианта», при котором вице-королю отводились церемониальные функции, но не реальная власть в качестве главы правительства [11, р. 17]. Эта идея Юма предвосхитила, в некотором роде, политические программы Б. Г. Тилака и М. К. Ганди, однако в 1887 года она, вероятно, казалась его соратникам слишком поспешной. Два года спустя Дадабхаи Наороджи, комментируя издание переписки Юма с Колвином, заявлял: «Никто из тех, кто принимал участие в действительных обсуждениях Конгресса не предполагал и не намеревался просить ни что-либо сверх того, что заявляется в резолюциях Конгресса по вопросу о представительстве, ни вообще что-либо похожее на «гомруль» или Британский Парламент» [184].

Таким образом, массовая пропагандистская кампания ИНК была свернута, и Юм стал уделять больше времени другой задаче, которую также считал важнейшей для будущего Индийского национального конгресса, а именно — политической работе в Великобритании. По мнению Уэддерберна, Юм был убежден, что британский народ желал бы для Индии «честной игры» и торжества справедливости, если бы только понял сущность дела [5, р. 69].

Первые шаги на пути к созданию конгрессистской организации в Англии были сделаны в 1887 году, когда Дадабхай Наороджи, живший тогда в Лондоне, вызвался действовать в качестве агента ИНК в метрополии; однако необходимость заниматься бизнесом вследствие недостатка средств не позволяла ему уделять много времени делам Конгресса. Но в следующем году к нему присоединились В. Ч. Бонерджи и Эрдли Нортона, которым удалось заручиться поддержкой выдающегося либерального деятеля, члена Палаты Общин Чарльза Брэдли. Он был известен как активный сторонник ИНК в Парламенте, где неоднократно выступал в его защиту [180, с. 1018; 185, сс. 826-827; 186, сс. 148-159]. Писатель Уильям Дигби также оказал заметную помощь в организации работы конгрессменов в Англии и распространении печатных материалов Конгресса [5, р. 69]. Хотя Брэдли сотрудничал с Политическим агентством Конгресса совершенно бескорыстно, организация и проведение собраний, аренда лекционных помещений требовала средств, и Юм призвал Индию помочь новому начинанию. В результате 27 июля 1889 года в Лондоне был создан Британский комитет Индийского национального конгресса во главе с У. Уэддерберном¹. На первом этапе в него также входили Наороджи, члены Парламента У. С. Кейн и У. С. Брайт Макларен, а секретарем до сентября 1892 года был Уильям Дигби. Движущей силой нового начинания был, безусловно, Юм, подготовивший для него почву благодаря многочисленным встречам с влиятельными британцами, интересовавшимися индийской полити-

1 Подробнее о Британском комитете ИНК см. [189]

кой [7, p. 156], хотя сложно отрицать и тот факт, что непосредственно создание и организация работы сначала Политического агентства, а затем и Британского комитета в значительной степени связаны с именем У. Дигби [188, p. 17].

Основной сложностью работы в Англии было постоянное противодействие Совета при государственном секретаре по делам Индии, «оплота реакционного чиновничества» [5, p. 73]. Юм отмечал, что Министерство по делам Индии является «организацией, постоянно занимающейся популяризацией официальной точки зрения по всем индийским вопросам», и для того, чтобы требования индийцев могли быть выполнены, нужно было преодолеть это враждебное влияние посредством «организации, столь же стойкой и упорной в распространении взглядов людей по тем же самым вопросам» [5, p. 73]. С этой точки зрения, перед Юмом и его товарищами стояла тройная задача: создание Индийского парламентского комитета, организация публичных собраний по всей стране и создание печатного органа Конгресса в Великобритании.

В конце 1889 г. Британский комитет организовал поездку Брэдли на сессию ИНК в Бомбее. Большое число делегатов бомбейской сессии придерживалось мнения, что если Юм, Юл, Уэддерберн и Брэдли объединят усилия ради политического развития Индии, то будет возможно «достучаться до сердца и ума британцев» посредством более интенсивной пропаганды [181, p. 40]. Большие надежды Юм связывал с биллем об индийских реформах, который был инициативой Брэдли. Он уже пытался провести в Парламенте билль о реформе законодательных советов Индии [189, с. 1311], но законопроект был отклонен после первого чтения на фоне яростной критики в британской прессе. Конгресс подготовил для Брэдли основные положения нового билля о конституционной реформе, и для того, чтобы «представлять свои взгляды в Англии и прессе с тем, чтобы привлечь внимание британской общественности к политической реформе, за которую выступает Конгресс» [32, Congress Resolutions, p. 22, 29] направил в Великобританию делегацию конгрессменов,

в состав которой вошли Дж. Юл, Ф. Мехта, С. Банерджи, В. Ч. Бонерджи, А. О. Юм и другие¹ [190].

Делегация вызвала в Англии большой интерес и развернула активную деятельность [191, 192, 193, 194, 195]. Организацией встреч занялся Британский комитет ИНК. Сурендранат Банерджи оставил воспоминания об участии Юма в одной из них: «Г-н Аллен Юм, отец Индийского национального конгресса, был с нами на протяжении всей кампании... Я хорошо помню сокрушительный ответ, который он дал на критику Конгресса на собрании в Бирмингеме, настаивая на том, что социальная реформа должна предшествовать политической, что Конгресс должен подождать с осуществлением своей программы, пока социальная эволюция не завершит свою работу в Индии» [29, р. 106].

Делегатам ИНК удалось даже встретиться с премьер-министром Гладстоном; рассказывали, что когда Юм обратился к нему с просьбой оказать поддержку законопроекту Брэдли, премьер-министр ответил: «Я хотел бы, чтобы ваш отец был сегодня здесь» [152, р. 137]. Однако вместо билля Брэдли был принят законопроект консерваторов, который глубоко разочаровал Юма [6, р. xciv].

Впрочем, несмотря на неудачи, Брэдли завоевал огромное уважение индийского народа и его смерть в 1891 году стала трагедией для Конгресса [176, р. 69]. На заседании Далвичского Реформ-клуба в Лондоне Юм произнес речь, посвященную его памяти, в которой с грустью говорил, что «за последние пятьдесят лет нас не покидала более поразительная личность» [1, р. 47].

После завоевания места в Парламенте (1892 г.) Уэддерберн создал Индийский парламентский комитет, который

1 Состав делегации отличался от изначально заявленного Конгрессом — желающим приходилось добираться в Англию на собственные средства; поэтому в источниках встречаются разночтения. Согласно резолюции ИНК, официальный состав делегации выглядел следующим образом: Дж. Юл, Ф. Мехта, В. Ч. Бонерджи, Дж. Адам, М. Гхош, К. Ч. Банерджи, Наороджи, Д. А. Кхаре. Тем не менее, в работе делегации активное участие принимал и Сурендранат Банерджи.

был наследником аналогичной организации, существовавшей в 1883 г., но быстро прекратившей свое существование. Он состоял из членов Палаты Общин, сочувствовавших Индии; максимальная численность комитета составляла около 150 человек. Комитет оказывал некоторое влияние на принятие решений по вопросам, связанных с Индией, но в целом его значение не было слишком большим [188, р. 139]. А. Камински отмечал, что «[Комитет] был чем-то иллюзорным, что могло испариться в любой момент [196, р. 167].

Наконец, последним направлением деятельности ИНК в Великобритании стало основание журнала «Индия», созданного в 1890 году, сначала в качестве ежемесячного издания, а после 1898 г. – еженедельного [10, р. 94–95]. После 1906 года журнал переживал непростые времена, связанные с недостатком финансирования, и прекратил свое существование одновременно с Британским комитетом в 1921 г. [149, р. 315]

В начале 1890-х гг. Юм вновь возвращается к социальным проблемам. Это происходит на фоне кризиса в ИНК, которому не удалось заметно изменить отношение мусульман к национальному движению; значительная часть образованных индийцев также не испытывала большого интереса к Конгрессу, что вызвало резкое сокращение числа делегатов на сессиях 1890 г. в Калькутте и 1891 г. в Нагпуре [173, р. 118]. С. Банерджи в Нагпуре заявил: «Должен ли Конгресс существовать так, как он существовал в прошлом, или должен объявить о своей гибели?» [197, р. 48]. Наороджи считал, что «будет гибельным для Индии, если он [Юм — Д. Н.] бросит» [149, р. 312], но Юм тем не менее заявил о своем намерении уйти с поста генерального секретаря, если следующая сессия ИНК не будет проведена в Лондоне [173, р. 119]. Конгресс отклонил его предложение, но проголосовал за то, чтобы он остался на посту генерального секретаря [32, Congress Resolutions, р. 35]. Однако решение было уже принято, тем более, что разногласия с индийскими руководителями ИНК усили-

вали еще и дополнительные факторы – например, большое сожаление Юма вызывал тот факт, что многие лидеры Конгресса выступили с критикой правительственного законопроекта 1891 года, предполагавшего повышение минимального возраста вступления в брак для девочек с десяти до двенадцати лет [6, р. xciv].

Еще перед отъездом в Англию (где он выставил свою кандидатуру на всеобщих выборах от округа Далвич [198]), 16 февраля 1892 года Юм по собственной инициативе рассылает «знаменитый ныне» [6, р. xciv] циркуляр «Каждому члену партии Конгресса», который стал ключевым фактором в развитии отношений Юма с ИНК. В основе его инициативы, как и четырем годами ранее, лежала растущая озабоченность по поводу обнищания населения под британским владычеством. В 1891 году ему вновь удалось заставить ИНК уделить внимание проблеме бедности и принять жесткую резолюцию по этому вопросу [32, Congress Resolutions, р. 30]. Однако Конгресс отказался опубликовать доклад Юма перед делегатами сессии, поскольку в нем он резко критиковал несправедливую финансовую и экономическую политику Раджа [10, р. 197]. Юм расценил это как нежелание лидеров движения серьезно относиться к озвученной им проблеме, и это стало причиной появления циркуляра, который произвел «эффект разорвавшейся бомбы» [6, р. xcvi].

Ключевой идеей этого документа было то, что «чаша... страданий десятков миллионов наших масс стала почти полной, и что день ото дня Нищета, мать анархии, давит все тяжелее и тяжелее на постоянно растущую часть нашего населения. Как верно то, что ночь сменяет день, рано или поздно из-за такого положения вещей должно произойти страшное восстание, если мы не сможем исправить существующие пороки и удовлетворить наиболее заметные жалобы наших нищих» [6, р. xcvi]. Исходя из опыта Великой французской революции и «всей истории» Юм утверждал, что сколь бы мирным ни было население, голод, несправедливость и отчаяние однажды «прививают массам» новую природу и ведут их к насилию и преступлениям. Он предупреждал «богатых

и обеспеченных» членов Конгресса, что существующая деспотическая система управления не приспособлена к нуждам страны, способствует обнищанию народа, чем неизбежно готовит почву для одного из самых страшных катаклизмов в истории мира; и члены ИНК будут в числе первых, кого сметет волна народного гнева [6, р. xcvi]. «Ни одна сила в мире не сможет сопротивляться всеобщему аграрному восстанию в такой стране, как эта» [176, р. 67].

Этот циркуляр носил «частный и конфиденциальный» [10, р. 195] характер, но вскоре стал достоянием общественности, и вызвал бурю эмоций в Индии и Великобритании. Первым откликнулся комитет ИНК в Аллахабаде, где должна была состояться следующая сессия Национального конгресса. Секретарь комитета, пандит Бишамбхарнатх, ответил Юму 23 февраля, что он и его комитет, внимательно изучив содержание письма, пришли к выводу, что его публикация была бы «неблагоразумной и нанесла бы великий ущерб делу, которому мы с вами так горячо преданы» [10, р. 197]. Следом отказались распространять циркуляр Бомбейский и Мадрасский комитеты ИНК [181, р. 43], и даже Британский комитет Конгресса публично отрекся от «дикого языка и неоправданных выводов, сделанных г-ном Юмом» [173, р. 121], хотя Наороджи и признавался в письме Д. Э. Вача, что страдает «оттого, что был вынужден подписать это письмо после всего, что Юм сделал для нас» [149, р. 312].

В Лондоне текст документа был опубликован газетой «Times» спустя неделю после того, как Юм приехал в Англию в марте 1892 г. Член Палаты Общин от партии тори, Дж. М. Маклин, выступая по этому поводу, заявил, что Юма «по любым менее мягким законам, нежели наши собственные, повесили бы или расстреляли как предателя»¹ [10, р. 198-199]. Тем не менее, несмотря на осуждение со всех сторон, Юм не только не отказался от своих слов, но и еще раз

1 Интересно, что в газете Б. Г. Тилака «Kesari» эта фраза была напечатана как «должен быть повешен или расстрелян как предатель» — см. [173, р. 121]

подтвердил свои опасения годом позже, а его послание нашло многочисленных сторонников в рядах воинственно настроенных националистов, как Бал Гангадхар Тилак и Сисир Кумар Гхош, а в Великобритании в его поддержку выступил социалист М. Н. Гайндман [6, р. хсvi]. В ряде статей в «Kesari» и «Mahratta» Тилак заклеил попытки окрестить Юма подстрекателем к мятежу как «акты неблагодарности, безразличия и трусости» [199], в равной степени разделяя его опасения по поводу возможных мятежей.

История с циркуляром 1892 г. является примером самых серьезных разногласий между Юмом и Индийским национальным конгрессом. ИНК во второй (и последний) раз выступил против своего основателя, и это выступление вскрыло серьезные недостатки руководства Юма. К их числу относится, прежде всего, то, что он, вопреки всем демократическим заявлениям, зачастую не считал нужным консультироваться с руководством Конгресса. Показательным в связи с этим является и тот факт, что и Устав ИНК, и четкая организационная структура Конгресса (включая исполнительный комитет) были созданы уже после того, как Юм прекратил активную деятельность в движении. Отсутствие консультативных процедур в ИНК и стремление Юма единолично определять курс Конгресса позволили Ананде Чарлу, председателю нагпурской сессии 1891 г. охарактеризовать деятельность Юма на посту генерального секретаря как «любящий и милый депотизм» [9, р. 55].

Последней сессией Индийского национального конгресса, которую посетил его основатель, была лахорская сессия 1893 года, прошедшая под руководством Дадабхаи Наороджи. Гопал Кришна Гокхале на одном из заседаний сессии произнес речь, в которой воздал должное создателю ИНК: «Г-н Юм дал Индии, впервые в ее истории, возможность дышать и чувствовать себя единой нацией, собрав вместе просвещенных и патриотичных людей со всех концов страны, чтобы работать ради общего дела. Он пытался сделать твердыми их

запинающиеся шаги и превратить их слабый акцент в уверенную речь» [200, р. 56]. 18 марта следующего года Ассоциация Бомбейского президентства вручила Юму торжественный адрес с выражением благодарности и признательности за многолетнюю бескорыстную службу на благо Индии, подписанный президентом ассоциации Ферозшахом Мехта, Д. Э. Вача и другими [5, р. 83]. Ответом на это послание стало «Прощание с Индией» — замечательная и во многом пророческая речь Юма, в которой он подвел итоги своей деятельности в индийском национальном движении.

Он признал, что ему не удалось добиться «сколь-нибудь значительной части» того, чего он намеревался достичь, и охарактеризовал свою работу в Конгрессе как «провал» [11, р. 19], добавив, что не видит никаких перспектив для «скорейших плодов наших самых заветных надежд и чаяний». Далее он дал пессимистический прогноз мировой политики, будучи убежденным в том, что в Англии к власти снова придут империалисты-тори, и демократическому прогрессу во всем мире придется принять очередной реакционный вызов; наконец, что грядет «великая европейская война», возможно, с катастрофическими последствиями. Однако он призывал индийцев не опускать руки и, на фоне отсутствия перспективы политических и экономических реформ, обратить все силы на социальное совершенствование — предотвращение браков среди «незрелых людей» и развитие образования, особенно среди женщин. О социальных пороках он говорил из чувства долга, «как отец, который навсегда расстанется со своими детьми, которых любит и за чье будущее опасается»: «Я старый человек; я прожил свою жизнь среди вас и, возможно, знаю об Индии столь много, сколько может узнать человек за одну жизнь; но я не претендую на догматизм, а лишь говорю вам то, что я — тот, кто любит вас — считаю самым важным для вашего конечного успеха» [5, р. 85].

Юм предупреждал о серьезной опасности «междоусобной ревности» среди националистов, которая «время от времени почти сокрушала... сердце». «Поверьте, пока большинство из

вас не удовлетворит борьбой за Индию исключительно ради Индии... — немного шансов, что наступит окончательный триумф..., национальное возвращение к жизни, которого мы так долго ждали» [11, р. 19].

«Дух времени за вами, и вы должны победить... Не столь важно, что немедленный прогресс невозможен в силу тирании обстоятельств — как настоящие мужчины вы должны ковать — ковать, и ковать, и ковать — никогда не ослабляя усилий, и так постепенно приобретая ту привычку непоколебимой настойчивости, которой вам, к сожалению, так не достаёт как нации. Вы можете работать под большим давлением в течение недели, но работать при низком давлении, в течение года, равномерно и неутомимо, неспособно большинство из вас. И все же эта сила устойчивого непрерывного напряжения является самым первым условием для политического успеха, и только эти проверки научат вас...» [5, р. 84]

В 1894 году Юм навсегда покинул Индию. Его разногласия с руководством ИНК не привели к окончательному и бесповоротному разрыву; напротив, в Англии он продолжал оказывать посильную помощь индийскому национальному движению, а Конгресс «по традиции» продолжал ежегодно переизбирать его генеральным секретарем вплоть до 1906 года. Несмотря на все ошибки, несмотря на идеализм он сыграл жизненно важную роль в заложении основ того движения, которое привело Индию к независимости. Однако Юм уезжал из страны, которой отдал более сорока лет жизни, глубоко разочарованным человеком, закончившим очередное большое дело, вновь не принесшее ему удовлетворения.

Глава IX

После окончательного отъезда из Индии А. О. Юм поселился в небольшом доме на Кигсвуд-роуд в Верхнем Норвуде, в нескольких милях от Лондона [201, р. 304]. Там он организовал просторный рабочий кабинет, «красиво украшенный индийскими трофеями, где он проводил свободные минуты в научных изысканиях, которые были так дороги ему» [5, р. 87]. Но помимо научной работы он не оставлял и социально-политической деятельности. В 1891 году он выдвинул свою кандидатуру на всеобщих выборах от округа Далвич, который традиционно считался оплотом консерваторов; это не только не остановило Юма, но придало ему энергии, стимулировало, по словам Уэддерберна, его «шотландский характер» [5, р. 88].

Секретарь Либеральной ассоциации Сет Ковард вспоминал: «Спустя некоторое время после своего ухода с официальной работы в Индии г-н Юм поселился в Далвиче и сразу бросился в работу по образованию и организации избирательного округа со всей силой и энергией своего могучего интеллекта. Г-н Юм был деятельным и серьезным радикалом, который считал, что его время, состояние и все его силы должны быть отданы им в доверительное управление ради своих ближних.... В 1891 году г-н Юм усердно трудился в избирательном округе. Он был избран президентом Далвичского Реформ-клуба, вице-президентом Либеральной и радикальной ассоциации Далвича и Пенджа, а также членом исполнительного совета ассоциации... В начале 1894 он был избран президентом Либеральной ассоциации, и занимал эту должность до самой кончины» [5, р. 88].

Соратники ценили Юма за его твердую веру в либеральные принципы, его неутомимую борьбу за избирательное равенство — «один человек, один голос», искоренение кастовости в армии и на флоте, самоуправление в Ирландии и Индии. Его перо с годами не стало менее острым; порой его не

могли избежать даже единомышленники во время внутрипартийных разногласий, например, во время Хаддерсфилдской конференции 1896 г., когда радикальная фракция Национальной либеральной федерации, куда входил Юм, выражала свое недоверие лидеру партии лорду Роузбери, бывшему премьер-министру: «Г-н Юм не поехал в Хаддерсфилд, но опубликовал письмо, в котором поносил лорда Роузбери таким языком, какой никогда не используют злейшие оппоненты его светлости. Плохая тактика, малодушие и недостаток энергии — самые мягкие обвинения, которые выдвинул против экс-премьера этот радикальный реформист, утверждающий, что его взгляды разделяют тысячи избирателей» [202]. Действительно, он был довольно популярен среди радикалов и их сторонников, о чем свидетельствует «The Pall Mall Gazette»: «Г-н Юм едва ли может быть Ахиллесом..., однако нельзя отрицать, что он дает выражение взглядам радикалов-максималистов» [203].

Несмотря на это, Юм отклонил множество предложений об участии в парламентских выборах, «хотя его радикализм, подобно взглядам его отца, остался непоколебимым до самого конца» [204]. По этому поводу Э. Моултон высказал предположение, что завоевать место в Палате Общин Юму мешали возраст и слабое здоровье [6, р. хcvii], хотя нужно сказать, что в избирательных кампаниях в своем округе он, как глава Либеральной ассоциации, принимал самое деятельное участие. Сет Ковард, в частности, вспоминает одну из них: «После смерти сэра Джона Бланделла Мапла в 1903 году, г-н Ч. Ф. Г. Мастерман, теперь заместитель секретаря министерства внутренних дел, оспаривал округ. Это была короткая, острая схватка, в которую г-н Юм бросился с характерной энергией. Консерваторы, однако, сохранили место. Вскоре после этого кандидатом от либералов был выбран г-н Дэвид Уильямсон. Г-н Юм поддержал его в наиболее активной и энергичной кампании, которую когда-либо видел округ... На всеобщих выборах в январе 1906 г. г-н Уильямсон был побежден лишь 357 голосами — результат, которого удалось достичь во многом благодаря длительной и вдохновленной работе г-на

Юма» [5, р. 89]. Примечательно, что за все время работы Юма в избирательном округе либералам так и не удалось победить консерваторов на выборах, однако это только подогревало его желание продолжать борьбу. Когда в 1906 году он просил Ассоциацию освободить его от должности президента по состоянию здоровья, либералы уговаривали его остаться, поскольку «пока он жив, ни одного другого президента быть не может» [5, р. 90]; впрочем, в последние годы жизни он лишь изредка посещал заседания исполнительного комитета Либеральной ассоциации.

Активное участие в политике на родине не отвлекало внимания Юма и от Индии. Хотя он не был членом Парламента, он тесно сотрудничал с Индийским парламентским комитетом, часто встречаясь и обсуждая с Уэддерберном, Наороджи и другими деятелями национального движения важнейшие вопросы, связанные с социальной и политической жизнью Индии.

Тем временем, Комитет переживал непростые времена. Вскоре после начала работы он потребовал создания королевской комиссии по государственной службе, одновременного проведения экзаменов в гражданские службы в Индии и Англии; кроме того, Уэддерберн, как председатель Комитета, обратил внимание на огромное и быстрое увеличение военных расходов в течение 1883-1893 гг [7, р. 163]. В связи с этим была создана комиссия Уэлби, которая, однако, не нашла отклика не только у консерваторов, но и у многих либералов; аналогичным образом не нашло поддержки и требование Уэддерберна остановить рост налогов в Индии. В 1895 г., когда многие защитники Индии в Парламенте потерпели поражение на выборах, государственный секретарь по делам Индии надеялся, что деятельность Конгресса в Англии не будет успешной, «насколько можно судить из призыва Уэддерберна и его друзей (Юма, Наороджи, Кея, Уэбба и так далее) к Индии. Отрадно отметить, что Конгресс, как политическая

сила, неуклонно катится вниз в течение последних нескольких лет, что происходит, я думаю, в значительной степени из-за равнодушия и безразличия, с которым Индийское правительство терпело его деятельность» [7, р. 167].

Тем не менее, Конгресс выстоял в трудное время испытаний. Сессия 1896 года в Калькутте вызвала небывалый энтузиазм, более того, конгрессмены приняли резолюцию, выражавшую благодарность «сэру Уильяму Уэддерберну и другим членам Британского комитета... за их бескорыстную службу в деле политического прогресса Индии» [166, р. 243].

1896-1897 гг. Юм, Наороджи, Уэддерберн, С. Банерджи, Г. К. Гокхале, Р. Ч. Датт проводят, выступая по всей Великобритании в поддержку индийцев, страдающих от голода, засухи и чумы, поразивших огромные территории субконтинента. Сельское хозяйство в стране было разрушено, а апатия правительства делала недовольство еще сильнее. Индийский парламентский комитет делал все возможное, чтобы привлечь внимание Парламента на бедственное положение индийцев. В итоге был учрежден комитет по чуме, который, однако, не был способен коренным образом изменить ситуацию [7, р. 167-168]. Тем не менее, Юм и в дальнейшем неоднократно обращал внимание британской общественности на проблемы голода в Индии [205], а растущее число митингов и собраний вызывало, по мнению А. М. Боса, президента сессии ИНК 1898 г., «интерес и глубокое чувство ответственности за дела в этой стране» [32, р. 453]. По инициативе Уэддерберна в 1901 г. была создана специальная организация, занимающаяся поиском причин и средств борьбы с постоянным голодом, беспощадно уничтожавшим тысячи индийских крестьян [206]. В основе голода, периодически охватывавшего страну, лежала, по мнению Юма и Уэддерберна, не просто нехватка еды, а нищета подавляющего большинства индийского населения, о чем они неустанно твердили в течение многих лет¹.

Важной задачей, которую ставил перед собой Британский

1 См. например, речь Уэддерберна в 1908 г. [209, р. 248]

комитет ИНК, по-прежнему оставалась организация индийских делегаций в Великобританию. В 1897 г. Конгресс направил в Англию Д. Э. Вача, С. Айяра, Г. К. Гокхале и С. Банерджи для выступления перед королевской комиссией по расходам Индии, созданной в результате давления Индийского парламентского комитета, в 1898 г. на митингах в Англии активно выступали В. Ч. Бонерджи и Ананда Мохан Бос, а в январе 1899 г. Бипин Чандра Пал провел серию собраний в Шотландии [188, р. 45]. Члены Британского комитета, на чьи плечи ложилось проведение подобных мероприятий, демонстрировали завидный энтузиазм, особенно если учесть, что в 1898-1899 гг. БК ИНК не получал финансирования от Конгресса, несмотря на неоднократные увещевания Юма, и тому – вместе с Уэддерберном – зачастую приходилось поддерживать конгрессистскую пропаганду в Великобритании за счет своих собственных средств [208, р. 9, 11].

Нехватка средств стала одной из причин того, что осенью 1900 г. Уэддерберн, Юм и Наороджи направили послание президенту лахорской сессии Конгресса Н. Г. Чандаваркану, содержащее в том числе и размышления о работе ИНК в Великобритании: «Что касается работы в Англии, можно сказать, что замечательный успех сопровождает труды Британского комитета. Но работа в Англии велика и сложна, а работников немного; и они испытывают перенапряжение как в физическом, так и финансовом плане. Именно это привело сэра У. Уэддерберна к решению уйти из Парламента. В течение семи лет он нес двойное бремя – непосредственную работу в Индии... и разнообразные обязанности парламентской жизни. Он счел невозможным продолжать нести это двойное бремя... и таким образом, ныне вышел из Палаты Общин, чтобы сэкономить свои ресурсы для непосредственной работы во имя Индии. Если личное и финансовое напряжение будет удалено, он, возможно, вновь станет бороться за место в Палате Общин, поскольку только там решаются все великие вопросы, от которых в конечном счете зависит судьба Индии» [209]. Таким образом, Индийский парламентский комитет потерял одного из основателей. Впрочем, по-

сильная помощь «друзей Индии» в Палате Общин всегда рассматривалась лишь как один из инструментов движения, и Юм предупреждал «всех поддерживающих движение Конгресса в Индии», что не может обещать «никакого *значительного* улучшения позиций, даже если Либеральная и Радикальная партия придет к власти... они не будут делать ничего для людей, которые не имеют голоса здесь. Итак, вам не следует возлагать много надежд на поворот маятника, который может — и это достаточно вероятно — привести либералов к власти здесь, но который, бесспорно, не сможет автоматически вознести вас на ту высокую политическую платформу, которую мы понимаем как предоставлением вам прав как достойным гражданам Британской империи. Неужели вы думаете, что британская нация — независимо от того, тори или либералы будут у власти — свернет со своего пути, чтобы установить справедливость для вас только потому, что *это* — справедливость?» [1, р. 39-41]. Поэтому Юм в очередной раз призвал индийцев к тому, чтобы самостоятельно работать над тем, чтобы стать нацией. Однако для этого нужны не только беседы на Конгрессах, собирающихся раз в год, но ежедневный упорный и кропотливый труд, которым — увы! — не занимается практически никто из индийцев. В этом послании, опубликованном в 1903 г. в «Hindustan Times», Юм продолжает настаивать на той линии, которую вел с момента основания ИНК — меньше пустых разговоров и больше действия.

Между тем, благо британского правления для Индии, как и прежде, оставалось для него незыблемым постулатом, и в послании к двадцатой сессии ИНК, прошедшей в декабре 1904 г. в Бомбее под председательством сэра Генри Коттона [27, р. 287], он предупреждал конгрессменов об опасности осложнений отношений с английскими властями. Он писал: «Позвольте же нас всех предостеречь от любых слов или дел, которые могут способствовать дальнейшему разделению людей и правительства» [1, р. 36]. Тем не менее, спустя двадцать лет после своего создания ИНК уже не мог похвастаться таким же однородным составом, как во время первых сес-

сий, и к началу века в национальном движении уже окончательно сложились две мощные фракции — умеренные и экстремисты. Разногласия между ними усиливались с течением времени, и стали особенно острыми из-за бенгальских событий 1905 г., связанных с разделом провинции вице-королем лордом Керзоном. Раздел Бенгалии вызвал в стране небывалый национальный подъем, и популярность экстремистов в народе стремительно росла благодаря движению свадеши — бойкоту английских товаров — широко распространившемуся по провинции. На фоне патриотического воодушевления даже лидер умеренных Г. К. Гокхале — президент ИНК в 1905 г. — считал бойкоты «единственным конституционным и эффективным средством» 32, Congress Resolutions, p. 148]; однако предложение Тилака распространить бойкот на другие провинции и сферы общественной жизни не было поддержано Конгрессом.

В сложившейся ситуации все больше индийцев задавалось вопросом — так ли необходимо для страны британское правление? В начале 1906 г. Сардар Сингх Ревабхай Рана, один из основателей Парижского индийского общества, в письме Уэддерберну обвинил «Индию» — центральный орган БК ИНК — в лицемерии и предательстве дела индийского национализма. Он утверждал, что «справедливость» и либералов, и консерваторов на поверку оказывается «издевательством и обманом». Поэтому «последняя битва пройдет не в Англии в Палате Общин, как считает г-н Дадабхай, но... в Индии, ... между отважным Томми Аткинсом с одной стороны, и бравыми гуркхами, пламенными сикхами и сильными маратхами с другой, стоящими плечом к плечу за свою страну, свою честь и свою свободу» [200, p. 242-243]. Такая точка зрения испугала Уэддерберна; он переслал письмо Раны Юму, и ответ последнего был довольно резким. Он писал, что понимает позицию Раны, «но тем не менее согласен с вами [Уэддерберном — Д. Н.] в том, что он глуп». По мнению Юма, он согласился бы с этой точкой зрения, если бы среди 270 миллионов индийцев нашлось хотя бы три или четыре тысячи, готовых сражаться за свободу и умереть за

нее, но «пока там есть не больше дюжины человек, делающих так же много, как Гокхале, и ни одного, кто готов биться насмерть — наша линия действий остается единственно возможной» [200, р. 243]. Хотя взгляды самого Юма были более радикальными по сравнению с лидерами умеренных в ИНК, он не только не поддержал экстремистов, но и считал, что некоторые из них (например, Бипин Чандра Пал) должны понести наказание в соответствии с законом [163, р. 672].

Победа либералов на парламентских выборах 1905 г. и назначение лорда Минто вице-королем Индии, а лорда Морли — государственным секретарем, подготовка политических реформ в стране побудила индийских националистов начать поиски компромисса с британскими властями. В 1906 году экстремистам не удалось поставить Тилака во главе Конгресса, поскольку умеренные выдвинули кандидатуру Дадабхай Наороджи, пользовавшегося всеобщим уважением. В его честь в Лондоне было проведено торжественное заседание БК ИНК, а Юм произнес «высокий панегирик» в честь нового президента Конгресса и собравшихся гостей [210]. Избрание Наороджи позволило временно спасти ИНК от раскола, однако уже в следующем году на сессии в Сурате, где Тилаку вновь не удалось стать президентом (им стал Раш Бехари Гхош), на первом же заседании, после того, как Тилак обвинил умеренных в том, что они отошли от программы борьбы за самоуправление, принятой на предыдущей сессии, началась потасовка, («в лидеров бросали стулья, туфли и тапочки» — вспоминал С. Банерджи [29, р. 219]), которую остановило лишь вмешательство полиции. Следующие заседания фракции проводили уже раздельно. Первый раскол Индийского национального конгресса стал свершившимся фактом.

Юм был очень расстроен падением дерева, которое он выращивал много лет. Он всегда приветствовал разнообразие во мнениях и взглядах внутри ИНК, но считал, что оно не должно вести к расколу и разногласиям. В журнале «India» он писал, что «в армии прогресса» всегда находятся те, кто хочет «идти быстрее, чем их товарищи», однако считал это признаком жизненной силы и энергии движения [7, р. 185].

Но он также был уверен, что эта разница во взглядах не должна отражаться на действиях Конгресса, за которыми пристально наблюдают в Англии. «Те боли, которые испытывает сейчас Индия — это боли роста, а не упадка», а потому ИНК должен стремиться к единству, особенно во время реформ [7, р. 186]. Однако призывы Юма не были услышаны, и национальному движению пришлось пережить серьезные потрясения.

Период 1906-1909 гг. был не только временем патриотического подъема в Индии и раскола в национальном движении, но и временем реформ. Назначения Морли и Минто вызвали большую радость и в Индии, и среди ее английских друзей. И вице-король, и государственный секретарь по делам Индии демонстрировали большую заинтересованность в решении политических проблем страны. Этот интерес подогревала возросшая активность конгрессменов, Индийского парламентского комитета и БК ИНК. Впрочем, Юм, в отличие от Уэддерберна, был настроен менее оптимистично¹. Он видел противоречия в действиях новых властей, заключающиеся в том, что, проводя реформы, призванные даровать индийцам некоторую свободу, они одновременно принимали «жалкие законы» о депортации политических активистов, из-за которых ему «стыдно быть англичанином» [6, р. хcviii]. Стоит заметить, что реформы Морли-Минто, наряду с существенным расширением представительства индийцев в законодательных органах, несли в себе и угрозу углубления индусско-мусульманских противоречий из-за создания отдельной избирательной курии для мусульман. Однако Конгресс, состоявший теперь исключительно из умеренных, счел их «частичным осуществлением усилий, предпринимавшихся Конгрессом в течение последних двадцати трех лет», а члены ИНК в поздравительном письме Юму сообщали

1 В этой связи интересно, что еще в 1901 году один из членов БК ИНК (возможно, Ромеш Чандра Датт) писал, что «Уэддерберн твердо верит в сладкую убедительность разума», тогда как «внутри Юма течет кровь революционеров». См. [173, р. 173]

ли, что они «рады думать, что для вас, как для его [Конгресса — Д. Н.] отца и основателя, они будут источником большого и искреннего удовлетворения» [32, Congress Resolutions, p. 174]. И все-таки Юм мечтал «увидеть Индию, дорогую Индию, и ее милых, любезных, законопослушных людей... счастливыми и улыбающимися, и, по крайней мере, такими же свободными, как в Канаде или Австралии» [6, p. xciv].

В 1910 году президентом ИНК был избран сэр Уильям Уэддерберн. Юм был также приглашен на сессию, однако возраст и состояние здоровья не позволили ему посетить Аллахабад. Вместо этого он направил ИНК послание, ставшее последним обращением основателя к своему творению.

«С сожалением должен сказать, что, поскольку годы бегут (мне сейчас идет восемьдесят второй год), я все меньше и меньше способен предпринимать путешествия (даже короткие — здесь, в Англии) или физически напрягать все силы — хотя я очень хочу сделать так, я чувствую, что для меня совершенно невозможно принять ваше приглашение. Долгое время я мечтал посетить Индию вновь, увидеть оставшихся в живых старых друзей и помощников еще раз, прежде, чем я умру..., но сейчас состояние моего здоровья не позволяет мне решить эту задачу, и единственным утешением для меня является чувство, что наш дорогой и самый верный из друзей, сэр У. Уэддерберн, будет вместе с вами...

Я желаю вам всевозможных успехов на предстоящем Конгрессе, и я уверен, что вы сделаете все возможное, чтобы обеспечить и заслужить их.

И сейчас мне хотелось бы повторить для вас послание, отправленное моему старому другу два года назад.

«Если существует вероятность, что это мое последнее послание и совет, я хотел бы сказать вам и «всем»: «Хорошего настроения! Никогда не теряйте мужества и терпения в трудной борьбе, придерживаясь конституционных методов; будьте едины; братья-солдаты одной святой армии, отбросьте все личные цели и разногласия, будьте бдительны, мудры и выдержанны..., уверенными в то, что Сила, более великая, чем все короли, или вице-короли, или парламенты, приведет вас

в назначенный час ко всему, чего вы справедливо и мудро желали, и ко всему, что вы готовились заслужить».

Я не могу ничего к этому добавить. Пусть Господь благословит все ваши усилия по улучшению благосостояния ваших соотечественников, направляет и содействует всем вашим бескорыстным стремлениям вымостить дорогу к освобождению Индии, к счастью и развитию — физическому, духовному и моральному — ее многочисленных детей» [1, р. 32-33].

В 1910 году завершилось успехом еще одно начинание Аллана Октавиана Юма, о котором он не забывал, несмотря на активную политическую деятельность в партии и Британском комитете ИНК. Речь идет о создании Ботанического института Южного Лондона, которое стало логичным завершением несистематических, но многолетних исследований в области ботаники.

Активный интерес к ботанике Юм стал проявлять только после своего отъезда из Индии. В 1899 г. он знакомится с Фредериком Гамильтоном Дейви, известным исследователем из Корнуолла, который в то время искал помощи в издании подробного описания флоры полуострова [211]. Знакомство с Юмом стало «поворотным пунктом в его карьере и началом работы всей его жизни — «Флоры [Корнуолла]» [212, р. x]. В 1901 году Юм становится членом Лондонского Линнеевского общества, хотя методы его работы в научной сфере порой вызывали недовольство коллег. «Он хотел собрать все виды... из всевозможных мест, естественно, с тем, чтобы найти имена для них; и его было невозможно убедить, что образцы однолетников, извлеченных из скудной почвы или росших вблизи доков, умрут в конце сезона и, вероятно, никогда не появятся вновь, могут не иметь ботанического интереса» [213, р. 347]. Юм, впрочем руководствовался благородными мотивами — его коллекция британских растений должна была составить ядро будущего института; кроме

того, он не жалел средств для развития ботаники в регионе, пожертвовав на нужды науки более 10 000 фунтов стерлингов и оставив по завещанию еще 14 000 [214, р. 370].

В том же году он начал тесно сотрудничать с У. Гриффинном, будущим куратором Ботанического института, который стал постоянным помощником Юма, собиравшим для него наиболее ценные образцы растений [5, р. 92]. Вместе с ним они работали в Дауне, в графстве Кент, где много лет жил и работал Чарльз Дарвин. Кроме того, в 1901-1910 г. Юм совершил множество поездок по различным графствам Великобритании, неустанно пополняя и обновляя свою коллекцию [5, р. 94-95]. В вышедшей в 1909 г. «Флоре Корнуолла» Ф. Дейви называет Юма «спутником во многих экскурсиях по Корнуэллу и Девону и... величайшим помощником в подготовке настоящей «Флоры» [213, р. 348]. Сам же Юм, в отличие от периода, когда он был увлечен орнитологией, практически не писал статей по ботанике, за исключением трех заметок, появившихся в «Ботаническом журнале» в 1901-1902 г., занимаясь преимущественно полевой работой.

Уже в 1907 г. Юм занимался поиском попечителей для Ботанического института. В частности, одним из них стал Генри Гровс, английский исследователь харофитовых водорослей. Гровс не разделял оптимизма Юма в отношении регенеративной миссии института, но был полон надежд на то, что новое начинание принесет большую пользу научному сообществу [215, р. 77]. Впрочем, Юм умел заражать своей уверенностью окружающих: в 1905 г., за пять лет до создания института, английский ботаник Ф. Таунсенд завещал свой гербарий и ботаническую библиотеку Ботаническому институту Южного Лондона [5, р. 97].

Наконец, в 1910 году Аллан Юм приобретает в собственность помещение на Норвуд-роуд и подготавливает его для размещения гербария и библиотеки. В ноябре обязанности управления были возложены на попечителей, которым перешло помещение вместе со всем содержимым и денежный фонд для того, чтобы обеспечить существование института. Так был основан Ботанический институт Южного Лондона,

ставивший своей целью «продвижение, поощрение и содействие изучению ботанической науки жителями Южного Лондона» [5, p. 95]. Лекции в нем читались еженедельно, а вход был открыт во все дни за исключением субботы, отведенной для посещения института членами сообществ натуральной истории [216].

Хотя Юм горячо протестовал против рекламирования института и еще более против рекламы собственной щедрости, ограничившись только рассылкой проспекта дружественным сообществам, его институт получал в дар коллекции ведущих британских ботаников. У. Гриффин вспоминал: «В 1901 году, когда я присоединился к г-ну Юму, его британский гербарий насчитывал около 2-3 тысяч листов. В настоящее время он содержит около сорока тысяч листов, каждый из которых прошел через руки г-на Юма...» [5, p. 96].

Ботанический институт Южного Лондона благополучно существует по сей день, чтит память своего основателя и остается верен поставленным им целям.

В ноябре 1911 года Юм пережил сердечный приступ, после которого уже не смог оправиться. Уэддерберн, понимая, что смерть его друга и соратника не за горами, начинает подготовку мемуаров. В мае 1912 г., когда состояние Юма ненадолго улучшилось, близкий друг семьи по просьбе его дочери, Мэри Джейн Скотт, отобрал те из разрозненных бумаг Юма, которые могли помочь Уэддерберну в его миссии [6, p. xl-xli].

Аллан Октавиан Юм скончался 31 июля 1912 года. «Его похороны на Бруквудском кладбище были простыми; слов... было немного. Но далеко, среди миллионов индийцев, царила глубокая печаль. В телеграммах, письмах, резолюциях на публичных собраниях люди выражали свои чувства трогательными словами» [5, p. 107]. 2 августа Уэддерберн опубликовал некролог в журнале «India» [6, p. xli], а днем позже печальное известие появилось и в индийских газетах [217]. На траурном митинге в Вестминстере Гокхале назвал Юма чело-

веком из тех, «которые время от времени появляются в мире по милости мудрого Провидения, ...чей голос звучит как трубный зов, пробуждая людей от сна веков» [5, р. 136]. В Калькутте с речами в память о нем выступали Банерджи и Р. Б. Гхош, в Аллахабаде — пандит Мадан Мохан Малавия, назвавший Юма «лучшим из англичан» и «великой душой» [5, р. 137]. «Indian Patriot» свидетельствовал о «вселенской печали по всей Индии» [7, р. 257], а лахорская «Tribune» утверждала, что Юм на одни только почтовые марки потратил большую сумму, чем большинство людей пожертвовало в пользу Конгресса [7, р. 260].

В конце августа известие о смерти Юма достигло Южной Африки. Будущий лидер Конгресса, Мохандас Карамчанд Ганди, в небольшой заметке отдал дань уважения его основателю: «С последней английской почтой пришло известие о смерти г-на А. О. Юма, который был известен как «отец Индийского национального конгресса»... Настоящие друзья Индии столь редки, что мы испытываем особую благодарность к тем, кто прилагает все усилия, чтобы понять своеобразное и, во многих случаях, тяжелое положение Индии в Британской империи. Слишком часто мы видим, что отставные государственные служащие Индии лишены симпатий к индийскому народу. В случае с покойным г-ном Юмом все было иначе. Он не считал, что принимать индийцев как равных было ниже его достоинства. Он работал бок о бок с лидерами народа, воодушевляя их своим доброжелательным сочувствием и побуждая их на высокие и благородные дела. Мы знаем, что, хотя силы оставили его, энтузиазм его никогда не ослабевал. Мы по-прежнему надеемся и верим, что Англия сможет произвести на свет человека, подобного г-ну Юму — человека, который будет стоять за справедливость, чего бы это не стоило. Со смертью г-на Юма Индия потеряла настоящего друга» [218, р. 224].

Действительно, именно другом был для Индии Аллан Октавиан Юм — другом, который посвятил ей всю свою жизнь и ничего не требовал взамен, бескорыстно отдавая стране все силы, знания и энергию. Могучее дерево, посажен-

ное им и его соратниками на индийской земле — Национальный конгресс — дало свои плоды и помогло Индии добиться свободы, о которой мечтал Юм. Его имя — увы! — не встало в один ряд с именами признанных лидеров национально-освободительного движения — Ганди, Неру, Тилаком — но сами они всегда помнили о том, кому обязаны созданием самой массовой организации страны. На причудливом надгробии на могиле Юма почти стерлись буквы, но память о нем до сих пор живет и, хочется думать, никогда не угаснет.

Заключение

Споры о роли личности в истории, вероятно, никогда не утратят своей актуальности. Без сомнения, и превращение Индии в британскую колонию, и последующее национальное пробуждение были явлениями закономерными, во многом совпадающими с общемировыми процессами. Однако эти глобальные процессы ассоциируются у людей, прежде всего, с выдающимися личностями, которые так или иначе принимали в них участие. Невозможно представить историю британского завоевания Индии без Роберта Клайва, равно как и ее освобождение от колониальных уз — без Махатмы Ганди. Яркие личности, таким образом, персонализируют глубинные процессы, происходящие в обществе по законам исторического развития. Они олицетворяют эпоху, являясь в то же время продуктом ее.

Аллан Октавиан Юм, безусловно, был именно таким человеком, плотью от плоти своей эпохи, но — человеком, смотревшим в будущее и трудившимся ради него для страны, ставшей подлинной любовью всей его жизни. Его нельзя назвать ни борцом с колониализмом, ни его сторонником — потому что и окружение, и воспитание, и самое время, события, свидетелем и участником которых он был, оказывали на него совершенно полярное воздействие. Родиной Юма была Британская империя, но не Англия или Индия, а тот пресловутый *Rex Britannica*, многообразный и противоречивый, в котором находилось место и имперскому величию, и страстной тяге к свободе. Он, поэтому, искренне считал, что все лишения, которые испытывала Индия под гнетом британского Раджа — следствие неумелого управления, ошибки которого он считал должным и возможным исправлять всеми доступными его средствами. Эта «работа над ошибками», по большому счету, и стала миссией всей его жизни. Но Индия также не должна была отвечать империи черной неблагодарностью восстаний и бунтов — и Юм не принял ни мятеж

1857 г., ни раскол Конгресса полстолетия спустя. В конце концов — и он сам не раз говорил об этом — отношение Юма к Индии было патерналистским. Он, как добрый, но справедливый отец, делал все, чтобы его дети были счастливы — и в этом причина итавских реформ, развития образования и создания ИНК — но не мог и подумать о том, чтобы Индия разорвала связь с империей или открыто восставала против нее. Справедливости ради стоит сказать, что таких же взглядов придерживались индийские либералы, родоначальники национального движения в стране; в течение многих десятилетий эту точку зрения разделял и Ганди.

Возможно, Аллан Октавиан Юм не сумел достичь всего, о чем мечтал. Он не смог побороть бюрократическую систему, которая воспринимала в штыки его благие начинания; Индийский национальный конгресс также выбрал свой путь, и Юм уже не узнал, что его мечта о превращении ИНК в массовую организацию, не на словах, а на деле откликавшуюся на проблемы и невзгоды страны, начнет воплощаться менее, чем через десять лет; наконец, ему не довелось увидеть индийцев свободными «как в Канаде или Австралии». Но его труд не был напрасным, и даже спустя столетие Индия помнит своего друга и остается благодарной ему за его упорство и бесстрашие в борьбе за счастье и благополучие индийского народа.

Библиография

1. Allan O. Hume. A sketch of his life and his service to India. Madras, 1912. 48 p.
2. Wedderburn W. Allan Octavian Hume, C. B.: Father of the Indian National Congress, 1829-1912. London, 1913. 182 p.
3. Wedderburn W. Allan Octavian Hume, C. B.: Father of the Indian National Congress, 1829-1912. New Delhi, 1974. 182 p.
4. Wedderburn W. Allan Octavian Hume, C. B.: Father of the Indian National Congress, 1829-1912. New Delhi, 1988. 182 p.
5. Wedderburn W. Allan Octavian Hume: "Father of the Indian National Congress", 1829-1912. New Delhi, 2002. 165 p.
6. Moulton E. Editor's Introduction // Wedderburn W. Allan Octavian Hume: "Father of the Indian National Congress", 1829-1912. New Delhi, 2002. P. ix-c
7. Yadav B. D. A. O. Hume: founder of Congress. New Delhi, 1992. 287 p.
8. Mehrotra S. R. The emergence of the Indian National Congress. Delhi, 1971. 461 p.
9. Mehrotra S. R. Towards India's freedom and partition. New Delhi, 1979. 322 p.
10. Mehrotra S. R. A History of the Indian National Congress. Vol. 1: 1885-1918. New Delhi, 1995. 465 p.
11. Moulton E. Allan O. Hume and the Indian National Congress, a reassessment // South Asia: Journal of South Asian Studies. 1985. Vol. 8, № 1-2. P. 5-23
12. Moulton E. The contributions of Allan O. Hume to the scientific advancement of Indian ornithology // Petronia: fifty years of post-independence ornithology in India. Bombay, 2003. P. 295-317
13. Moulton E. The beginnings of the Theosophical movement in India, 1879-1885: Conversion and non-conversion experiences // Religion conversion movements in South Asia: continuities and change, 1800-1900. Hoboken, 2013. P. 109-172
14. Selected works of Allan Octavian Hume. Volume I: 1829-1867.

- District administration in North India, rebellion and reform. New Delhi, 2004. 786 p.
15. Hume A. O. Agricultural reform in India. London, 1879. 107 p.
 16. H. X. Hints on Esoteric Theosophy. No. 1. Calcutta, 1882. 131 p.
 17. H. X. Hints on Esoteric Theosophy. No. 2. Calcutta, 1883. 74 p.
 18. The Star in the East or The Bengal National League. Calcutta, 1886. 58 p.
 19. The Old Man's Hope: A Tract for the Time. Calcutta, 1886. 17 p.
 20. The Rising Tide or The progress of political activity in India. Calcutta, 1886. 15 p.
 21. Audi alteram partem: being two letters on certain aspects of the Indian National Congress movement. Simla, 1888. 88 p.
 22. Hume A. O., Marshall C. H. T. The game birds of India, Burmah and Ceylon. In 3 vol. Calcutta, 1879-1881
 23. Hume A. O. The nests and eggs of Indian birds. In 3 vol. London, 1889-1891
 24. Hume A. O. My scrap book, or, Rough notes on Indian oology and ornithology. Calcutta, 1869. 237 p.
 25. Collected Works of Florence Nightingale. Vol. 10: Florence Nightingale on social change in India. Waterloo, 2007. 952 p.
 26. Olcott H. S. Old Diary Leaves. 1878-1883. Cambridge, 2011. 508 p.
 27. Cotton H. Indian and Home memories. London, 1911. 352 p.
 28. Memoirs of Ruchi Ram Sahni: pioneer of science popularisation in Punjab. New Delhi, 1994. 191 p.
 29. Banerjea S. A nation in making. Calcutta, 1963. 389 p.
 30. Минаев И. П. Дневники путешествий в Индию и Бирму 1880 и 1885-1886 гг. М., 1955. 252 с.
 31. Proceedings of the first Indian national congress, held at Bombay on the 28th, 29th and 30th December, 1885. Madras, 1905. 90 p.
 32. The Indian National Congress: Containing an account of its origin and growth, full text of all the Presidential Addresses, reprint of all the Congress Resolutions, extracts from all the Wel-

- come Addresses, notable utterances on the movement, portraits of all the Congress Presidents. Madras, [1906]. 1167 p.
33. Speeches and writings of Sir Dinshaw Edulji Wacha. Madras, [1920]. 496 p.
 34. Bal Gangadhar Tilak: His writings and speeches. Madras, 1922. 411 p.
 35. Bhinga, raja of. Democracy not suited to India. Allahabad, 1888. 104 p.
 36. Showing the seditious character of the Indian National Congress and the opinions held by the eminent natives of India who are opposed to the Movement. Allahabad, 1888. 122 p.
 37. Huch R. K., Ziegler P. R. Joseph Hume, the People's M. P. Philadelphia, 1985. 172 p.
 38. Joseph Hume // Lives of the Illustrious. 1856. Vol. I-II. P. 78-99
 39. Death of Joseph Hume, Esq, M. P. // Littell's Living Age. 1855. Vol. 45. P. 83-85
 40. Walford E. Hardwicke's Annual Biography for 1856, containing original & selected Memoirs of celebrated characters who have died during the year 1855. London, 1856. 400 p.
 41. A. J. Early career of the late Joseph Hume, M. P. // Willis's Current Notes: A series of articles on antiquities, biography, heraldry, history, languages, literature, natural history, curious customs etc., selected from original letters and documents addressed during the year 1855, to the publisher, George Willis. London, 1856. P. 47-48
 42. Chancellor V. E. The Political Life of Joseph Hume, 1777-1855. London, 1986. 184 p.
 43. Incidents, marriages, and deaths, in and near London // The Monthly Magazine, or, British Register. 1815. Vol. XL, Part II. P. 273-277
 44. Hertford Mercury and Reformer. 1848. December 16.
 45. Новая история Индии. М., 1961. 834 с.
 46. Dundee, Perth & Cupar Advertiser. 1853. May 6.
 47. Selections from the Records of Government, North Western Provinces. Vol. IV, Part XXII-XXIX. Agra, 1856. 511 p.
 48. The Hobartton Mercury. 1856. November 21.

49. Sherring M. Hindu tribes and castes as represented in Benares. Calcutta, 1872. 405 p.
50. Hovell-Thurlow T. J. The Company and the Crown. Edinburgh ; London, 1867. 301 p.
51. Kaye J. W. The History of the Sepoy War in India, 1857-58 In 3 vol. London, 1896
52. Hodder E. Heroes of Britain in peace and war. Vol. I. London, 1878
53. The Tribune. 1912. August 23.
54. Malleson G. B. The mutiny of the Bengal army: an historical narrative by one who has served under sir Charles Napier. London, 1857. 48 p.
55. Accounts and papers of the House of Commons: Further papers (No. 4) relative to the mutinies in the East Indies. London, 1857. 309 p.
56. The India. 1912. August 2.
57. The Morning Post. 1857. August 29.
58. The York Herald. 1857. September 5.
59. The Stirling Observer. 1857. September 3.
60. Freedom Struggle in Uttar Pradesh. Vol. V: Western districts and Rohilkhand. Lucknow, 1960. 1108 p.
61. Accounts and papers of the House of Commons: Further Papers (No. 7 in continuation of No. 5) relative to the Mutinies in the East Indies. London, 1857. 312 p.
62. Annals of British Legislation. Vol. 5. London, 1859. 512 p.
63. The Morning Chronicle. 1858. March 22
64. The Bath Chronicle. 1858. March 25.
65. The Indian News, and Chronicle of Eastern Affairs. 1858. March 20.
66. The Encyclopædia Britannica, or, Dictionary of arts, sciences and general literature. Vol. XVI. Edinburgh, 1858. 831 p.
67. Bulletins and Other State Intelligence for the year 1858. Part II. London, 1860. P. 1507-2528.
68. Gandhi R. Revenge and Reconciliation: Understanding South Asian History. New Delhi, 1999. 463 p.
69. Bulletins and Other State Intelligence for the year 1858. Part

- III. London, 1860. P. 2529-3368.
70. Trevelyan G. O. *The Competition Wallah*. London ; Cambridge, 1864. 452 p.
 71. *The Standard*. 1859. October 8.
 72. Yusuf Ali A. *A cultural history of India during the British period*. Bombay, 1940. 334 p.
 73. Syed Ahmad Khan. *The causes of the Indian revolt*. Karachi, 2000. 65 p.
 74. Wagner K. A. "Treading Upon Fires": The "Mutiny"-Motif And Colonial Anxieties in British India // *Past and Present*. 2013. № 218. P. 159-197
 75. Temple R. James Thomason. Oxford, 1893. 215 p.
 76. Kumar A. *New Lamps for Old: Colonial Experiments with Vernacular Education, Pre- and Post-1857 // 1857 essays from Economic and Political Weekly*. New Delhi, 2008. P. 103-122
 77. Quanungo S. N. *Historical background of compulsory free education in India, 1830-1893*. Lucknow, 1969. 64 p.
 78. Bremner C. S. *Education in an Indian District // Journal of Education (Oxford)*. 1914. P. 813-814.
 79. A. O. Hume to G. F. Harvey, 21 January 1857 // *Selections from the Records of Government, North Western Provinces*. Part XXXIII. Allahabad, 1860. P. 1-16.
 80. *Extracts from the Minutes and Proceedings of the Yearly Meeting of Friends*. London, 1863. 132 p.
 81. Panigrahi L. *British social policy and female infanticide in India*. New Delhi, 1972. 204 p.
 82. Kempson M. *Report on the Progress of Education in the North-West Provinces for the year 1861-1862*. Allahabad, 1862. 198 p.
 83. *Report on the Administration of the North-Western Provinces for the year 1863-1864*. Allahabad, 1864. 456 p.
 84. Misra B. D. *A history of the secondary education in Uttar Pradesh, 1843-1900*. Delhi, 1989. 236 p.
 85. *Annual Report of the Dispensaries of the North-Western Provinces for 1865*. Allahabad, 1866. 146 p.
 86. Lightstone D. *Caste and Legislation in Colonial India: 1772-*

1883. Madison, 2009. 190 p.
87. Report of the Police Administration in the North Western Provinces the year 1863-1864. Allahabad, 1864. 162 p.
 88. Burton-Page J. Indian Islamic Architecture: Forms and Typologies, Sites and Monuments. Leiden ; Boston, 2008. 194 p.
 89. Maheshwari S. The Census Administration Under the Raj and After. New Delhi, 1996. 227 p.
 90. The Standard. 1867. July 27.
 91. Chinchalker D. Taxman's Hedge // Down to Earth. 2009. January 16-31. P. 49-51.
 92. Moxham R. The Great Hedge of India. New York, 2001. 234 p.
 93. Hansard's Parliamentary Debates. 3rd series. Vol. CLXX. London, 1863
 94. The Morning Post. 1871. January 7.
 95. Wallach B. Losing Asia: Modernization and the Culture of Development. Baltimore, 1996. 237 p.
 96. Pottinger G. Mayo: Disraeli's viceroy. Salisbury, 1990. 224 p.
 97. Randhawa M. S. The Indian Council of Agricultural Research, 1929-1979. New Delhi, 1979. 510 p.
 98. Petrie I. C. Village visions: science and technology in the Bengal countryside, c. 1860-1947. University of Pennsylvania, 2004. 295 p.
 99. Watts J. The facts of the cotton famine. London, 1866. 472 p.
 100. Raj Pravin T., Philip A. Agricultural policy planning in India. Jodhpur, 2004. 140 p.
 101. Dayal L. State and the people: political history of Government in India. New Delhi, 1998. 331 p.
 102. Allen's Indian Mail. 1871. May 30.
 103. The Western Times. 1871. May 31.
 104. Report on the Administration of Bengal. Calcutta, 1876.
 105. Pall Mall Gazette. 1871. July 31.
 106. The Medical Times and Gazette. 1872. April 13.
 107. Connell A. K. Discontent and danger in India. London, 1880. 138 p.
 108. Naoroji D. Poverty and un-British rule in India. London, 1901. 675 p.

109. Eliot James A. G. F. Indian industries. London, 1880. 376 p.
110. Sivaramakrishnan K. Conservation and production in private forests: Bengal, 1864-1914 // Studies in History. 1998. Vol. 14. P. 237-264.
111. Gadgil M., Guha R. This fissured land: an ecological history of India. Berkeley, 1993. 274 p.
112. Whitcombe E. Agrarian conditions in Northern India: The United Provinces under the British rule, 1860-1900. Berkeley, 1972. 330 p.
113. [Knight R.] Memorandum on the condition of India // The Statesman: a monthly review of Home & foreign politics. 1880. P. 202-237.
114. The Glasgow Herald. 1879. June 4.
115. The Morning Post. 1871. September 30.
116. Collar N. J., Prys-Jones R. P. Pioneer of Indian Ornithology: Allan Octavian Hume // Birding Asia. 2012. № 17. P. 17-43.
117. Ali S. Ornithology in India: its past, present and future // Proceedings of the Indian National Science Academy. 1971. Vol. 37B, №3. P. 99-113.
118. Dobriyal S. K. Encyclopaedia of World Great Zoologist. Delhi, 2007. 477 p.
119. Murray J. A. The avifauna of British India and its dependencies. Vol. I. London; Bombay, 1888. 367 p.
120. Stray Feathers. 1872-1888.
121. Western Times. 1885. August 26.
122. The Evening Telegraph and Star. 1891. April 30.
123. Неру Дж. Автобиография. М.;Л., 1955. 655 с.
124. Daily News (Sri Lanka). 2009. February 17.
125. Blavatsky H. P. Collected Writings. Vol. II: 1879-1880. Whaeton, 1967. 590 p.
126. Buck E. J. Simla: Past and Present. Calcutta, 1904. 270 p.
127. Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. 774 с.
128. Sinnett A. P. The occult world. London, 1881. 172 p.
129. Murdoch J. The Theosophic Craze. Madras, 1894. 93 p.
130. Письма Махатм. Самара, 1993. 720 с.

131. Paul Johnson K. The Masters Revealed: Madame Blavatsky and the Myth of the Great White Lodge. Albany, 1994. 288 p.
132. Fuller J. O. Blavatsky and her teachers: an investigative biography. London, 1988. 270 p.
133. Our Branches // Supplement to The Theosophist. 1881. Vol. 2, № 12.
134. Hume A. O. A Buddhist Catechism // The Theosophist. 1881. Vol. 2, № 12. P. 270-271.
135. Aletheia. Friendly Chastisement // The Theosophist. 1881. Vol. 3, № 9. P. 223.
136. Fragments of Occult Truth // The Theosophist. 1881. Vol. 3, № 1. P. 17-22.
137. Fragments of Occult Truth // The Theosophist. 1881. Vol. 3, № 6. P. 157-160.
138. Fragments of Occult Truth // The Theosophist. 1882. Vol. 3, № 12. P. 307-314.
139. «C. C. M.» and «Isis Unveiled» // The Theosophist. 1882. Vol. 3, № 12. P. 324-326.
140. Sinnett A. P. Incidents in the life of madame Blavatsky. London, 1886. 365 p.
141. The Statesman. 1884. September 20.
142. Bevir M. Theosophy and the Origins of the Indian National Congress // International Journal of Hindu Studies. 2003. Vol. 7, № 1-3. P. 99-115.
143. Скороходова Т. Г. Раммохан Рай – родоначальник Бенгальского Возрождения. СПб., 2008. 369 с.
144. Desai A. R. Social background of Indian Nationalism. Mumbai, 2005. 439 p.
145. Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии. М., 1954. 442 с.
146. Seal A. The emergence of Indian nationalism: Competition and collaboration in the later nineteenth century. Cambridge, 1971. 417 p.
147. Iyengar A. S., Ajooha-Patel K. Role of press and Indian freedom struggle. New Delhi, 2001. 338 p.
148. Goodwin G. A trustworthy interpreter between rulers and ruled:

- Behramji Malabari, colonial and cultural interpreter in nineteenth-century British India // *Social History*. 2013. Vol. 38, №1. P. 1-25.
149. Masani R. P. *Dadabhai Naoroji, the Grand Old Man of India*. London, 1939. 567 p.
150. Dobbin C. The Ilbert bill: A study of Anglo-Indian opinion in India, 1883. // *Historical Studies: Australia and New Zealand*. 1965. Vol. 12, № 45. P. 87-102.
151. Вигасин А. А. И. П. Минаев и русская политика на востоке в 80-е годы XIX в. // *Восток*. 1993. № 3. С. 109-122.
152. Mazumdar A. *Indian national evolution*. Madras, 1917. 441 p.
153. Hirschmann E. "White Mutiny": The Ilbert Bill Crisis in India and Genesis of the Indian National Congress. Delhi, 1980. 331 p.
154. Suntharalingam R. The "Hindu" and the genesis of nationalist politics in South India, 1878–1885 // *South Asia: Journal of South Asian Studies: Series 1*. 1972. Vol. 2, № 1. P. 64-80.
155. Patel D. Live wire in the nationalist movement // *The Hindu*. 2013. July 15.
156. Хашимов И. М., Кутина М. М. Деятельность Индийского национального конгресса и региональных общественных организаций Индии (конец XIX- начало XX в.). Ташкент, 1988. 280 p.
157. Parel A. Hume, Dufferin and the origins of Indian national congress // *Journal of Indian History*. 1964. Vol. XLII. P. 707-725.
158. Cumpston M. Some early Indian nationalists and their allies in the British Parliament, 1851-1906 // *The English Historical Review*. 1961. Vol. 76, № 299. P. 279-297.
159. *The Evening Telegraph*. 1885. October 31.
160. Majumdar R. C. *History of the freedom movement*. Vol. I. Calcutta, 1962. 556 p.
161. Кутина М. М. Из истории национально-освободительного движения в Индии в XIX в.: образование партии Индийский национальный конгресс. Ташкент, 1965. 152 с.
162. Abel M. *Glimpses of Indian national movement*. Hyderabad, 2005. 327 p.

163. The Complete Works of Sri Aurobindo. Vol. 6-7. Pondicherry, 2002. 1182 p.
164. Rajamani N. Allan Octavian Hume – Lover of India and Indians // *Modern Review*. 1970. Vol. 126. P. 176-178
165. Ellis M. Allan Octavian Hume: Father of the Congress Party // *Koh-i-noor*. 1986. Vol. I, № 2. P. 56.
166. Besant A. How India wrought for freedom. Adyar, 1915. 709 p.
167. Briton Martin Jr. Lord Dufferin and the Indian National Congress, 1885-1888 // *Journal of British Studies*. 1967. Vol. 7, № 1. P. 68-96.
168. India's claim for Home Rule. Madras, 1917. 511 p.
169. The Voice of India. Vol. 5. 1887
170. Tyabji H. B. Badruddin Tyabji: A biography. Bombay, 1952. 410 p.
171. Chitkara M. G. Converts do not make a nation. New Delhi, 1998. 719 p.
172. Jayapalan N. Social and cultural history of India since 1556. New Delhi, 2000. 237 p.
173. McLane J. R. Indian nationalism and the early Congress. Princeton, 2015. 418 p.
174. The Western Times, Exeter. 1887. November 29.
175. The Northampton Mercury. 1888. August 11.
176. Sen S. N. History of the freedom movement in India (1857-1947). New Delhi, 2003. 409 p.
177. The Star (Guernsey). 1888. November 29.
178. Rai L. L. Young India. New York, 1916. 226 p.
179. Dufferin and Ava, marquis of. Speeches delivered in India, 1884-8. London, 1890. 288 p.
180. Hansard's Parliamentary Debates. 3rd series. Vol. CCCXXXI. London, 1888
181. Majumdar B., Mazumdar B. P. Congress And Congressmen In The Pre-Gandhian Era (1885-1917). Calcutta, 1967. 527 p.
182. The Indian Nation Builders. Vol. III. Delhi, 1989. 445 p.
183. Pall Mall Gazette. 1889. March 21.
184. The North-Eastern Daily Gazette. 1889. January 3.
185. Hansard's Parliamentary Debates. 3rd series. Vol. CCCXXXIII.

- London, 1889
186. Hansard's Parliamentary Debates. 3rd series. Vol. CCCXXX. London, 1888
 187. Shankar P. R. The British Committee of Indian National Congress, 1889-1921. New Delhi, 2011. 322 p.
 188. Kaushik H. P. The Indian National Congress in England (1885-1920). Delhi, [1972]. 155 p.
 189. Hansard's Parliamentary Debates. 4th series. Vol. III. London, 1892.
 190. The Nottingham Evening Post. 1890. February 4.
 191. The Taunton Courier. 1890. April 23.
 192. The Northampton Mercury. 1890. April 19.
 193. The Western Daily Press. 1890. May 2.
 194. Dundee Courier. 1890. June 6.
 195. Royal Cornwall Gazette. 1890. April 24.
 196. Kaminsky A. P. The India Office, 1880-1910. New York, 1986. 294 p.
 197. Argov D. Moderates and Extremists in the Indian Nationalists Movement, 1883-1920. Bombay, 1967. 246 p.
 198. The Morning Post. 1891. October 26.
 199. Bhagwat A. K., Pradhan G. P. Lokmanya Tilak: A biography. Ahmedabad, 2008. 622 p.
 200. Nanda B. R. Gokhale: The Indian Moderates and the British Raj. Princeton, 1977. 520 p.
 201. Electoral register, 1897 // Ancestry.com. London, England, Electoral Registers, 1832-1965 [database on-line]. Provo, UT, USA: Ancestry.com Operations, Inc., 2010.
 202. The Dundee Courier. 1896. March 27.
 203. The Pall Mall Gazette. 1896. March 25.
 204. West Gippsland Gazette. 1912. October 29.
 205. The People (Sidney). 1901. August 10.
 206. The Morning Post. 1897. January 5.
 207. Speeches and writings of sir William Wedderburn. Madras, [1918]. 542 p.
 208. Ghosh P. C. The development of the Indian National Congress, 1892-1909. Calcutta, 1960. 263 p.

209. The Daily News. 1900. November 23.
210. The Devon and Exeter Gazette. 1906. November 21.
211. Royal Cornwall Gazette. 1900. March 29.
212. Thurston E. A supplement to F. Hamilton Davey's Flora of Cornwall. Truro, 1922. 172 p.
213. Allan Octavian Hume, C. B. (1829-1912) // Journal of Botany, British and Foreign. 1912. Vol. 50. P. 347-348.
214. Scientific notes and news // Science. 1912. Vol. XXXVI, № 925. P. 369-373.
215. [Groves J.] Henry Groves (1855-1912) // Journal of Botany, British and Foreign. 1913. Vol. 51. P. 73-79.
216. Sunday Times (Sydney). 1912. May 12.
217. The Times of India. 1912. August 3.
218. Collected works of Mahatma Gandhi (Electronic book). Vol. 12. New Delhi, 1999. 487 p.

СВЯЗЬ С АВТОРОМ

Никитин Дмитрий Сергеевич

nikitds33@gmail.com

Отпечатано в типографии
ООО Издательство «Сибпринт»
630099, г. Новосибирск, ул. М. Горького, 39